

Михаил АБДУЖИ

ПРОСТИТЕ НАС,
ЖУРАВУШКИ

2016

Михаил АВЕРИН

ПРОСТИТЕ НАС, ЖУРАВУШКИ

Рассказы и очерки
о природе Приишимья

Курган, 1998 г.

Эта книга — сборник разножанровых произведений в диапазоне от публицистики до лирических новелл (воспоминания, невыдуманные рассказы, очерки, зарисовки, выступления в прессе) — плод многолетних наблюдений за экологическим состоянием Приишимья.

Автор — ветеран Великой Отечественной, кавалер боевых наград, четверть века отдавший кинофикации Северного Казахстана, удостоенный значка "Отличник кинематографии СССР", персональный пенсионер, драматург и журналист, краевед, чуткий и тонкий знаток и страстный защитник природы, испытывающий боль за ее страдания по вине человека. Охватывая все аспекты экологического состояния водоемов, лесов, животного мира, он не дает спуска нерадивым, невежественным и неумелым администраторам, всем, кто так или иначе наносит вред окружающей среде, и с теплотой рассказывает о своих соратниках-природолюбцах. Он предельно конкретен и профессионален в показе результатов безответственного отношения к природе, незнания или игнорирования ее законов.

Автор — не только талантливый публицист и интересный рассказчик, но и мастер художественного слова с тонким эмоциональным восприятием. Своей публицистической страстностью и лирической проникновенностью он стремится пробудить у людей любовь к высокому и прекрасному, к миру, нас окружающему.

ISBN 5-87247-131-9

© М. Аверин
© Издательство
"Зауралье"

*Посвящается
моим землякам-
североказахстанцам...*
М. АВЕРИН.

О ЧЕМ КУРЛЫЧУТ ЖУРАВЛИ...

Ум без разума — беда
(Народная поговорка)

В старину была ходячей такая побасенка. — Сынок богатого папаша хвалится перед мальчишкой-бедняком: "Мне тятка сапоги купил шагреновые!" А тот подумал и с гордостью говорит: "А над нашей избушкой всегда солнышко!"

Когда южане хвалятся обилием фруктов и овощей, мы им непременно и не без гордости говорим: "А у нас в Северном Казахстане больше всех озер!"

И в самом деле, если взглянуть на карту, увидишь, что наша область меньше других, но по числу водоемов занимает первое место в республике — 3000 озер, река Ишим и крупное Сергеевское водохранилище.

В принципе, все наши озера одинаковы. Имеют голубые плесы и дремлющие в тихом шепоте камыши — естественные очистные сооружения и надежное укрытие для птиц, место их гнездования, свершения таинства размножения и надежного выращивания своего потомства.

За свою многолетнюю жизнь мне много раз приходилось ночевать в лодке, ожидая зорьку. И вот что характерно: карась, абориген наших озер, не всегда даст спокойно заснуть. Он не шумит, не плещется зря, усердно трудится в поисках пищи, тормозит камыш, задевает за лодку, а наткнувшись на вкусную пищу, смачно чмокает. Вот так лежишь и вслушиваешься в кипучую жизнь подводного мирка. А ведь таких "миров" только в нашей области три тысячи! Вдумаешься — и невольно хочется воскликнуть:

каким богатством одарила природа этот край! И осознаешь, что не зря крестьяне, убегая от крепостничества из Центральной России в конце XVII века, перемахнув через Уральский хребет, облюбовали эти края! Их привлекали не только просторы плодородных земель, дремучие, богатые зверем леса, но и водоемы, изобилующие рыбой. Именно рядом с ними и возникали села. Многие озера и селения и донине носят единые названия: Кривозерка, Бешкуль, Плоское, Белое, Глубокое, Митлишино, Карасевка, Щучье, Леденево, Камышловка, Пеньково, Пресновка, Сливное, Лебедки, Окуновка, Новорыбинка...

Озеро в селе считалось коллективной собственностью, кормильцем. Рыбу никто специально не разводил, ее и так всем хватало. Особенно карася, который в наших краях считается самой неприхотливой рыбой. "Сколько ни добывай его, а он не убывает", — говорили сельчане.

Водятся в этих краях также окунь, чебак, щука, линь, но они, в основном, обитают в реке Ишим и ее пойменных старицах, которых в области насчитывается около 1400. Эти старицы — одновременно и наше счастье, и горе. После весенних паводков, когда Ишим их заливает, там остается большое количество разносортной рыбы, которой хватило бы для всего населения области. Но мы не в силах (да и не умеем) ее полностью взять, и в конце каждой зимы она в абсолютном большинстве погибает от недостатка кислорода. И только там, где сельчане вовремя обнаружат начало замора и по-хозяйски, хотя бы даже примитивными орудиями (пешней, ломом, буром) проведут аэрацию, глядишь, рыба и сохранится. Но, к большому сожалению, теперь это — редкое явление.

За последние годы и на незаливных — "горных" — озерах, которых насчитывается у нас свыше полутора тысяч, участились заморы рыбы.

Водоемы стали катастрофически мелеть и зарастать с тех пор, как их в погоне за количественными показателями и в связи с подъемом целины безрассудно опалили под самый урез воды. По определению специалистов, степень распаханности водосборов достигает 80 процентов. Смываемые с пашен удобрения тоже сильно загрязняют озера, которые зарастают травами и превращаются в болота. А ведь были люди, умудренные жизненным опытом,

которые предсказывали пагубные последствия такой несогласованности с законами природы! Многие совхозные директора и агрономы просто не догадывались, что близкое опаживание лесов и озер — преступление. Об этом заговорили только в семидесятых годах, когда нанесенный природе ущерб — уменьшение количества диких животных, обмеление наших прекрасных озер и сокращение в них рыбных запасов — стал очевиден.

Возникает вопрос: где же были наши ученые в пору штурма целинных и залежных земель? Почему судьба природы оказалась в полной власти приезжих, собравшихся со всех концов страны и смутно, а то и совсем не знающих хрупких механизмов природы нашего края? Скажут такому: "От и до шуруй", — он и "шурует". От самых корней березовой рощи до уреза воды озера. Старожилы все это видели, возмущались, на собраниях высказывались, да к ним не прислушивались, а порой и одергивали — не суй, мол, палки в колеса.

За сплошным опаживанием озер вскоре пришла вторая беда для окружающей среды — неумелое обращение с химическими удобрениями. Их россыпи можно было встретить в местах заправок, на межах. Наткнется лось или заяц на кучу фосфорных удобрений, лизнет разок-другой — и этого достаточно для его гибели. Такие же последствия и с рыбой, ведь смытые с полей химикаты попадают в озеро.

В 1984 году мне пришлось быть свидетелем гибели рыбы в озере Сергино Соколовского района. Оно славилось красотой и прозрачностью, высокими берегами, приличной глубиной и обилием карася. По решению облисполкома оно было закреплено за Петропавловским рыбозаводом, у которого еще 18 водоемов, в том числе таких богатых рыбой, как Большой и Малый Тарангулы, Питное, Целинное водохранилище и другие. Поэтому до Сергино у новых хозяев просто не доходили руки. Однако расставленные аншлаги по берегам строго предупреждали: "Ловить рыбу запрещено". Рыба в нем между тем спокойно размножалась и стала страдать от недостатка кормов. Основной же ущерб нанес совхоз "Виноградовский", на угодьях которого находится озеро. Там были установлены два мощных насоса и организован интенсивный полив. В результате за одно лето озеро обмелело, оставшаяся

вода получила большую дозу удобрений, смытых с прилегающих полей. Все это и привело к гибели рыбы. Этот совхоз на полив полностью выкачал еще три озера. Здесь не придерживаются принципа — взял у природы, так и отдай ей. Такая же судьба постигла и озеро Митлишино в Токушинском совхозе. Когда-то из него рыбу добывали тоннами, а потом взяли да выкачали его. После выяснилось: этот полив был бесполезен, так как лето было достаточно дождливым, но поскольку насос установили, значит, он должен работать. Озеро в зиму пошло настолько обмелевшим, что насквозь промерзло. И рыбы в нем не стало.

И таких примеров бесхозяйственного отношения к озерам много.

У пожилых людей часто возникает вопрос: почему человек стал так преступно относиться к озерам? Ведь они искони кормили его, в неурожайные 1921 и 1931 годы спасали от голода рыбой, водоплавающей птицей, крахмальными корнями рогозы, а животных — мхом, камышом и прибрежной осокой.

Попробуем разобраться. Недавно исполнилось 30 лет, как в Северном Казахстане были созданы рыбные инспекции. Их вооружили строгой инструкцией, запрещающей рыбакам-любителям промысел сетевыми снастями, независимо, в каком водоеме — будь то бесхозный или даже заморный.

Все три тысячи озер, в том числе и те, на чьих берегах — села, а также не имеющие промышленного значения, были объявлены запретными для лова любыми снастями, кроме удочек. То, что основная наша рыба — карась — на удочку ловится в редком озере, игнорировалось. Теперь появление человека даже на присельском озере считалось противозаконным, он объявлялся браконьером, расхитителем рыбных запасов государства.

И вот, карась, который раньше относился к категории "сорной" рыбы, а крестьяне привозили его на базар коробками и продавали не дороже 5—10 копеек десятков, с пятидесятых годов стал дефицитом. Купить его можно теперь только у браконьеров, а поскольку те рискуют попасть в руки рыбинспекции и за каждого карася, независимо от размера, грозит штраф 5 рублей, а снасти подлежат изъ-

тию, и стоил он уже в несколько раз дороже. Часто дело доходило до суда и до гневной публикации в газете. Вот и побросали старики свои снасти, испилили утлые лодчонки на растопку. Получилось так же, как с индивидуальным скотом: стариков от него отучили, а молодых не приучили.

— В старину-то житель местных краев больше рыбой питался, чем мясом. Теперь ее нет, подавай всем мясо. А где же его набраться? — говорит пенсионер А. И. Востров, в прошлом — член рыболовецкой артели "Красный рыба".

Как быть? Жить среди сплошных озер и быть без рыбы — нелогично.

Нам говорят: есть рыбозавод, добывающий в год 300 тонн рыбы, промысловые бригады общественных охотников и рыболовов — 60 тонн, облпотребсоюз — 53 тонны, а всего 413 тонн. В пересчете на душу взрослого населения области приходится по 700 граммов в год. Ну а если какая-то "душа" изловчится да за раз приобретет ведро, то десятки других свежую рыбу увидят только на экранах телевизоров. Для добычи этого количества в области используются только 164 лучших водоема, от остальных же — свыше двух тысяч, в том числе 1400 стариц поймы Ишима — практически никакой пользы.

Нельзя сказать, что о судьбе озер и рыбе, обитаемой в области, не заботятся. Эта забота то и дело изливается со страниц областной газеты, радио и телевидения. В 1984 году решением облисполкома 126 озер, имеющих приличные запасы аборигена-карася и вполне пригодных для разведения карпа, пеляди, толстолобика, рипуса, были закреплены за совхозами, колхозами и предприятиями города. Но почти нигде ничего не изменилось. Берега по-прежнему опахиваются, не убраны животноводческие объекты, остались силосные бурты, складываются химические удобрения, устраиваются мусорные свалки. Так, совхоз "Астраханский" Советского района имеет всего-то одно озеро на своих угодьях, но оно с двух сторон завалено навозом. Погублена рыба отходами овцефермы в Борковском озере совхоза "Полтавский" этого же района. А причина в том, что до сих пор агропром не добивается включения в планы социального развития совхозов и колхозов работы с закрепленными озерами как подсобной отраслью в решении Продовольственной программы.

Правда, однажды республиканский агропром прислал задание — добыть из закрепленных водоемов в течение года 405 тонн рыбы для нужд совхозов и колхозов и даже отгрузил сети, в которых у нас крайняя нужда.

— Но что это за сети? — возмутились в облагропроме. — Для лова рыбы нам нужны трехперстные, прислали же восьмиперстные. А ведь осетров у нас нет!

Что же касается разведения ценных пород рыбы, то агропром ссылается на то, что закрепленные за совхозами и колхозами озера не прошли научную проверку биологического состояния воды. И это верно. Провести эту работу сегодня некому. Есть у нас лаборатория КазНИИРХа (научно-исследовательского института рыбного хозяйства), но она обслуживает только 19 водоемов рыбозавода, хотя, как признают сами ее сотрудники, они в состоянии за год изучить и дать свое заключение еще по пятидесяти озерам. Но для этого требуется разрешение республиканского руководства. В общем, годы идут, разрешения никто не просит, никто его не дает, а рыба в закрепленных озерах не разводится и никем не добывается. Что касается карася, то срок его жизни — всего-то 10 лет. Не дав никакой пользы человеку, он погибает, такова же судьба и его потомства.

Ничего не поделаешь — мешает инструкция, в которой не учтены специфические условия нашей области. Поэтому со времени ввода ее в действие тысячи тонн рыбы погибли.

— Попробуй разреши свободную рыбалку снастями, как тут все растащат, — говорят работники рыбинспекции.

Спрашивается, что растащат? Ведь речь идет о том, чтобы не препятствовать рыбакам-любителям в бесхозных и заморных озерах, не пригодных для промышленного рыболовства, в тех озерах, которые пока что еще существуют, не исчезли вместе с рыбой. Как можно запретить ловить для своей семьи рыбу в озере у самых ворот? Ведь нет же запрета собирать в лесу грибы или землянику. Зачем напрасно пропадать добру? Работники госрыбинспекции могут возразить: мы же не препятствуем любительскому лову в заморных озерах поймы Ишима. Но в области 12 районов, а Ишим проходит только через четыре, да и в тех большинство населения проживает за многие десятки километров от реки.

Вначале я сообщил, что в нашей области 3000 озер. А по свидетельству начальника Ишимской бассейновой инспекции Т. Васильева, кандидата географических наук, доцента Петропавловского пединститута Н. П. Белецкой, старшего госрыбинспектора области А. А. Белокопытова и кандидата биологических наук, заведующего североказахстанской комплексной лабораторией КазНИИРХа Ю. М. Коломина, в данный момент их насчитывается уже не более 2500. Остальные заросли травой, превратились в болота.

Если до освоения целины для рыборазведения можно было использовать свыше тысячи водоемов, то на сегодня их, по официальным данным, только 276, что не может не тревожить всех нас. Есть ли выход в решении проблемы, которую мы сами создали? Выход есть!

1990 г.

ХОЗЯИН ПРИРОДЫ

Достаточно заговорить о природе, как Вячеслав Борисович Смирнов тут же оживляется, лицо его освещает улыбка. Природа — его родная стихия. В ее защиту он часто выступает в районной газете "Ишим".

Ему нет и сорока. Прожил он все эти годы рядом с березовыми лесами и чистыми озерами, что, несомненно, наложило свой отпечаток на его характер. В школе был активным юннатом. А когда исполнилось шестнадцать, вступил в члены Общества охотников и рыболовов. Бывало, одноклассники гоняют футбол, а Вячеслав бродит по лесам или наблюдает за жизнью птиц на озере. Это углубляло знания о родной природе. В пору охоты без добычи домой не возвращался: то дичи добудет, то рыбы наловит.

— То время не сравнить с теперешним, — вспоминает Вячеслав Борисович, — рыбы и всякой дичи на наших озерах было много. Но за последние годы обмелели озера, меньше стало рыбы, водоплавающей и лесной дичи. Не говорить — на деле надо доказывать!

ОЗЕРО КЕНДЫКТЫ

И он старается на деле доказывать свою любовь к природе родного края.

...Выбор пал на обмелевшее озеро Мусино, расположенное на угодьях совхоза "Образцовый", рядом с селом Явленка и рекой Ишим. Если прорыть небольшой канал, то внешние воды поднимут уровень озера. Не все в это верили. Были и противники, но Смирнова поддерживали директор совхоза В.Г. Шостак и в райисполкоме. Были отпущены средства на изыскательские работы и бурение трех глубинных скважин, которые теперь питают озеро водой. Началось зарыбление. Увеличились уловы. В 1982 году разлился Ишим, и глубина озера достигла пятиметровой отметки. Вместе с водой в него попали щука, линь, карп, язь, лещ, чебак, еще раньше в водоем было выпущено пять миллионов мальков рипуса. Так Мусино стало излюбленным местом рыбаков-любителей.

Общество организовало промысловую добычу рыбы. Три человека простой снастью за три года добыли для населения райцентра и совхоза "Образцовый" свыше двадцати тонн свежей рыбы. Для сравнения: известное озеро Малый Тарангул за 1983 год дало улов с одного гектара по 34 килограмма, а Мусино — в два раза больше, но и это не предел — есть возможность ежегодно увеличивать уловы рыбы в этом возрожденном озере.

Позже в Ленинском районе были зарыблены озеро Кендыкты на угодьях совхоза "Ульяновский" и Мальцовский пруд в совхозе "Образцовый". Намечено благоустроить озера Джеке-Куль, Широкое, Полковничье.

Немало хлопот у Смирнова и зимой. После засушливого лета водоемы сильно мелеют, и если не принимать срочных мер, в них может погибнуть рыба. И ездит он из села в село, организует людей на проведение аэрации или снегозадержание.

Актив у него сильный. В него входят директор Ленинского лесхоза Л.Ф. Соколовский, механизатор ПМК-73 Александр Голоденко, председатель районного комитета ДОСААФ И. Барабаш, директор промкомбината Н. К. Петров и уже упомянутый директор совхоза "Образцовый" В. Г. Шостак.

Водоемы на территории совхоза "Ульяновский" Ленинского района в прошлом славились рыбой, среди них — особенно озеро Кендыкты. Почти на 300 гектарах раскинулось оно среди полей и лесов. Старожилы совхоза — члены Общества охраны природы — первыми забили тревогу, когда начало оно мелеть. Причина — неоправданно близко от озера построенные животноводческие базы, распашка берегов, отсутствие контроля за сбросом талых вод. Озеро обмелело и обезрыбилось. Сельчане не могли мириться с таким положением и решили, по примеру соседей, дать водоему вторую жизнь.

Руководство совхоза включило работы по его реконструкции в план социального развития села. С берегов были убраны животноводческие помещения, вокруг создали зеленый пояс — засеяли эспарцетом и костром, посадили деревья. Таким образом, была восстановлена и создана дополнительная площадь водосбора. Произвели очистку берегов и дна озера. Лаборатория КазНИИРХа провела обследование и дала биологическую оценку водоему.

Для пополнения водой пробурено две скважины. Зимой на берегах делают снегозадержание. Чтобы не допустить замора рыбы, проводится аэрация — обогащение воды кислородом. После реконструкции и благоустройства озера уровень воды повысился с полутора до пяти метров, появились благоприятные условия развития водной растительности и живых организмов, которые служат кормом для рыбы.

В 1980 году было запущено 3 миллиона личинок сиговых, в 1982 году — 4 миллиона мальков пеляди и в следующем добавлено еще 2 миллиона. В настоящее время хозяйство ежемесячно вылавливает более двух тонн рыбы.

Говорит директор совхоза Н. С. Шкодин:

— Озеро Кендыкты — это наша дополнительная продовольственная кладовая, дающая ежегодно 3 тысячи рублей чистой прибыли. Мы на практике убедились: освоение озер — это сегодня новая голубая целина для решения Продовольственной программы. Но дело даже не в

том, что в водоеме разводится хорошая рыба. Живое озеро — это хорошее настроение, возможность общаться с природой.

Руководство совхоза преследует и другую важную цель — благоустроить озеро так, чтобы со временем сделать его местом отдыха людей.

Было время, когда наши предки, как свидетельствуют архивы, всем селом выходили на помощь своему озеру, если оно по каким-то причинам мелело. Вручную копали траншеи, перепускали воду из лесов, болот и водосборов. Теперь эти траншеи непросто отыскать, они заилились, заросли. Но там, где по-хозяйски берутся за это дело, то находят, и уже не вручную, а используя мощную технику, восстанавливают их. Проводят снегозадержание на прибрежных склонах, очищают берега от животноводческих и других загрязнений, засевают многолетними травами.

Совхоз "Благовещенский" восстановил Майбалык и Сеты-Балды, "Рощенский" — Пеньково, "Покровский" — Окунево; коллектив мамлютского машзавода трудится над возрождением одиннадцати, совхоз "Ступинский" оживил два озера.

Обнадеживает последнее решение облисполкома, объявившее институт "Целингипрозем" в ближайшее время откорректировать проекты внутрихозяйственного землеустройства совхозов и колхозов, рассчитать водоохранные зоны и установить их на местах каждого водоема.

ХОРОШЕЕ НАЧАЛО

Молва гласит, что в восточной части нашей области когда-то протекала река Камышловка. Она так же, как и Ишим, впадала в Иртыш. Исчезнув, оставила высохшее русло и десять озер на территории области — Малый и Большой Тарангулы, Сары-Гуль, Желанды, Балакты, Боз-Арал, Аксуат, Толды-Арал, Уркен-Жорма и Питное, когда-то они были полноводные и богатые рыбой и птицей, но из года в год все больше и больше мелели. Даже в самых крупных — Большом и Малом Тарангуле, Питном — погибла белая рыба, другие же пре-

вратились в болота. Самый большой приток Камышловки Иманбурлук с впадающим в него Сары-Узеком лишь весной становится бурным. Только в 1941—1942 годах наблюдалось некоторое оживление Камышловки, да и то в весенние паводковые периоды. Причиной исчезновения реки Камышловки оказались не столько климатические изменения, сколько деятельность человека.

Проблемой возрождения реки, и в первую очередь использованием вод Иманбурлука для заполнения Малого и Большого Тарангулов, решили заняться работники треста "Союзцелинвод", инициаторами этого стали его управляющий К. В. Кеншебаев, заслуженный гидротехник Республики Казахстан А. Т. Порохин и начальник проектного отдела Н. П. Ларкин.

— Что даст Камышловка народному хозяйству? — спрашиваю Кеншебаева.

— Очень много даст, — заверяет он. — На протяжении 250 километров, начиная от речки Иманбурлук до Полудино (озеро Питное) охватит пять крупных районов — Сергеевский, Московский, Ленинский, Советский и Булаевский. Обеспечит водой 15 совхозов, РСХО и колхоз имени Ленина. Оросительно-обводнительная система Иманбурлук — Питное даст возможность этим хозяйствам орошать пять тысяч гектаров, на которых, по предварительным подсчетам, можно получать 30 тысяч тонн сена и сочных кормов. В десяти озерах уровень поднимается настолько, что в них можно будет начать промышленное разведение различных сортов рыбы.

— Нам известно: трест уже многое сделал для восстановления Камышловки, что позволило повысить уровень воды в Малом Тарангуле...

— Да, кое-что уже сделано. Но это пока первые шаги. Построить плотину нам до сих пор не удалось, хотя институт "Казгипроводхоз" еще в 1978 году завершил изыскательские работы; изготовил и выдал нам рабочие чертежи первой очереди строительства. Но все уперлось в деньги. На возведение плотины требуется 8 млн. рублей, а их в народнохозяйственном плане социального развития не предусматривают из года в год.

Однако разработан второй вариант, за который трест "Союзцелинвод" и ухватился. На берегу Сергеевского во-

дохранилища была построена водонапорная станция, проложен семикилометровый водовод, сооружен канал до старого русла, и вот уже пять лет, днем и ночью идет закачка воды, которая поступает в первое озеро — Малый Тарангул, его уровень доведен уже до семи метров. Затем вода устремилась и в Большой Тарангул. Заполнив его до пяти метров, она пошла по руслу дальше и уже наполняет третье озеро, Сары-Гуль. В 1990 году должно быть заполнено конечное, десятое на территории нашей области, озеро Питное.

Однако все это делать непросто. Тресту приходится прилагать огромные усилия. Ведь само-то русло за много лет в отдельных местах исчезло, его распахали, что называется, с землей сравнивали. Восстанавливаемое русло Камышловки — это не временное сооружение. Здесь предусматриваются водоохранные полосы шириной не менее ста метров от берегов. На безлесных участках намечены большие лесопосадки, предусматриваются зоны отдыха, строительство профилакториев, пионерских лагерей, рыбацких домиков.

Соседние с Камышловкой совхозы уже теперь пользуются пришедшей водой. “Заря” орошает свыше 500 гектаров угодий, “50 лет ВЛКСМ” — 300, “Энбек” — 170. В ближайшее время получит воду для орошения 400 гектаров Московское РСХО.

— Сбудется ли?

СКАЗКИ ЛЕСА

Потом я, жертвуя днями отпуска, выходными, частенько стал бывать в Сосновке. Полюбилась. Едешь через густые заросли, и вдруг кончается березняк, а перед тобой она, Сосновка. Вокруг со всех сторон насаждают на нее зелеными шубами березовые, сосновые и тополиные рощи. Здесь, как нигде, чистый воздух. Да и люди — с чистой душой.

Подружился я тогда крепко с Георгием Федосеевичем Ковалевым — старшим лесоводом-объездчиком, а когда его дочку мы просватали за моего племянника, то и породнились.

И ничего не было для меня, прожившего годы детства и юности в пеньковских лесах, приятнее — завалиться в ходок или в сани-розвальни, прихватив ружьишко, ездить с ним сказочным лесом.

Вот и в этот раз он, подбросив мне тулупишко и подшитые валенки, пригласил в объезд, который называл обходом.

Удивительно послушный, знающий пути своего хозяина, Карька шел уверенной походкой по запорошенным снегом запутанным стежкам-дорожкам междулесья, которые ведомы только ему да Федосеичу. Широкие полозья розвальней поскрипывали на твердо сбитых сугробах, скользили, не проваливаясь. Федосеич привязал вожжи к облучку, а сам, прикладывая козырьком ко лбу руку, оглядывал свои владения. Лесу всякого насадили да вырастили! И браконьеров меньше стало. Одна теперь опасность — весенние пожары. А это, брат, настоящая пагуба. За какой-то час-два целого березового колка не досчитаешься. Как корова слизнет. А сосна горит от корня до вершины — и не остановишь.

Я лежал на душистом сене, слушал Федосеича и с любопытством смотрел на тропы зверей. Было видно, что в лесах Полудинского лесхоза все же не перевелись еще звери и боровая дичь.

Словно прочитав мои мысли, Федосеич с сожалением сказал:

— Годика два-три тропинок-то разов в пять больше было. Лоси да козы табунками водились, а зайцев не перечечь было. А сейчас поредела дичь... Запретил бы я эту охоту годиков на десять, а потом строгий порядок навел.

Подумал и добавил:

— А вообще-то не так от охотников скудеет наша природа, как от химикатов. Не умеют с ними обращаться. Сыплют на все живое. И сколько оставляют на межах... А ведь каждое живое существо любит соль. Вот и получается: лизнет лось или косуля и вскоре погибнет, потому что внутренности от этого у него сгорают. А сколько лесу погибло от ядохимикатов! Колки и озера продолжают опаживать. Так что с каждым годом природе становится тяжелее, и, видно, не остановить нам этот раскрученный маховик.

Я давно знал, с какой душевной болью переживает Федосеич за каждое деревце, за каждую птицу в лесу. На сына, бывало, ворчал, когда тот собирался на охоту:

— Кому нужен твой заяц? А в лесу он — украшение природы и дальнейший расплод. Ну забей одного для деликатеса — и будя.

Как-то прошлым летом увлек он меня из своей уютной, утопающей в лесной зелени Сосновки, в обход:

— Лося тебе покажу!

Ходили мы тогда пешком от темна до темна. Досталось мне. Мужик он кряжистый, под стать вековой користой березе. На вид вроде бы и тяжеловат, а вот на ногу легок. По лесу идет подвижно, ходко, но тихо, без лишнего шума, легко отодвигая нависшие ветки, по привычке всматриваясь серыми чуть прищуренными глазами в глубину леса. Я с трудом тогда успевал за ним. Мне видны были из-под картуза с проседью волосы на загорелой шее и выцветшая, когда-то черная форма лесника. Казалось, что он к кому-то подкрадывается. Шепчет мне:

— В этой роще есть болотце, так из него косули и лоси водичку пьют. Вообще-то тут тишь и гладь нужна.

Я пристально следил за своими ногами — как бы не наступить на сухой сучок да не вызвать лесной переполох.

— Обитатели леса не переносят шума. Ты только послушай, сколько их тут, — улыбаясь, шепотом сказал Федосеич и прислонился спиной к дереву.

Вблизи, на виду у нас, крепко прильнув к сухостойке, усердно барабанил дятел. Голоса пернатых наполняли лес. Раздавались перепевы иволги и малиновок. Где еще услышишь такой немыслимой чистоты, свежести и прелести голоса? Раньше и в наших пеньковских лесах бывали гомоны и душевные напевы птиц, да теперь не стало.

Федосеич косился на меня, плененного благоуханием окружающего леса, и был доволен.

— Они не только поют, но и леса в чистоте держат.

Лесником Георгий Федосеевич Ковалев работал здесь двадцать лет. Но вся жизнь его, исключая годы войны, прошла в лесах этого края. В шесть лет он остался без отца.

— Не только людям, теперь самому не верится, как это я в восемь лет батрачил у кулака в селе Николаевке. Вообще-то обидно за свою судьбу. Детства не видел. Все

оно ушло за самотканую рубаху да кусок хлеба. Хозяин был — не приведи Господь! То и дело упрекал: "Кормлю тебя, если бы не я, ты бы с голоду сдох!" Вот и вкалываешь безропотно от темна до темна. Потом в колхозе трудились за палочки и зерновые отходы, которые выдавали после уборочной страды.

С появлением техники стал механизатором. До войны работал трактористом в МТС, а после войны — в селе Гаврино.

Нет милее профессии, которую человек выбирает в юности. Она — начало начал, путевка в жизнь, и, как первая любовь, сопутствует ему потом всю жизнь.

— Ни за что бы не сменил свою специальность, если бы не фронтовая рана, — говорит Федосеич.

А пришел Ковалев на работу в лесхоз и вскоре тут почувствовал себя на своем месте. "Присушили" к себе сотни гектаров сосны, лиственницы и березы, в посадках которых он ежегодно участвовал.

Говорит он о лесе с упоением, с какой-то особой любовью. Очевидно, от этого своего увлечения и не стареет. С виду ему дашь пятьдесят, не более, а в самом деле — за шесть десятков перевалило. Мужественное, дубленое от загара, всегда озаренное какой-то особенно яркой улыбкой лицо. Брови выгорели, белесые.

Вечерело, когда мы забрели в одну из рощ. Нас обступили со всех сторон высоченные раскидистые березы. Внизу простирался узорчатый ярус чернотала. Кое-где голубели стволы осин. Под легким движением ветра лес умиротворенно шумел. Федосеич, стоявший рядом, толкнул меня в плечо и радостно шепнул:

— Вот он, красавец!

Метрах в сорока от нас у талового куста, приподняв голову, как изваяние, стоял лось. Раскидистые рога блестели в лучах предзакатного солнца. Было хорошо видно, как он, расширив ноздри, старался уловить приближавшуюся опасность.

В это время над нами тревожно протрещала сорока, лось вздрогнул и тут же исчез. Неподалеку от куста отделились ранее не замеченные нами две лосихи, которые тоже скрылись в кустах.

— Так и знал, что сорока-воровка предупредит! Ну да ладно. Посмотрели все же, — сказал Федосеич, довольный тем, что сдержал свое слово.

Потом он на пути к Сосновке показывал лес, где косач неплохо водится. Уж больно ему хотелось показывать и удивлять меня всем тем, что водилось в его владениях! Вот и сегодня, подмяв под колени запашистое сено, мы едем по его лесу, и Федосеичу хочется показать какого-нибудь обитателя. Но зима — не лето. Лесной обитатель далеко видит и слышит. И только снежные тропы повествуют о том, что зверь еще водится в лесах Полудинского лесхоза.

Вечереет. Карька, почуяв близость родного двора, уверенно спешит в сторону Сосновки. Изредка прядет ушами, фыркает. Впереди его то садится, то вспархивает звонкий табунок снегирей. Солнце клонится на вершины деревьев. Закуржавевший от инея лес и снежные равнины порозовели. Сказочная красота и торжественная тишина придают зимнему пейзажу какую-то особую прелесть. На снегу вперемежку с заячьими тропами я заметил крупные следы. Из березового колка зверь, видать, подался в сосновые посадки.

— Рысь промышляет, — уверенно сказал лесник.

Мы ехали уже по проторенной дороге, но по-прежнему не спешили. Чувствовалось: так же, как и мне, Федосеичу не хотелось расставаться с этой сказочной красотой. Лесник продолжал показывать все новые и новые делянки с молодыми посадками, рассказывал лесные истории. Он по-прежнему был в своей стихии, неутомимый хранитель природы. А я слушал и думал: как хорошо, что на земле живут и трудятся вот такие люди, как Георгий Федосеевич, добрые сердцем, с умелыми и до всего охочими руками, глубоко и бесконечно влюбленные в нашу природу. И берегут ее.

1985 г.

БЕДЫ ЛЕСНЫЕ

*У всякого Филатки
свои хватки.*

Прошлым летом в один из погожих дней пастухам Новогеоргиевского совхоза понадобилось отлучиться. Куда, зачем — точно не установлено, но стало известно, что они вместо себя оставили своих де-

тей, не проверив их карманы, а в карманах-то были спички. И подростки нашли им практическое применение, от чего уничтожено огнем пять гектаров леса. При тушении пожара сгорел трактор НТЗ-32, принадлежавший Соговскому лесхозу.

Известно, что дети любят самостоятельно разводить костры. Особенно, когда находятся одни в лесу и по недосмотру родителей имеют при себе спички. В позапрошлом году от этого сгорело три гектара многолетних сосен в так называемой Мещанской роще, рядом с областным центром. Пострадали не только прекрасная роща, но и сами подростки, их родители и работники пригородного лесхоза — за недосмотр.

Слабо у нас поставлена профилактическая противопожарная работа с населением, которая необходима особенно весной, когда подсохнет трава, ее в лесах теперь не выкашивают, как раньше. Достаточно одной спички, чтобы погибли целые рощи. Такое теперь случается часто.

По данным наших лесоохранных органов, бедствия происходят в основном от палов. Многие еще по старинке убеждены: пал хорош тем, что выжигает старую траву, после чего будто бы лучше растет трава и что косить ее потом легче. Но так ли это?

Давно доказано, что пальный огонь, да еще в засушливое лето, выжигает не только ветошь, но и дерн, корни и сомочки будущей растительности, нужные для растений микроорганизмы, после чего земля нередко превращается в бесплодный пепел. Что же касается "легче косить", то в наше время техники ручная косьба изжила себя, хотя приходится сожалеть, что в самих рощах и среди кустарников вручную люди перестали выкашивать самые питательные и лекарственные для животных травы на сено. Да и мало кто знает, что от лесного разнотравья молоко — ароматнее и наиболее полезное для здоровья человека. К тому же, обкос кустов и деревьев значительно сократил бы количество пожухлых трав и, следовательно, угрозу распространения пожаров.

Большую опасность таит не убранная вовремя с полей солома, которая перед обработкой почвы сталкивается на межи, чаще всего вплотную к лесу, где в последние годы, как нарочно, не успеет полностью растаять снег — уже

сухо, а значит, и огнеопасно. Пора бы по-настоящему спросить с тех, кто разбрасывается соломой, создавая условия для "красного петуха", и с тех, кто безрассудно пускает палы.

Не было еще ни одного лета, когда в нашей области не было бы пожаров, уносящих многие десятки гектаров леса. А в засушливом 1982 году было допущено 137 случаев пожара, которые уничтожили 895 гектаров! В 1984-м число возгораний увеличилось до 315, в прошлом, 1992-м, их было меньше, но пострадало свыше восьмисот гектаров.

Немало случаев, когда лесные беды возникают от непотушенных костров, оставленных отдыхающими на лоне природы, попавших в сухую траву искр выхлопных труб легковых машин, брошенной спички или окурка.

Большая вина за многочисленные пожары ложится на лесную охрану. В области насчитывается 330 лесников и 41 лесничий, обеспеченных техническими средствами, транспортом, а вот летом 1984 года, когда лесных пожаров было самое большое количество, лесная охрана, как отмечалось в газете "Ленинское знамя", оказалась неподготовленной — ни к предотвращению, ни к тушению их.

Следует во весь голос сказать и о недопустимом отношении нашего населения к лесным пожарам. В двадцатых годах, когда на все пригородные леса был один объездчик, пожары тушили сельчане. Чуть где появится дымок — мужики, а за ними и подростки на конях мчатся туда с метлами и лопатами, чтобы сбить пламя, остановить огонь. Теперь же такое увидишь не часто. Весной 1982 года лесной пожар приближался к Метлишино, но это не вызвало ни малейшей тревоги у жителей. Мы встретили тогда на окраине села мужчину, который стоял и взирал на пожар. Спрашиваем: "Чего не тушите? Ведь село сгорит!"

— Нет, не сгорит. Дорога наша высокая, не пустит.

— А лес?

— На это есть хозяева — лесники. Это их дело.

Грейдер, действительно, остановил пал, который уничтожающе прошел березовый колок. А мог бы и не остановить.

Приведенный мной случай равнодушия далеко не единичен. На территории колхоза "Мир" от палов загорелся лес. Однако на просьбу представителя лесной охраны выделить технику и людей для тушения руководство хозяйства, сослав-

шись на занятость, отказалось принять участие в борьбе с огнем.

В результате погибло 7 гектаров леса — не только деревья: уничтожена на многие годы лесная подстилка — тот самый "мусор" на земле, в котором жили микроорганизмы, насекомые, муравьи; сгорели птичьи гнезда, грибы, всевозможная невидимая живность, составляющая необходимую часть лесного сообщества.

Теплые дни приближаются. Люди устремляются на лоно природы. И как хочется, чтобы, соблюдая законы, отдыхающие не разводили костров вблизи леса, не позволяли детям брать с собой спички.

В проведение профилактических мероприятий, в организацию всеобщей борьбы с лесными пожарами должны внести достойный вклад многочисленные члены Общества охраны природы, школьные организации "Зеленый патруль", вся общественность.

ДОЛМАТОВСКИЙ ОМУТ

— Думаем на Долматовский омут податься.
— А как там с поклевкой?
— Говорят, чебак дуром пошел.

Часто такие разговоры можно услышать при встрече рыбаков-любителей. Мне тоже довелось побывать на этом омуте. Ночевали, варили двойную уху. Поклевка, нельзя сказать, чтоб "дуром", но вечером была увлекательной, особенно у тех, кто неплохо знает повадки рыб в этом месте.

— Какой только нет тут рыбы: щука, окунь, линь, пелядь, лещ, налим, даже нельма водится! — рассказывал мне сосед-рыбак, а я плыву, сидя в своей лодке из автомобильной камеры, словно в тазу.

Признаться, меня привлекала не рыбная ловля, а удивительно чарующий уголок природы, спрятавший в своей буйной растительности этот омут. Да омут ли это? Ведь омут — это значит — глубокая яма, наполненная водой, или водоворот на реке. В омуте, как говорят в шутку, черти водятся. Здесь же — величие и торжество Ишима.

Полюбоваться и в самом деле есть чем. Пусть не упрекнул меня в сентиментальности за то, что изумленно смотрю на эту первозданную красоту, которую, проведя всю жизнь на родных берегах Ишима, как следует и не знал. Так вот часто бывает с нами — проходим, проезжаем мимо, не замечаем... У Долматовского омута — высокие берега, особенно правый. Он дугообразно поднялся и величественно замер над окружающими просторами, защитив собой от арктического дыхания этот уголок, где глубина реки достигает пятнадцати метров...

Не везде на берегах встретишь сосну, а здесь она растет с незапамятных времен. В годы, когда ослабевал контроль и борьба за охрану природы, были, говорят долматовцы, и самовольные порубки сосен. Валили деревья, сталкивали в омут, а он своим медленным течением выносил бревна вековых сосен к берегам, где поджидал и вылавливал их самовольный порубщик. Те времена давно прошли. Выросли и украсили берег новые сосны. Вперемежку с развесистыми березами они будто взбираются по склонам, цепляясь за уступы и расщелины оврагов и утесов. И кажется, что деревья, удаляясь от тебя, вонзаются в голубое небо.

Когда медленно плывешь по течению, видишь, как из бурных зарослей правого берега проглядывают таинственные утесы, сложенные из пластов, возраст которых измеряется миллионами лет. Но какое дело до величия этих пластов ласточкам?

С обеих сторон омута над самой водой развесили свои дивные ветви кустарники ивняка. Местами полог из свежей листвы смыкается над рекой. А где-то над этим пологом, в тенистых оврагах, слышен гомон птиц. И что удивительно — летом здесь поют соловьи. Да-да, на берегах Ишима, вот в таких безветренных и солнечных уголках они живут и выращивают свое потомство!

Вдоль левого берега Долматовского омута — неописуемое приволье. Радует и ласкает взор величественный размах далее неоглядных, где встретишь вечно трепещущие осинки, кражистые вязы, ватажные колки белоногих берез и словно копны зеленого сена — таловые кусты, таящие в себе прохладу.

— Жаль, что здесь нет места для пляжей, да и глубина — дна не достанешь, а так — отличное место для Дома отдыха, — сказал один из рыбаков.

Другой возразил:

— Пляжей нет — это хорошо. Шуму да гаму поменьше. Надо же где-то нам сохранять тишину для дичи. И так уж вытеснили ее из лесов, везде техника гудит, люди ходят да постреливают...

Но кое-кто из рыбаков и в этом тихом уголке оставляет следы. Мы прошли с километр по берегу и увидели, что возле многих стоянок валяются пустые консервные банки, обрывки бумаги, бутылки, битое стекло, целлофан.

— Вот видите, какие приметы "гостей природы", — сказал рыболов, — а еще вот на что обратите внимание, — и он, спустившись вниз, повел нас по тропинкам тенистого берега мимо вырубленного ивняка. — Рубят для костра, хотя кругом сухого валежника достаточно, для балаганов, а чаще всего — просто так. Срублено деревце, да так тут и валяется. Есть спиннингисты, которые, чтобы не было помех для забрасывания блесны, рубят тальник на значительных площадях. И все это проходит для них, к сожалению, безнаказанно.

КОГДА ОЗЕРО СВОЕ

Велика ли наша область — на карте можно ладонью прикрыть, а водоемов в ней три тысячи! "Палку брось — в озеро попадешь", — в шутку говорят старожилы. В чем, в чем, а в рыбных озерах, не в пример другим областям республики, нам, северянам, природа не отказала.

Большинство наших деревень расположилось возле озер. Почти каждый житель имел свою лодку, долбленный бот или морочку, сплетенные из тальника катцы или мордушки, венгеря или сети. А за то, что озеро кормило рыбой и украшало их жизнь, люди называли их именами села: Студеное, Дубровное, Глубокое, Бескамышка, Моховое, Лебяжье. Любили озера и берегли. Когда случалось обмеление, выходили всем селом и рыли канавы, собирали из болот и лесов весенние воды, сохраняли нужный уровень в водоеме, спасая рыбу.

Теперь, с введением запрета на лов рыбы, перестали рыть водосточные каналы. Например, надо было провести канаву к озерам Пеньково или Малому Белому, спустить в них скопившуюся в соседних лесах воду, но этого сделано не было. Погибло от вымокания много леса, а озера обмелели. И все потому, что люди перестали считать озера своими. Теперь, когда облизполком закрепил их за совхозами, разработаны мероприятия пополнения водоемов водой и разведения рыбы.

Люди понимают, что озера не могут оставаться безнадзорными, они должны иметь рачительных хозяев, которые по-настоящему занимались бы сохранением нужного уровня воды, зимой проводили аэрацию, предотвращали заморы, озеленяли берега, восполняли рыбные запасы.

В столовой совхоза "Виноградовский" нередко к обеду на второе предлагается два блюда: мясо и жареный карась. Посетители, как правило, предпочитают рыбу. Мы узнали, что за совхозом закреплены два озера, на которых трудятся и в летнее время обеспечивают столовую совхоза карасем два пенсионера.

Ветеран войны и труда Е. М. Кочнев из совхоза "Рошинский" рассказывает, что раньше в деревнях летом люди употребляли мясо только в сенокосную пору, в страду, а так, бывало, с удовольствием питались рыбой. Ловили все, но карась не убывал. Жаль только — никто не подсчитал, сколько мы сэкономили бы скота в годы запрета лова за счет добычи свежей рыбы, да и озера были бы в лучшем состоянии. Совхоз восстанавливает сейчас озера Пеньково и Малое Белое. Сегодня в области 24 сельских хозяйства и семь городских предприятий имеют закрепленные водоемы. Те хозяйства, которые уже не первый год "привязали" к себе озера, показывают пример их содержания и разведения наиболее ценных пород рыб. Совхозы "Ульяновский" (директор Н. С. Шкодин), "Надобинский" (директор В. И. Придворный), Соколовская райзаготконтора (председатель В. Г. Чумак) и другие, получив в свое распоряжение запущенные карасевые озера (Кендекты, Курейное, Глубокое, Соленок), за короткое время развели в них карпа, рипуса, пелядь, отлавливают их для столовых и реализации рабочим.

Заслуживает особого внимания и распространения опыт

совхоза "Ступинский" Сергеевского района. Получив разрешение на эксплуатацию обмелевшего озера Малый Косколь, хозяйство пробурило три скважины, установило насосы, наполнило водоем до нужного уровня и зарыбило его карасем. Прошло три года — и люди теперь с рыбой. А нынче совхоз запросил у рыбозавода личинок ценных рыб. Прямая выгода — последовать примеру ступинцев хозяйствам Пресновского, Джамбульского, Мамлютского, Соколовского и других районов, где имеется множество водоемов.

Выражение "не наши озера" чревато плохими последствиями. Позиция постороннего наблюдателя привела к оскудению и загрязнению многих водоемов на территории Лесного, Березовского, Ново-Михайловского, Дубровинского и совхозов Мамлютского райсельхозобъединения. Можно ли не тревожиться, если облрыбинспекцией в 1980 году было зафиксировано 464 факта загрязнения озер, а в первом квартале текущего года — 383! Загрязняется уникальное Сергеевское водохранилище.

Совхозы имени Ибраева и "Заря", как и уже упомянутое райсельхозобъединение, располагают почти у самых берегов на пути стока талых и дождевых вод откормочные и доильные площадки, загоны для скота. Виновные оштрафованы, но может ли это возместить ущерб, нанесенный природе, рыбным запасам? К тому же штраф выплачивается из касс хозяйств, нанося ущерб только государству.

Разрешение членам Общества рыбаков и охотников ловить рыбу сетями, закрепление озер за хозяйствами и организациями введены в нашей области сначала в порядке эксперимента, который удался, и сохраняются поныне.

ОТЗВЕНЕЛИ ЛИСТЬЯ НА БЕРЕЗЕ

Ее знали все пеньковцы. Много лет она стояла вдовушкой на отшибе, издали поглядывая на своих зеленоколых сестер, гостеприимно принимая под свой кров путников. Называли ее казаринской березой, потому что стояла она на бывшей пашне семьи Каза-

риных из станицы Новопавловки. Берег березу хозяин, она служила ему и символом красоты, и ориентиром в хлеборобских делах. Давно, еще в сороковых годах, лесники хотели даже соорудить беседку для людей под ее кроной. Но почему-то не соорудили. А теперь береза исчезла.

Казалось бы, что тут особенного? Подумаешь, одна береза. Тут целыми гектарами лес вырубает. Однако без этой красавицы все вокруг словно осиротело, ведь произошло не что иное как безрассудное надругательство над природой. И до сих пор в селе не знают, кто посмел уничтожить прекрасное дерево. Известно лишь одно: браконьер увез березу волоком, подцепив ствол к трактору К-700.

Оказывается, в последнее время, с позволения работников лесной охраны, вот таким манером срубают деревья, связывают по несколько хлыстов и тянут домой. Я уже писал о том, что наши леса буквально стонут от валежника. Много сухостоя в березовых колках. Так зачем же губить еще и здоровые деревья? Хозяева леса разводят руками: финплан-де валежником не выполнишь. А что же сами сельчане? Они почему-то солидарны с начальством: "Валежник — дело сложное. Его надо собирать, потом на своем горбу выносить. А тут — чего проще: приволок к себе на подворье целое дерево на тракторе и вечерами потихоньку пили на дровишки. Самому проворно, лесники довольны — сучков не оставил, хлопот меньше". Вот она, наша лень и вседозволенность!

А что это значит для природы? Кроме уничтожения здоровых деревьев, это еще и уничтожение растительности на полосе траления шириной в 5—6 метров. На уроках в школе дети слышат прекрасные слова: "Улыбнулись сонные березы, распустили шелковые косы..." А в жизни видят совсем иное. И кто знает, чье влияние окажется в конечном счете сильнее...

В августе 1967 года мне довелось сопровождать известную писательницу из Австралии Элен Димфну Кьюсак. Проезжая мимо первого же березового колка, она не могла сдержать восторга и попросила остановиться. Выйдя из машины, стала что-то говорить по-английски и, обняв березу, прижавшись к ней, стала целовать ее, продолжая восторженные восклицания. Переводчица объяснила, что миссис Кьюсак восхищена этими божественными созда-

ниями и что жаль — в Австралии нет таких деревьев. Мы ехали по шоссе в совхоз "Чистовский", а мимо проплывали березовые колки, с которых писательница не сводила восхищенных глаз.

Теперь уместно задать такой вопрос: как бы писательница восприняла картину, когда тракторист, зацепив несколько стволов "божественных созданий", корежа на своем пути все, тащит их на подворье, где они потом могут валяться годами?

Насмотревшись на такой вандализм, я обратился в областное управление лесного хозяйства и получил однозначный ответ:

— Мы не против такого траления, по крайней мере, не остается сучьев.

— А как же лик земли?

— У земли свой хозяин — совхоз или колхоз.

На практике же выходит, что нет у нее хозяина. Хлебороб под корень опахивает колки, а в лесу позволительно травмировать совхозные угодья, дабы не возиться с сучьями. Два хозяина на одной земле, оба — плохие, с узкодомственными интересами. А ведь бывший хозяин пашни Казарин ни за что бы не позволил уничтожить гостеприимную березу, тем более, волоком тащить ее по земле. Поэтому что за здоровье угодий отвечал он, хлебороб. За благополучие же лесов ответственность нес один-единственный лесник. А сегодня у березки столько хозяев, что ей трудно выжить. Выживет ли?

ИЛИ ЖИТЬ НА СЕМИ ВЕТРАХ

Первые в наших краях поселенцы — бежавшие от крепостничества люди, так же как казаки Горькой линии, будучи неграмотными, тем не менее знали цену рощам, имеющим огромное психологическое значение для здорового образа жизни. А кто в наше время не убежден, что дни, проведенные в лесу, оставляют глубокий след в душе человека, успокаивают нервную систему, облагораживают чувства, увеличивают жизненную энергию человека. Чарующие красоты лесов нашего края

служили и служат источником вдохновения для писателей, поэтов и художников.

До сих пор не могу забыть шумную в ветреную погоду и задумчивую в тихие вечера Новопавловскую рощу, которая простиралась вдоль Большемалышkinsкого тракта в сторону села Нойеслебен, переименованного потом в Березовку. Новопавловцы любили эту рощу — за то, что кормила она их груздями, ягодами, в ней всей станицей весело праздновали первый после окончания сева праздник хлебов — Троицу. Когда-то между столетними березами станичники посадили и вырастили кусты боярышника и черемухи. Помню, как берегли ее. Был у нас в станице Андрей Иванович Захаров. Мы, дети, боялись его. С веткой цветущей черемухи или неспелой ягодой на глаза ему не попадайся — возьмет за ухо и приведет к родителям. Стыд-то какой!

Несколько лет назад я встретил сына его, Андрея. Разговаривали о прошлом, о станице, о Новопавловской роще, от которых остались одни воспоминания. Я спросил:

— Сколько отцу платили за то, что он так рачительно берег рощу и бор?

Андрей удивился:

— Тогда все мы берегли, но никто, в том числе и он, зарплаты не получал. Просто он больше других любил природу...

... Прекрасное село Вагулино, но рощи возле него нет. 83-летний старожил Тимофей Ефимович Кормин вспоминает:

— Была роща-то у нас, но давно исчезла. Времена менялись. Было такое, что вагулинцы не только рощу, но и село не берегли. Жили одним днем. Многие совсем покинули родные края.

Вот и Ольшанка теперь стоит на семи ветрах, а там, где красовалась когда-то дивная роща, защищавшая село от господствующих ветров, теперь неприглядно и захлавлено — навоз, мусор, солома.

А ведь многие села нашей области в годы освоения целины, появившись в голой степи, теперь по воле человека утопают в зелени, имеют рощи, парки, аллеи, палисадники, цветники и даже фруктовые сады. Например, совхозы "Карагандинский", "Золотая Нива", "Черкасский", хозяйства Сергеевского и Тимирязевского районов.

Но есть еще населенные пункты, в которых голым-голо, по улицам гуляют пыльные ветры... Невольно впадаешь в грусть и хочется спеть ироническую частушку:

"Эх, деревня-матушка,

Где мужик твой — батюшка?"

А мужики есть — и агрономы, и комсомольцы, и школьники, руководители... Но свыклись с жизнью на семи ветрах, так и живут. О благоустройстве и озеленении жители Волошенки, Коктерека и Ново-Михайловки ежегодно ведут разговор, сельские Советы что-то намечают, но дальше слов дело не движется.

Многие рощи из-за активного выпаса в них скота на глазах гибнут. В селе Гаврино на опушке леса построили склад ядохимикатов, в совхозе "Молодежный" обнесли металлической изгородью рощу в семь гектаров и летом загоняют туда все поголовье свиней.

Что же мешает украсить села, облагородить их микроклимат, создать нормальные условия для отдыха людей? Единственная преграда, имя которой — забвение.

ДУРШЛАГОМ РЫБЫ НЕ НАЛОВИШЬ

— Настоящий рыбак занят промыслом круглый год, и благо от этого не только ему, — говорит старший госрыбинспектор области Александр Александрович Белокопытов.

— Вот, к примеру, как живут рыбаки-любители центральной усадьбы колхоза "Луч Ленина". У них рядом с селом богатый пойменный водоем — старица. Богатый, потому что относятся к нему люди по-хозяйски, как бывало в старину, стараются берега содержать в чистоте, не допускают стоков хозяйственных отходов, а главное — уже много лет общими усилиями не допускают заморов, проводят своевременную аэрацию. Поэтому, несмотря на большие уповы, круглый год количество рыбы не уменьшается, а наоборот, постоянно увеличивается, и сейчас много щуки, окуня, чебака.

Можно было бы на эту тему не заводить разговора, если бы не одно "но"... Дело в том, что ежегодно с паводковыми водами Ишима многочисленные старицы заполняются рыбой. Но пройдет зима — большинство из них оказывается пустыми. Это результат зимних заморов. Обратимся к опыту совхоза "Озерный". В его распоряжении три богатых рыбой пойменных озера, но сельчане как зимой, так и летом видят ее только на экранах телевизоров.

Что мешает организовать хотя бы небольшую бригаду из трех-пяти рыбаков-пенсионеров, обеспечить их снастями, гужевым транспортом и на договорных началах организовать промысел для столовой и реализации населению? Ничего не мешает. Просто руководству не хочется брать на себя лишние хлопоты. В плане не заложено, агропром за рациональное использование закрепленных озер не спрашивает.

А ведь за совхозами, по их же просьбе, облисполкомом закреплено 137 водоемов, больше половины которых — пойменные. Но рыба в них не вылавливается и гибнет от заморов. И никто за это ответа не несет.

— Зима, — продолжает Белокопытов, — самое подходящее время интенсивного отлова рыбы в пойменных водоемах. Рыбозавод, правда, робко, но все же начал его в Соколовском и Ленинском районах, а вот облпотребсоюз и агропром и в эту зиму ничего не делают.

За последние годы произошло заметное увеличение рыбы в реке Ишим. Появился лещ. Больше стало ельца, окуня и щуки. Но почему-то промысловики не проявляют предприимчивости, не ищут зимовальные ямы, где в эту пору рыба скапливается. Любители подледного лова находят такие места и успешно удят, а те, для кого это — основная работа, не пускают свои закидные неводы в ход.

— Общество рыбаков совместно с рыбинспекцией приглашает нынче на пойменные водоемы не только промысловиков, но и рыбаков-любителей на подледный лов всеми средствами, — говорит А. А. Белокопытов. — Мы беспрепятственно выдаем путевки, прикрепляем к желаемым водоемам поймы Ишима. Стариц в области много, выбор большой. Однако кое-кому этого мало. Берут путевку на одно озеро, а инспекции попадают на другом — в качестве браконьеров. Такое случалось с работником детской

колонии В. В. Лупаревичем и работником завода имени Калинина Ю. А. Бесовым: они оба рыбачили на промышленном озере Караболка, принадлежащем облпотребсоюзу.

Практика прошлых лет показывает, что удастся сохранить рыбные запасы там, где установлен контроль. Обычно замор начинается в январе. Поэтому сейчас необходимо проводить активную аэрацию, для проведения которой у нас, к большому сожалению, кроме дедовских средств, ничего пока нет. У облпотребсоюза — 38 промышленных водоемов, у агропрома — 137, но ни то, ни другое ведомство не обеспечено техническими средствами для проведения аэрации. Ниже всякой критики и технического оснащения в Обществе рыбаков, хотя средств для его приобретения оно имеет предостаточно. К зимним заботам рыбодобывающих организаций также относится снегозадержание для поднятия уровня воды в озерах.

Словом, зима для рыбака — столь же горячая пора, как и лето. С тем отличием, что именно зимой надо запастись снастями. Об этом следует позаботиться агропрому и зоотехнику. Ведь многие совхозы не используют свои озера только из-за отсутствия орудий лова — негде достать их, а дуршлагом рыбки не наловишь.

СТОН НА ОЗЕРЕ ЯКУШ

Якуш наши соседи-тюменцы считают своим, мы, северо-казахстанцы, — тоже своим. И они правы, и мы. Дело в том, что это огромное по водной поверхности озеро разделяется границей. Однако, если вы взглянете на карту, то непременно улыбнетесь и зададите такой вопрос: как это получилось, что линия раздела территорий двух областей шла с востока на запад вроде бы мимо озера, но, дойдя до него, вдруг, точно по чьему-то велению, повернула круто на юг, прошла по восточному берегу и добрую половину водоема "отхватила" в пользу тюменцев.

Однако как бы ни извивалась граница, а села, расположенные вблизи: Сумное, Гайдуково, Дубровное, Артамоново, Исаковка — наши. Причем эти села древние, основанные пришельцами из Тобольской губернии двести с

лишним лет назад. Тюменских же населенных пунктов рядом не было и нет.

Но это, сколько я помню, не являлось особой помехой в рыбалке и охоте для жителей обеих областей, хотя в прошлом неоднократно поднимался вопрос, чтобы выпрямить линию границы. А если это сделать, озеро Якуш площадью в 30 квадратных километров окажется полностью нашим.

Старики рассказывают: в прошлом оно было глубоким — до шести метров, а вода — что слеза прозрачная. И необычайно богато карасем, а также излюбленным местом отдыха и откорма северной птицы, готовящейся к отлету на юг, — казарки, гоголя, крохали, хохлатой чернети, гагар, поганок, уток, чирков. В иные годы вдосталь прибывал кроншнеп — вкусная дичь, так же как обманщик-чибис и постоянная глашатайка-авдошка.

Охотники, бывало, не скучали. Иной, расставив чучела, на всю ночь оставался в лодке, забившись в густой темно-зеленый чакан, и с нетерпением ждал удачной зорьки.

И еще: об этом озере в прежнее время ходило немало всяких слухов и легенд. Одна из них утверждала, что заполняется оно потаенным ключом, который находится в таком месте, которое ведомо было только одному старику — Архипу Спиридоновичу Тихопристанскому, невесть откуда и когда появившемуся в селе. Слыл он божественным. Сказывал, что бывал в святых местах — Киеве и Иерусалиме. Имел большой набор открыток с изображением этих мест.

Хлеборобством Спиридоныч не занимался, а вот с Якуш не вылазил. Все рыбешкой промышлял. Добычу щедро раздавал сельчанам. Платы не брал, за что и принимали всюду его хлебосольно, обшивали, а по субботам и в баньку на первый пар приглашали.

Читал непонятные священные писания, убеждал в существовании бога, а бражничал, "как сапожник".

Это еще не беда, а беда в том, что как "заложит" он спиртного — пойдет буйствовать по селу: высказывается супротив организации колхоза (дескать, один пахарь в поле — сын божий, а ежели сообща — рабы антихристовы... А кто пытается урезонить его, тот тоже антихрист). И начинал он этот разговор так:

— Ты вот что, еловая твоя голова, священные писания знать надоть. Ты вот заплыви на Якуш да проводи там ночь в одиночестве, да вслушайся в шепот самого господа Бога.

Некоторых это озадачивало, а вот члены батрачкама не стерпели и однажды взяли да пригласили на свое заседание. Судили-рядили и определили, что он и контра, и гидра, и мироед. И предложили бескомпромиссно "топать" туда, откуда "притопап"... А если чего надо, пусть спрашивает.

Встал Архип Спиридоныч, выпрямился и величественно сказал:

— Ничего мне не надо. А вот вы поживете без рыбки! — и ушел. С концом, неизвестно куда.

Вскоре люди заметили — озеро Якуш мелеет. Некоторые говорили: от засушливых годов, от малых осадков. А некоторые утверждали: "Спиридоныч от обиды водный ключ заткнул, вода теперь не поступает".

Годы шли, озеро мелело. Там, где когда-то мужики ставили снасти, теперь свободно разгуливали цапли, выпь, кулички. Исчез прежний гомон птиц, вода становилась горьковато-соленой. Карась забился в ил, улова почти не стало.

А тут еще этот стон... Протяжный, тягостный. Всем казалось, что издает его само озеро. Людьюми с предрассудками овладевали нешуточные страхи. То, бывало, в летнюю пору до глубокой ночи сидели на скамейках лясы точили, семечки лузгали, а теперь с вечера улицы пустеют, ставни окон запираются. Кому интересно сидеть и затаив дыхание ждать, когда ветерок принесет с озера очередную "У-у-у-х!.."

— Зря втупор изгнали Спиридоныча. Стон — не иначе как его обида.

— Да ведь когда было! Небось, в гробу давно. Обшарить бы, — толковали люди и пробовали "обшарить". На лодках парни плавали, прислушивались, да все впустую.

А все оказалось до смешного просто.

В конце летних каникул сумские школьники, развлекались, плавали на лодках не так уж и далеко от берега. И потонули на артиллерийскую пушку, глубоко воткнувшись лафетом в вязкое дно. Тут же после дуновения ветра дети уловили в ее жерле странный звук, походивший на гудение. А дальше удалишься — услышишь: словно стон исторгается. Двумя тракторами мужики вытащили

пушку. Загадку тут же разгадал и пояснил собравшимся колхозник Михаил Задедюрин — участник гражданской войны. Гнал он беляков до города Иркутска, но по случаю ранения вернулся в родное Сумное. Он рассказал, что эта самая марка пушек была в войсках белой армии, которой командовал ставленник Антанты генерал Дитерихс, и что «с таким трофеем» он хорошо знаком. Назвал даже его калибр и боевые качества.

Да люди-то теперь все это позабыли. А сам Михаил Федорович умер от тяжелых ран, полученных в сражениях под Курском в Великую Отечественную войну. Никто не помнит, куда девалась та пушка. Предполагали, что в годы войны была сдана на переплавку.

Как же пушка оказалась здесь?

Сын Михаила Задедюрина Константин рассказывает:

— В наших местах большие сражения были осенью 1919 года. Белые в панике бежали, кое-кто попытался напрямую, через озеро Якуш, отступить, но лед был еще тонок. Пушка и ушла под лед...

Таким образом, орудие находилось в воде ровно двадцать лет, из которых последние пять ее ствол после спада воды находился на поверхности и издавал пренеприятнейшие звуки.

Каким же выглядит озеро в наши дни? Дубровинцы говорят:

— Якуш по глубине, конечно, не тот, что в былые времена, но уровень за последние годы все же прибавился. В нем вкусная пресная вода, водится не только карась, но и пелядь, которую разводят тюменцы. И нам частичка перепадает. Даже Петропавловский рыбозавод, только наступит осень, промысел ведет.

НА БЫВШЕМ ОЗЕРЕ ШИРОКОМ

(На пеньковских угодьях)

Когда мне исполнилось двенадцать, я с помощью отца научился косить сено. Рядок проходил несколько хуже отца, но чистота и аккуратность укладки валка не уступали отцовскому.

Однажды, как только станичники «нарезали» сенокосные деляны, отец за ужином сказал:

— Деляна нынче неплохая. Четыре стога даст. Как думаешь, казак, одолеем?

— Одолеём, — ответил я. — Ты два и я два стога.

Отец расхохотался, а потом сказал:

— Это ты правильно решил. По два, так по два. Завтра на рассвете выезжаем. Так что пораньше укладывайся. Отоспись. Силенки поднакопи. Стог накосить — не рыдванку сена под бастырик нагрузить.

— А где деляна?

— Возле озера Широкого.

Услышал я название, и стало как-то не по себе. А после того, как он сказал, что на берегу сделаем из свежей травы балаганчик, в нем жить будем, вообще стало страшновато.

— А нельзя возле другого озера? — спросил я.

— А чем тебе Широкое не приглянулось?

— Да так... Птицы там много. Гомонить будут, не успеешь.

— Ночью птицы тоже спят. А днем нам будет не до сна.

Насчет птичьего гомона я, конечно, придумал. Мое нежелание находиться рядом с загадочным озером Широким крылось в другом. Уж больно много в нашем селе страшноватых разговоров было о нем. Что всякий смельчак-охотник, решивший пробиться через пятиаршинные камышовые дебри и лабзы к середине, где якобы есть и плесы, и островки, на которых растут деревья и кустарники, обратно не возвращался. А вот почему — суждений было много разных. То заблудился, то в тину затянуло. Поговаривали, будто бы когда-то и кто-то видел, как из камышей показалась русалка да тут же с хохотом исчезла... «Ну а там, где русалки, непременно и ведьмы водятся», — толковали люди.

Приехали мы на восходе солнца. Распрягли и оприкололи лошадь. Отец подыскал бугорок для балагана. Из привезенных палок стал сооружать каркас, а я тут же принялся косить траву для шалаша.

Над озером висел неистовый гомон птиц. От близкого внезапного хохота мартына я невольно вздрогнул и вспомнил про русалку...

— Тять, а что, взаправду в Широкое русалки и ведьмы живут?

Отец засмеялся:

— Вон, оказывается, почему ты не хотел жить возле Широкого.

— Люди же говорят...

— Говорят, это верно. А для чего говорят, знаешь? Я скажу тебе по секрету, но ты — никому!.. Понял?

— Понял.

— Ну так вот. Всякие ведьмы да русалки — выдумка. А для чего? Чтобы ваш брат сюда не заглядывал да птиц не тревожил. Здесь птицы гнездятся, свое потомство выводят. Тишина им нужна. А как ее сохранить, тишину-то эту? Вот и придумали пугало, которого даже охотники — и те побаиваются. А знаешь ли ты, какая здесь птица водится? Самая крупная: гуси, лебеди, журавли и целая тьма всяких уток. Такой благодати для птиц у нас во всей округе нет. Озер много, а такого нет. Его как бы сама природа нарочно придумала для расплода птиц. Вслушайся, сколько здесь их, а попробуй доберись. Погибнешь, но не доберешься. Сплошная топь. Вот она-то для охотников и есть та "ведьма", которая запутает и никак не выпустит. Так что и вашему брату — ребятишкам лучше стороной обходить это озеро.

После я то и дело вслушивался в сплошной гомон, в разноголосье птиц. Кажется, там, где-то на середине, идут неумные споры. И поблизости, совсем рядом, за сплошной высокой стеной непролазного камыша ясно слышны то всплески воды, то тревожное кряканье, то буханье выпли, то звонкие лысухины "тив-тив-тив"...

На всю жизнь запомнились мне экзотические журавлиные танцы, которыми мы с отцом часто любовались через отверстия в нашем шалаше. Происходило это обычно рано, на восходе солнца. Журавли, словно по команде, слетались со всех сторон, плавно приземлялись на выкошенное поле и начинали свои танцы — кто во что горазд.

— Это хозяева озера, — говорил отец. — Ишь как форсят друг перед другом... Любовь по-своему выражают.

С возрастом я разузнал много подробностей о Широкое. Глубина его летом не превышала двух метров, но заплывать на лодке было невозможно. Пешему — "сто пре-

пятствий", непроходимый камыш, вязкая тина. В нем обитает карась, но взять его, так же как и птицу, невозможно. Если охотнику удастся сбить птицу на лету, то все равно он не найдет ее в зарослях.

Из населенных пунктов самое близкое к озеру — наше Пеньково. Основателем его в 1923 году был мой отец Михаил Матвеевич. Переселились мы из станицы Новопавловской, а на следующее лето к нам прибыл кочевой аул.

В селе жили рыбаки и охотники. Среди казахов были известные на всю округу охотники на волков, лис и горностая — особенно братья Исмаиловы — Рамазан, Мукалай и Аяш.

Характерен пример: загнанные волки постоянно стремились "дотянуть" до озера Широкое, а там, в могучих зарослях камыша, где под толщей снегов лед, как правило, тонкий и конь не пройдет, для зверя — спасение. Поэтому, промышляя, джигиты, преодолевая снежные сугробы, спешили во что бы то ни стало преградить им путь к отступлению.

Уникальное озеро ценили за птичье богатство и рыбу, но больше всего радовало селян то, что оно, накопив за зиму в своих камышах огромное количество снега, каждую весну затопляло водой соседнюю падь, которая давала после этого обильные урожаи естественных трав. Бывало, закончится сенокос — и на просторах приозерий вырастают многие сотни аккуратно уложенных и гладко причесанных стогов душистого сена.

Но годы шли, и лик приозерья менялся. Особенно с тех пор, как все было вспахано под самый урез воды. Обмелели, притихли вместе с Широким озеро: Черепково, Воровское, Караболка, Малое Белое. Тонкий (мошковый) плодородный слой, дававший питательные корма скоту, навсегда захоронен. Вывернутый наизнанку боляк превратил когда-то голубовато-зеленые поля в бесплодную унылую пустошь.

В наше время даже дети понимают: человек — венец природы, наделенный ею разумом, и поэтому обязан быть природе другом и помощником. Известно школьникам и то, что человек начал наносить ущерб

природе с того отдаленного от нас времени, когда в его руках появился топор.

Но можно ли теперь сравнить тот топор с могучей техникой, которую рабочие ТЭЦ-2 подогнали к берегам озера Широкое, чтобы очистить, углубить и превратить его в очередной золоотвал?!

Узнав об этом, я, забыв свой преклонный возраст и сердечную аритмию, тут же помчался к руководству областного общества охраны природы, где состою общественным инспектором. С порога, переведа дух, спрашиваю:

— Что же вы делаете?

— Расскажи толком. Чего шумишь? — спрашивает заместитель председателя Герой Социалистического Труда Петр Яковлевич Филиппенко, общепризнанный любитель природы и ярый ее защитник.

Я тут же на листе бумаги схематично нарисовал расположение близких к ТЭЦ-2 озер, рассказал об уникальной ценности Широкого и попросил отвести нависшую угрозу. Он меня понял. И пообещал “угрозу отвести”.

А на другой день, явно расстроенный, сказал:

— Опоздали мы с тобой. Озеро Широкое постановлением Совмина Казахской ССР, по ходатайству нашего облисполкома, передан ТЭЦ-2 под золоотвал. Решение было согласовано и завизировано Ишимской бассейновой инспекцией, госохотинспекцией, инспекцией рыбоохраны и даже руководством совхоза “Рощинский”, на угодьях которого находится озеро.

Всех их понять нетрудно: люди они в должностях своих и по возрасту молодые. Их знания о Широком были, прямо скажу, поверхностные. Они видели, что на всех соседних озерах — чистое зеркало, можно плавать, рыбу ловить, охотиться, а Широкое — сплошной камыш...

— Но вы-то, Алибек Салихович, как решились дать согласие? — спрашиваю директора совхоза “Рощинский”.

— А как бы вы поступили на моем месте? В облисполкоме я отказался визировать проект решения, учитывая, что хотя и немного, но все же по берегам добывали естественные корма. Кроме того, на берегах мы соорудили два дорогостоящих котлована для полива, есть и сохранившиеся от безрассудной вспашки выпасные угодья. Но на другой день меня пригласили в обком партии. Отстаиваю и

там интересы совхоза и интересы журавлей и лебедей, а мне показывают визы на согласие высокопоставленных руководителей и специалистов инспекций. Чего, мол, ты против науки хорохоришься?

— А почему бы вам не настоять на том, чтобы обсудить этот вопрос с общественностью вашего совхоза, с бывальными людьми? Они бы предложили другой, разумный вариант, а естественный заповедник, глядишь, и отстояли бы.

... Ранним весенним утром через открытую форточку моей городской квартиры я вдруг услышал журавлиные голоса. “Прилетели!”, — затеплилась в душе радость. Вспомнилось детство, первый в моей жизни сенокос, журавлиные танцы... И так захотелось “тряхнуть стариной”! Вслед за журавлями, на попутном транспорте добраться до родного села Пеньково, а там — рукой подать и до Широкого. Земляки подбросят.

Так я и сделал.

Полдня провел на берегу Широкого. Нашел тот бугорок, где стоял наш с отцом шалаш.

Нет, не та, совсем неузнаваемая, а точнее — оглушительно печальная местность. Там, где произрастали метровые травы голубых вязелий и сочной осоки, теперь сиротливо торчат одинокие полынки да лебединки. Пытаюсь уловить прежний гомон неисчислимых когда-то птиц, но слышу неистовый скрежет машин и бухание вгрызающихся в озерное дно экскаваторных ковшей. Сначала один, а через час другой пролетели молча табунки лебедей. Не задерживаясь, поспешно набрав высоту, ушли в сторону Тюменской области... А вот и журавли появились. Эти, наоборот, расшумелись. Увидев, что исконное место их гнездования разорено, вначале как-то всполошились, перемешались, “пошли” ввысь, где, выстроившись в косяк и покружив над озером, оглашая кликаньем родные места, пошли сначала на восток, но вскоре повернули резко на север. Их грустное курлыканье скребло душу.

Забыв про все, с глубокой грустью следил я за полетом журавлиного косяка, пока не растворился он в необъятном небесном просторе. “Прощайте, дорогие”, — вырвалось у меня.

Прощай, утренней свежести мое детство, прощай, озеро Широкое вместе с чудаческими, но с полезным умыс-

лом придуманными легендами, которые как могли, так и хранили твои неоценимые сокровища!

ТАМ, ГДЕ БЫЛА ГОЛУБАЯ ВЯЗЕЛЬ

С тех пор, как отец научил меня владеть косой, я уже самостоятельно ездил за свежей травкой на ночь коню. Я полюбил голую вязель: и косить легко и споро, и животные ели ее с большой охотой.

Но годы шли, и было заметно, как говорится, невооруженным глазом, что она исчезает. А недавно я увидел ее в "Красной книге"...

Детям своим во время "тихой охоты" по родным лесам я ее успел показать, а вот увидят ли ее наши внуки и тем более правнуки? Пожалуй, что нет.

В энциклопедическом словаре сказано, что в мире насчитывается 25 видов вязелей, на территории же бывшего СССР — 10; мы, северо-казахстанцы, знаем два вида — в пойме реки Ишим: желтоцветную, очень запашистую, цвет которой в старину заменял деревенским девушкам духи, и голубую, пахнущую медом — прекрасный корм для животных — диких и домашних. Даже вкус коровьего молока от голубой вязели люди всегда хвалили. Она влаголюбивая и произрастает в лесной местности и на зеленых полях.

Кто из петропавловцев не знает пригородные озера: Большое и Малое Белое, Широкое, Воровское, Черепково, Пеньково! Они богаты тростниковыми зарослями, что способствовало накоплению за зиму большого количества снега, а весной в междуозерья (Черепково, Воровское, Широкое), вплоть до так называемых "Татарских лесов", заливалось талыми водами; напоив вдоволь землю, остаток воды уходил в берега озер. Широкие же просторы междуозерья покрывались густым ковром вязели. Однако росла эта трава не в одиночестве, ей сопутствовали сочная осочка и множество цветов. Все это издавало неотразимое благоухание и привлекало рои диких пчел. Для них — рай, а для косарей — дар господний. Косишь-косишь — и

вдруг срубаешь мховый бугорок, а перед твоими глазами — соты, наполненные медом. Вот тут-то "не зевай, Фомка" — хватай их и что есть силы и духу, отбиваясь вязелью от атак злобствующего пчелиного роя, убегай во всю прыть и затеряйся в камышах или в кустах, а уж тогда и наслаждайся дарами природы.

В этом междуозерье окружающая среда до тридцатых годов, а точнее, до коллективизации, стойко сохранялась в своем первозданном равновесии. Никто из людей до начала сенокосения здесь обычно не бывал. Пастись скоту строго запрещалось. Косить же выезжали в намеченный на сходке села день, но только после того как мужики убедятся: стручки вязели уже лопаются и горошек залегает в плодородную почву — для будущего урожая. Вернее, это была не почва, а легко ранимый слой мха, под которым залегал постоянно влажный и прохладный супесчаный беляк. Сдери мховый ковер — образуется пустошь. Хлеборобы это хорошо знали и потому ревностно берегли тонкий плодородный слой. Да и как не беречь, если веками природа давала щедрые урожаи сена! Берегли, пока не было колхоза и строгих команд сверху: "Приступайте к севу", "Объявлено начало сенокосения", "Расширяйте целинный клин". Бывало, еще только начало июня, а периодическая печать уже "кукарекает": "Бескамышенцы уже стога метают, а пеньковцы на лаврах почуют". Вот и гадай, что делать — ждать, когда на ковер пригласят да ижицу "припишут"? Когда тебя снова и снова будут клевать афоризмом великого ученого: "Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача"?

И получилось: после первого же укуса неотцветшей вязели она начала хиреть, исчезать. Значит, в таком случае от природы нечего ждать милости — под плуг ее! И начали пахать. Плодородный слой на сотнях гектаров — низ, а на поверхность вывернули бесплодный беляк.

Теперь только воспоминания сохранились о тех никем не сеянных, но богатых укусах, когда за высокими валками видны были только головы косарей, а после окончания косовицы и стогования перед глазами открывается панорама сотен стогов запашистого сена, от которого и молоко-то медом пахнет.

Теперь в тех местах с горечью приходится смотреть на

пустынное междуозерье, по которому в разные стороны мчатся легковые машины грибников да ягодников. А за ними — длинные шлейфы зловещей пыли.

... Прости нас, голубая вязель, когда-то щедрая кормилица домашних и диких животных! Это мы, люди, извели тебя...

Десять лет назад совхоз "Рощинский" сделал попытку возродить междуозерные поля. Мощным взрывом, который обошелся хозяйству почти в миллион прежних рублей, возле озера Широкого — основного бассейна полива — соорудили котлован, организовали интенсивный полив, но увы! Ничего из этого не получилось. А теперь вот уже шестой год, как ТЭЦ-2 Широкое использует в качестве зооплоотвала. По существу, уже уничтожено прекрасное озеро.

— Теперь не видать нам тех вязелей. А чтобы образовалась плодородная почва, потребуются сотни, а возможно, и тысяча лет, да и то, если ноги человеческой там не будет, — сказал пенсионер из совхоза "Рощинский" Егор Моисеевич Кочнев.

1992 г.

ЧЕРНЫЙ ВОРОН

В энциклопедическом словаре ворон характеризуется птицей теплолюбивой, обитает он в Евразии, Северной Америке и Северной Африке. Не странно ли то, что пара этих птиц многие годы жила по соседству с нашей заимкой, в километре от села.

Место для гнездования было подобрано лучше некуда, в компактном березовом колке. На одной осанистой старой березе посредине его было мастерски сооруженное большое, аккуратное гнездо, до которого — ни одного сучка. В общем, предусмотрены и удобства, и безопасность. Вокруг этого колка была наша пашня. И что характерно: только отец запрягает лошадей в плуг, как ворон уже тут. Сначала бесшумно парит, а потом опускается в борозду и почти по пятам ходит за отцом — важно, вразвалку и старательно собирает вывернутую из-под земли добычу. Все

остальные — грачи, сороки, чайки — следуют за ним, не смея обогнать. Чувствовалось его преимущество.

Было замечено, что на березы этого колка другие птицы не садились. Его глуховатые, но мощные крики "крго, крго" хорошо понимали остальные птицы. Оберегая свое гнездо, он с особенным рвением гонялся за воронами и копчиками-яйцеедами. Зорко следил и не без тревоги, перелетая с вершины на вершину, выкрикивал свое "крго", когда какой-нибудь грибник появится в его "вотчине". А если тот подходил к дереву с гнездом, что называется, метал громы и молнии: кричал, пикировал. В таких случаях мой отец оказывал ворону помощь — бежал к колку и кричал грибнику, чтобы тот оставил птицу в покое. И грибник в недоумении удалялся.

Мы были убеждены, что ворон с отцом были в дружбе, хотя и на расстоянии. Например, когда обедали и ужинали возле костра, птица непременно парила над нами. Отец махнул ему рукой и скажет:

— Ладно, ладно. И тебе, орел, достанется.

А по окончании еды он уносил объедки в одно и то же место, где потом ворон с воронихой делили свою трапезу. И только в этот момент их можно разглядеть — клювы сильные, сами вдвое крупнее грачей, черные с зеленовато-синим отливом.

Мы, ребята, по наивности считали их орлами, боялись и обходили стороной.

Однажды за ужином отец поведал нам следующее: "Ворон — не орел. Птица теплых краев. Встречал я ворона в горах, когда службу нес в городе Верном. А вот как оказалась эта пара здесь, в Сибири, — Бог знает. Их гнездо на нашей заимке находилось еще при прадеде Гордее Тихоновиче — это, небось, лет сто, а может, и больше. Каждый год они выводят по шесть воронят, до осени обучают их летать, а приходит весна — отец с матерью возвращаются на свое заветное гнездо. Дети же где-то застревают. Видно, в теплых краях, где им от природы место заказано".

Этот рассказ и сыграл зловещую роль для семейства ворона. Мой двоюродный брат Пашка был большим озорником — не зря его отец, дядя Илья, часто устраивал ему порку за всякое блудство (то он подожжет траву — пал пустит и этим всех пахарей взбудоражит, те бросают плу-

ги, сбегаются тушить пожар, то самовольно, пользуясь занятостью взрослых, стащит берданку и устроит стрельбу в лесу). Беспокойный был, без пакостей не обходился и вовлекал кого-нибудь из нас. Мне было шесть, ему десять лет, когда мы с ним в окрестностях заимки весной разорили ворон да сорок несчетное количество. Нередко приносили для общего стола полные казацки картузы утиных и чернединных яиц. А на озере с лодки, оставляя подкладыши, собирали, как у домашних куриц, рябенькие, но довольно вкусные яйца лысух. В те годы, не то что теперь, птицы было так много, что это ни грехом, ни браконьерством не считалось.

Так вот, помню, как сейчас, в тот же вечер после отцовского рассказа о вороне Пашка отозвал меня в сторонку и говорит:

— Понял, что это за орел? А мы-то чуть не молимся на него: царский орел, царский орел, не подходи! Давай вот что сделаем: стащим у них одного цыпленка, откормим, а потом шкуру сдерем, сделаем чучело, и я подарю школе. А то там только два чучела: ворона да сорока. Знаешь, как в школе обрадуются, если мы с тобой принесем такую диковину!

Я в школу еще не ходил, но с нетерпением собирался. Почему бы не сделать добро? И согласился.

Пришли мы с Пашкой к гнезду потаенно, бесшумно. Он и говорит мне:

— Давай я тебя подсажу, а там уже близко, и ты в обхват долеешь, сцапай одного и сползай.

— А если там ихняя мать сидит? Она же укусит.

— А мы сейчас ее вытурим.

Набрал он несколько палок и начал швырять их в гнездо.

— Значит, они оба улетели на жратву. Цыплята одни.

Поднял он меня сколько мог, а там я уцепился клещом, докарабкался до гнезда. Но оно такое большое, настолько плотно сплетенное, что я сразу понял: не достать мне цыпленка. И все же протянул руку — и тут же получил такой клевок и страшный крик «крго!», что от боли и страха мгновенно оказался на земле. И залился слезами.

Вдруг появился самец. Он поднял крик: «Крго, крго», стал пикировать на нас, но сучья соседних берез защищали нас.

Разъяренный Пашка решил отомстить за меня. Он тут же сломил осиновую сухостоину, обломил сучья и отчаянно начал рушить жилище птиц.

Самка с криком покинула свое место и парит над гнездом, а самец отчаянно пикирует Пашку, но безуспешно. Гнездо рушилось, многолетний каркас из хрупких сучьев разлетелся во все стороны. Начали падать куски глины, посыпалось перо, вместе с ним, цепляясь за ствол березы, за ветки соседних деревьев, падали на землю цыплята и разбегались во все стороны. Пашка сполохом метался по лесу, пытаясь поймать цыпленка, но не удавалось. И получилось непредвиденное. Я, обняв молодую березку, стонал от боли, вдруг увидел, как рядом возле меня цыпленок запутался в траве и, выбиваясь из сил, не может освободиться. И вот тут-то я его накрыл картузом и неистово закричал:

— Поймал, поймал!

В потаенном месте мы выкопали ямку, дно застелили травой, в черепок наложили ему всякого корма — каши, картошки, пшеницы, проса. В баночке воды поставили и договорились: когда вырастет, чтобы не улетел, крылья подрежем. По несколько раз в день заглядывали к нему, а он как расставил вначале свои когтистые лапы, прижался к траве, так неподвижно и сидел трое суток, пока не скончался. Там мы его и захоронили.

Пашка боялся больше меня и часто предупреждал:

— Разболтаешь — милости не жди.

И я молчал.

Никто как-то не заметил исчезновения ворона. Но в следующую весну отец пахал полоску, которая тянулась насквозь к тому колку, где обитал ворон. Вечером за ужином отец с горечью сказал:

— Все же нашелся какой-то поганец, изничтожил в прах гнездо ворона. Теперь уже он не вернется к нам. Каких только подлецов нет на свете!

Пашки в тот день на заимке не было, я сидел за ужином, а лицо мое пылало пламенем.

Отец заметил это, впился взглядом, спросил:

— А что это ты так разругался?

Из моих глаз бисером покатились слезы.

— Рассказывай!

— Да. А потом Пашка меня убьет.

— А я не выдам тебя.

— Он догадается.

Отцу стало все ясно, а когда приехали дядя Илья с Пашкой, перед сном на нарах отец и говорит:

— Вот что, Илья. Ворон-то нынче не вернулся. Оказывается, наши казачки гнездо его осенью уничтожили. Но мой-то воды в рот набрал. Не создается.

— Это не мы! — закричал Пашка.

— А я нашел там улику. Вы потеряли темляк от картуза.

— Чей картуз, тот и в ответе, — защищается Пашка.

— Вот чего, Пашенька, — сказал дядя Илья, — сымай штаны, драть буду как сидорову козу!

Отец заступился:

— Не надо, Илья. В этом мы виноваты. Думаю, тебе хватит ходить за плугом. Павлу одиннадцать. Пахарь что надо. Ну, а мой борноволок и разные хозяйственные работы, например, огонь в костре поддерживает, хворост запасает, картошку чистит.

Подумав, сказал:

— Если вы с детства будете разорять да убивать животных, то вашим детям ничего не останется.

Отцовские советы беречь природу я бережно пронес с собой через всю свою жизнь.

1992 г.

ПОЧЕМУ ПОГИБЛА РЫБА

*На котором суку сидим,
тот и рубим.*

В озере Пестром произошел очередной замор. Погиб весь окунь, неизвестно, жив ли карп, о котором много лет говорят рыбоводы и которым обещают завалить город. В 1981 году в озере было много пеляди. Она, как говорят рыбаки, сама просилась на крючок. Но строгие тексты на выставленных щитах категорически запрещали не только удить, но и близко подходить к берегу. Пестрое было объявлено заповедным.

Ценную рыбу должен ловить и продавать населению Петропавловский рыбозавод, за которым официально закреплен этот водоем. Но не успел: пелядь погибла. Виновным оказался Пригородный лесхоз, который вел борьбу с вредителями леса вблизи озера и нанес ущерб государству на 36 тысяч рублей. От штрафа, предъявленного госрыбинспекцией, ему удалось уйти. А нынешней зимой погибла и оставшаяся рыба.

Заинтересовавшись этим, областное общество охраны природы обратилось к директору рыбозавода Г. А. Булдыгерову.

— А чему тут удивляться. Из 19 водоемов, закрепленных за нами, только три незаморные, а на остальных всего можно ожидать. Что касается гибели окуня на Пестром, так это даже к лучшему. Окунь — хищник. Он мешает разводить ценные породы, — ответил Геннадий Алексеевич.

— Может быть, Пестрое нужно вернуть горожанам, пусть они, как и прежде, отдыхают и загорают здесь летом, а зимой удят карася?

— Нет-нет, — перебил Булдыгеров, — пусть озеро отдохнет с годик, кормов накопит, а потом мы начнем разводить сиговых.

Новые обещания завалить город свежей рыбой. Десять лет верят и ждут петропавловцы. Может, все-таки когда-нибудь появится у них на столе свежая рыба?

По заснеженному льду Пестрого слоняются любители подледного лова. Покидая озеро, непременно подходят к добычкам мотыля, около которых валяются на льду мертвые окуни.

— Непонятно, куда смотрит госрыбинспекция. Если карася поймашь — оштрафуют и браконьером назовут, а вот тех, кто десятки тонн рыбы загубил, не наказывают.

— Помните, как раньше было? Карась сам на крючок шел. Удили, но рыбы не убывало.

Окуня можно было спасти, если бы вовремя начать аэрацию на Пестром, а не тогда, когда рыба задыхнулась.

Еще в октябре 1985 года госрыбинспекция официально потребовала начать аэрацию. Время шло, а предписание не выполнялось. В январе в рыбинспекцию пришли рыбаки-любители и рассказали, что в лунках появились коричневые жучки — первый признак наступающего замо-

четных грамот. Ему присвоено звание "Лауреат городской выставки цветов", он неоднократный участник ВДНХ СССР. В 1965 году отмечен Аттестатом II степени, в 1984-м ему был вручен диплом ВДНХ и Серебряная медаль.

Будучи депутатом областного Совета народных депутатов, Равиль Хасанович вносит большой вклад в сохранение природы. Для этого он использует трибуну, печать. Но самое действенное средство — личный пример.

1993 г.

КЛОЧОК СЕНА ДЛЯ КОСУЛИ

Когда заходит разговор о судьбе диких животных, невольно начинаешь сопоставлять прошлое с настоящим. Раньше, даже в самые суровые зимы, "братья наши меньшие" не переживали таких бед, как сегодня. По лесам было разбросано множество заимок, на каждой — хлебные токи. Бывало, мужики нарочно оставляли вороха отходов, мякины из-под веялок, где животные находили семена овсяга, куколя, зерна пшеницы, ячменя, проса. Приедешь зимой на такой ток, а там кормится боровая дичь — рябчики, куропатки, тетерева. Встречались дикие голуби, другие птицы.

На лесных полянах стога и скирды часто подъедались косулями, лосями, зайцами. Хозяева на такое "воровство" не обижались, искренне сочувствуя животным. На селе не было двора без скворечников или корзин, подвешенных в сараях для птиц, которых хозяева кормили вместе с домашней живностью.

Теперь же человек увозит с полей все подчистую. Диким животным достается горькая полынь да березовые почки. А каково, к примеру, копытным, когда единственный корм — стерня на хлебных массивах да пожухлая травка — под снегом, который, к тому же, на беду, после оттепелей оказывается скованным панцирем?

Нельзя сказать, что об этих бедах не известно человеку. Директив и инструкций хватает. Все они возлагают ответственность на Общество охотников и рыболовов, которое обязано вовремя заготавливать сено и веники, устраивать в лесах кормушки, в экстремальных ситуациях заниматься

подкормкой животных. Районы регулярно присылают в областные отчеты о проделанной работе. По этим отчетам, заверенным сельскими Советами, все в ажуре. Чего только не сделано, чтобы облегчить участь животных! Но попробуйте отыскать в лесах эти самые кормушки. В заповедники завозятся картофель для кабанов и зерноотходы для дичи, а в других местах не делается ничего.

Уменьшение количества боровой дичи, диких животных мы относим на счет охотников, которых, говорят, развелось больше, чем надо, да браконьеров. Споры нет, есть в этом доля истины, но лишь самая малая. Основная же причина сокращения численности животного мира в нашей зоне — бескормица. В результате вырубки лесов, распахивания земель под самый урез озер и болот, под самый корень, неумелого, а подчас преступно небрежного использования химикатов исчезли многие обитатели лесов и озер. А сколько гибнет их под колесами машин, особенно в пору сельскохозяйственных работ! Наибольшие потери среди дичи — куропаток, перепелов, коростелей. Часты случаи гибели лосей, молодняка косули. Эти потери в 10 раз превышают добычу ее охотниками и браконьерами вместе взятыми.

Установлено, что самое страшное для животных — круговое, загонное движение уборочной машины по полю кругами от периферии к центру. Дичь, постепенно отступая, концентрируется в центре и в конце концов попадает под режущие аппараты. А ведь еще в 1984 году колхозам и совхозам было рекомендовано косить травы и хлеба вразгон, начиная с середины массива. Но вся беда в том, что не можем мы расстаться со стереотипами, много говорим, да мало делаем. Напрашивается вопрос: а есть ли у нас такие хорошие хозяйства, которые хотя бы чуточку позаботились о сохранении фауны? К сожалению, нет.

В каждом селе есть первичные организации Общества охраны животных, насчитывающие сотни членов. И если они не проявляют милосердия к обитателям лесов и озер, то в чем заключается их членство? В уплате взносов? Коль скоро это именно так, то в будущем столетии нас ждет вымершая природа без пения птиц, без трубного клича лосей, без тетеревиных токов.

1989 год.

ГРОЗА В ЛЕСУ

Не могу забыть случай, когда мы с отцом летом 1924 года пилили в деляне березовые жерди и нас внезапно застигла гроза. Дождь был небольшой, прерывистый, но громовые залпы были настолько сильными и внушительными, что мы с отцом поспешно забились под гуженную жердями бричку и в момент ослепительных сияний и небесного треска прилежно крестились (замечу, отец мой в ту пору был коммунистом). На наших глазах гроза, что называется, прямой наводкой ударила в стоящую на отшибе развесистую березу. Раздался оглушительный треск, и дерево развалилось на две части. Поднялся и тут же исчез клуб дыма, а затем показались огненные языки, которые начали распространяться по полю. Пал, гонимый ветром, начал жадно пожирать пожухлые травы. Отец встревожился:

— Беда, сынок! Айда, тушить будем.

Он быстро срубил несколько таловых хлыстов, к счастью, еще зеленых, и мы вступили в отчаянное единоборство со стихией.

Нелегко нам досталась победа. А когда отдышались, отец в раздумье сказал:

— Вот видишь, сынок, как человек необходим природе: он и защитит ее, и украсит своим трудом. Животных-то на земле много, а разум только человеку дан. Ни волк, ни заяц пожара не потушат, а вот мы с тобой не дали огню леса спалить.

ТЕПЛЫЙ КОЛОК

*Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит.*

А. С. Пушкин.

I.

Мои детские и юные годы были тесно связаны с этим березовым колком. Он находился в версте от нашей заимки. Среди других выделялся прежде всего компактностью. За ним закатывалось солн-

це, отчего он становился темно-зеленым и спокойным даже в ветреную погоду. И еще — издавал четкое “эхо”. Бывало, вечером, когда все пахари готовили ужин и отдыхали у костра, дядя Миша Колмыков, который страсть как любил забавляться с нами, ребятишками, затевал всякие игры — в городки, в лапту, в логу (прятки в лесу). И вот он как-то на закате солнца, сложив ладони раструбом и повернувшись в сторону Теплого колка, крикнул: “Э-ге-ге!” И вот это “э-ге-ге”, долетев до леса и как бы побродив среди деревьев, тут же вернулось к нам.

Мы, дети, были озадачены.

“Кто это?” — спрашиваем. А он отвечает: “Не знаю я. Кто-то сидит в лесу и передразнивает нас”.

С тех пор мы на закате солнца сами — то в одиночку, то хором орали свои имена: “Гришка! Ванька!” — и нас из Теплого колка “передразнивали” те же детские голоса.

Днем взрослые работали в поле, а мы должны были натаскать побольше хворосту для костра, нарубить дров, подмести в избушке и вокруг нее, а там — гуляй себе, находи и ешь “от пуза” дикий лук, кислянку, пучки, саранки, солодку.

Бывало, в округе все леса обшарим, но чтобы зайти в Теплый колок — упаси Боже. Боялись. Нам казалось, что в нем кто-то живет, и непременно какая-нибудь Злыдня. “Может, людоеды, а то и ведьмы”, — рассуждали мы.

За ужином мужики каждый раз заводили разговор о том, чтобы из родной станицы Новопавловки переселиться сюда, к озеру Пеньково — ближе к пашне: “Раздолье-то какое, красота дивная!”

Оно конечно: на берегу Ишима все же веселее и город ближе, да и резона нет жить далеко от пашни. Ведь каждое лето хлеборобы неделями не бывали дома, спали в дерновой избушке, на общих нарах, сколоченных из жердей и застеленных сеном или соломой, не раздеваясь, под тулупами. Изба освещалась жировиком, в лучшем случае — свечкой.

Двора на заимке не было. На ночь каждый пахарь привязывал своих коней к колоде с мешанкой.

В те годы, особенно в 1921—1922 годах, в наших краях процветало наглое конокрадство и невесть откуда было

большое нашествие волков. Поэтому мужикам приходилось посменно охранять лошадей. Так что пахарю приходилось день-деньской шагать за плугом, а ночью сторожить.

Отец наш больше всех агитировал переселиться ближе к пашне. Ведь у каждого будет свой двор, конюшни и другие удобства. Никто, вроде бы, не возражал, но пока что отшучивались, а конкретно не решались.

— Главное, братцы, бабы наши под боком будут, — говорил один.

— Это верно. А то, небось, с тоски-то — тово!

— Э-э, моя не “тово”. Я перед отъездом в долг нагайкой ее огрел и упредил.

— Вот-вот. За то что огрел, она вот в этот же вечер — с другим ласкаться.

— Нет, братцы. Что ни балобольте, а ущерб большой несем со всех сторон.

— Переезжать надо, — утверждал отец. — Вон на той возвышенности пустошь вольная. Заселим — благодать будет. Утром позавтракал у самовара, плуг — на рогатину, сам — на отвал, и через какие-то минуты ты у борозды. А дома-то перед окнами озеро, птица и своя, и дикая. Вечером мордушку в воду — утром свежий золотистый карась на сковородке.

Мужики чешут затылки, снова да ладом дискутируют:

— Я хошь сегодня переселюсь, а как станица-то? Ведь осиротеет!

— Да кому теперь нужна станица?

— Ведь бояться стали называться казаками, лампы спорили.

— Все, братцы, навоевались за батюшку-царя и Гришку Распутина, мать их так-перетак!

— Теперь, братцы, надо в тишину забиваться, вроде бы вон, в Теплый колок, и жить: “Ты меня не тронь, а я тебя не трону”. Надоело все!

Вот так два года казачки “полоскали” задумку о хуторской жизни. И наконец-то, в 1923 году, истощенные, измотанные войнами, тифом да голодом десять семей-однолошадников окончательно решились переехать к озеру Пеньково, к своим земельным наделам.

II.

Помню, как из города приехал к нам на фазтоне интеллигентно одетый лесничий. Всех мужиков внимательно выслушал, записал, кому что надо для постройки изб и подворий. Потом велел запрячь лошадей и ехать за ним принимать лесные деляны.

А деляны отводил так: подъезжаем всей армадой к колку, он и говорит:

— Семья Вележанских, ко мне!.. Вот так-то. Временно, до сентября месяца, этот колок закрепляю за вами. А вы за счет разумного обрезаживания пользуйтесь — рубите себе колья, жерди. Весь валежник и сухостой — ваши. Лес надо к сентябрю очистить, а вид его должен быть лучше, чем в данный момент. Поняли?

— Понял, господин лесничий.

— Не господин, а товарищ.

— Виноват, ваше сокоблагородие.

Все хохочут.

Нашей семье как раз и достался Теплый колок. Отец был доволен, но мы с братишкой Ваней приуныли. Никакого восторга! Отец это заметил, спросил:

— Что, не поглянулся?

— Темно в нем. Густой шибко, — сказал я.

— Называется Теплым, а тут, как в погребе, — добавил Ванюшка.

— Вот и хорошо, — сказал отец. — В прохладе работа спорится, а что густой, так это совсем хорошо. Будем прожеживать. Тут нам вдосталь и кольев, и жердей.

Под густым зеленым пологом мы с Ваней долго, еле успевая, ходили за отцом. Пахло груздями, хотя им еще не пришло время. Над вершинами деревьев, забывая голоса певчих птиц, все время преследовала нас и тревожно стрекотала сорока.

— Тятя, чего она привязалась? — спросил Ванюшка.

— Должность у нее такая — предупреждать всех диких животных о появлении чужаков.

— И волков?

— Всех. И волков, и зайцев, и пташек — все ее понимают и от испуга подай Бог всем волкам ноги, а птицам — крылья.

Отец показывал нам, какие деревья годятся на колья, какие — на жерди, как следует обрезать не в ущерб колку, куда выносить и укладывать сучья.

— Так что мне строить, а вам, поскольку вы уже не маленькие, обеспечивать меня строительным материалом. Лето, сами знаете, короткое, а надо успеть сделать жердянку на всю семейную ораву, двор обнести, сарай да конышники... Так что впрягайтесь, мужики. Да поможет нам родной наш Теплый колок! — громко воскликнул отец.

Мне казалось, будет эхо, но вместо этого всполошились и раскричались на всю округу птицы. Оказалось, что все они после сорочьего предупреждения об опасности в затанном молчании отсиживались на вершинах деревьев и ждали, что же будет дальше с появлением непрошенных гостей.

Исследуя Теплый колок, в западной части его мы неожиданно вышли на залитую ярким солнцем полыхающую разноцветием опушку. В цветах гудом гудели и старательно трудились пчелы. Пахло медом.

— Вот это да! — воскликнул отец. — Ишь где спрятались! Да мы, мужики, на этой опушке целый стог запашистого сена ежегодно будем накашивать! А вон и прогалина, по которой можно въехать и выехать.

На противоположной стороне опушки мы обнаружили низинку, наполненную водой, а в ее середине — заросший сочной травой и диким луком древний обвалившийся колодец. Вода — чистейшая слеза, через ее прозрачность ясно просматривалось дно и резвящиеся в нем лягушки.

— Вот он где, водопой для всякого зверья, — сказал отец.

— А как ты узнал? — спросил Ванюшка.

— Видите: тропы и следы во все стороны.

— А чьи следы? — допытывался Ванюшка. — Что, волчьи тоже есть?

— Пить все хотят — и волки, и лисы, и барсуки, и даже птицы. Вон сколько их расшумелось! Боятся, как бы мы не украли у них водопой.

— А ведьмы тоже здесь пьют? — допытывался Ванюшка.

— Ведьмы только в сказках бывают.

— Ну да! А кто тогда передразнивал нас, когда мы кричали с нашей заимки?

— Это было вечернее эхо ваших же голосов. Голоса как бы ударяются о колок, отскакивают, как мячики, и быстро мчатся к вам.

— А почему от других колков не отскакивают?

— Не знаю, — сказал отец. — Но догадываюсь. Другие колки обыкновенные, а наш необыкновенный — моложе, гуще, теплее других.

III.

Место, отведенное для заселения хуторян, отец называл "пустырем". До сих пор не знаю, почему "пустырь", если на нем буйно росли травы — голубая вязель, пырей, кашка. И характерно, что оно было излюбленным для перепелок и коростелей. Ох и не давали же они нам отоспаться! Чуть за озерными лесами брызнет рассвет, как возле шалаша и по всей пустоши начинается: "Пять телят, пять телят", "кыр-кыр-кыр" — тут же просыпается озеро и начинается разноголосый гомон.

После того как были сделаны затесы на березках, которые следовало спилить для обрезивания Теплого колка и личных нужд, мы с Ванюшкой под наблюдением и с подсказками отца первый воз колея заготовили и погрузили на дроги сами.

Отец похвалил нас, а на будущее показал, как с помощью "архимедовых рычагов" и разных хитростей грузить нелегкие жерди.

Мне тогда было 12, Ванюшке — 10 лет.

— Так что, мужики, за лето мы справимся. Будет у нас изба, двор плетнем обнесем и сарай для скота построим.

Это был конец нашего детства. Мы самостоятельно привозили на стройку колья и жерди, помогали их ошкуривать.

Теплый колок нам стал родным. Мы полюбили его за то, что в жаркие дни в нем было наше спасение — свежо, прохладно, легко дышится. Полюбили за гомон певчих птиц, за пересвист иволги, напоминающий звуки флейты. Но как бы мы ни сроднились с Теплым колком, нас с братишкой часто настораживала загадочная его

таинственность. Порой мы чувствовали себя козявками в этом большом лесу, в котором вдруг кто-то протарабанит, кто-то вякнет, глухо пробубнит: "Кокуш".

Без боязни не обходилось. Особую осторожность проявлял Ванюшка. Ему часто казалось, что в лесу "кто-то лазит".

— Слышишь, сучья хрустят? — испуганно говорил он.

Я же, по долгу своего старшинства, старался рассеять его боязнь и говорил ему:

— Ты меньше уши-то развешивай, дело делай. А к нам никакой зверюга не подступит!

— А ведьмы?

— Да какие ведьмы? Они только в сказках, на свете их нет.

— Эх, Ванька, Ванька, — смеялся отец за ужином, — каждого куста боишься. Какой же ты казак сибирский? Вот скоро тебе одному придется за талом ездить, а мы тут вдвоем-то строительство ускорим. Думай, драгун, иначе что о тебе подумают девчонки?

В то время звание "казак" пока еще звучало гордо — в нем сочетались патриотизм, мужество и бесстрашие.

После такого разговора Ванюшка заметно храбрел. Не боялся в одиночку удалиться в гущу леса, чтобы принести кол или собрать сучья, и уложить на отведенное отцом место. Но продолжалось это недолго, пока вдруг не исчез таинственно наш узелок с хлебом и двумя огурцами, подвешенный под дорогами.

Этот случай ошеломил нас обоих. Ванюшка разрыдался:

— Вот, а вы говорите — никаких ведьмов. Айда скорее домой. Я боюсь!

— Да может, узелок-то в дороге еще отвязался и выпал, — успокаиваю его.

— Нет! Я видел его здесь!

Довод был убедительный. А главное — я не мог переносить Ванькин рев.

В этот раз домой мы вернулись порожняком.

Отцу это не понравилось:

— Ну и что за беда? Может быть, барсук подшутил. Жоркий зверь, — сказал он.

В тот день мы ошкуривали жерди. Отец сказал, что он поехал в аул к Исмаилу и скоро вернется.

Отец вернулся к вечеру — и не один, а с собакой на поводке. Собака высокая, гладко-белая и на удивление спокойная. В желтоватых глазах виднелась печаль и готовность подружиться с нами.

— Ну вот, — сказал отец, — приучайте. Она вас всегда защитит от всяких ведьм и барсуков. По-казахски зовут ее Ак, по-русски — значит Белка.

Она быстро вжилась в нашу семью. Первые дни познавала, кто свой, кто чужой, а изучив своих, одаряла лаской, на чужих же рычала.

Нас в семье было трое мальчишек и одна сестренка. Все по-настоящему влюбились в Белку. Но, пожалуй, больше всех она понравилась нашей маме, за то, что помогала ей искать грузди. Найдет и твякает. Было и такое: отыщет мухомор или поганку и довольная лает.

— Только говорить не умеет, а так все понимает, — говорила мама.

Не отставала Белка и от нас. Утром только возьмешься за дугу или уздечку, начинает прыгать от радости, подбегает к Гнедкуну, норовит лизнуть его в губы, тот мотает головой, и не понять, то ли он приветствует, то ли осуждает ее "поцелуй".

И, пожалуй, дня не проходило у Белки без приключений. Благо, в те годы в Пеньковских лесах было множество живности — тетеревов, куропаток, которые с пугающим шумом, а иногда и криком вспархивают из-под ног. Очертя голову Белка носится за ними, а когда те взлетают, она, словно дитя, плачет, жалуется, скулит. Потом уставшая ложится под дорожку. Но были у нее и успехи — иногда приносила зайца, за что непременно получала вознаграждение в виде кусочка хлеба или вареную картошку.

Большой забавой для нее было устраивать отчаянный разгон сусликов. Она их обычно не брала, но страху нагоняла такого, что они еле успевали, мотнув хвостиком, исчезать в норах. Но однажды произошел трагический случай. Настигла она суслика, потерявшего в спешке нору, и он вступил в единоборство: Белка прыгает над ним, забавляется, лает, скалит зубы — вот-вот схватит, но суслик изловчился и цапнул ее за верхнюю губу. Начался пе-

реполох. Белка с визгом носится по полю, мотает головой, пытается избавиться от зверюшки, а тот, прокусив собачью губу, сам рад бы оторваться, но не может.

Мы с Ванюшкой, прыгнув с дрог, пустились на выручку, но попробуй ухватись за когтистого суслика — исцарапает! Долго не могли избавить Белку от беды. Били суслика кепками, ногами, а он болтался на Белкиной губе, пока не порвал ее... И во всю прыть умчался. Ошеломленная Белка жалобно скулила.

Мы знали, чем лечить раны. Тут же на обочине дороги нарвали подорожника и, выжимая из него сок, прикладывали к рваной губе.

Больше всех Белка привязалась к нашему младшему братишке Володе. Был он толстяк ("Кожемякой" в детстве прозывался), любил покусочничать, охотно делился едой с собакой. А однажды взял да учудил: древесным углем густо нарисовал Белке брови. Смех был на весь хутор!

Особенно она восхищала детвору. Ее заставляли смотреться в зеркальце. Первое время, увидев себя, недовольно лаяла, но потом привыкла и могла подолгу любоваться своим отражением.

С Белкой мы в Теплом колке чувствовали себя в безопасности. Ванюшка работал без оглядки. Он один углублялся в чащобу, носил колья, очищал лес от сучьев.

Однажды нежданно-негаданно к нам на своем красивом фаэтоне подъехал лесничий. Подошел. Молча осмотрел нас с ног до головы, спросил:

— Чем занимаемся, оборванчики?

— Жерди пилим.

— Фамилия?

Я сказал. Он заглянул в блокнотик, сказал:

— Крикните отца.

— А он дома. Мы сами тут...

— Вот как. Вы одни?

— Одни.

— А ну-ка показывайте, что вы тут у меня натворили?

Я повел его. Показываю.

— А где пни, где сучья?

— Пней не видно. Мы их под самую землю оставляем, а сучки выносим из леса и вон там складываем.

Показали отцовские затесы на тех деревьях, которые надлежит срезать.

— Ну, что ж, — сказал он, — молодцы. Значит, отец ваш дома? Он строит, а вы подвозите? — сел в фаэтон и уехал.

Мама потом сказала нам, что лесничий к ним заезжал и упрекнул за то, что детей, дескать, не жалеет, в непосильный труд впрягли.

— А как быть-то, ребятушки? Один-то отец не может.

— Да ничего, мама. Построимся, а потом легче будет, — сказал я.

V.

Однажды пришла к нам беда, после которой мы с Ванюшкой оба отказались от Теплого колка.

В августе мы уже жили в собственной избе-жердянке с глиняным полом, нарами и русской печкой. Но дел впереди было еще много. Недостроен сарай, нет ворот, нужна была амбарушка под урожай. Да и уборочная приспела.

Время близилось к вечеру, отец говорит нам:

— Рана у меня турецкая заныла, ночью дождь будет, а у нас с вами на опушке Теплого колка оденок сена сиротеет. Намочит — сгниет. Так вы быстренько съездите и заберите его. Сохранить надо.

Запрягли мы Гнедка. В огороде сорвали по большому подсолнуху и в сопровождении, как всегда, довольной Белки тронулись.

Мы, конечно, спешили, чтобы засветло обернуться, но у Гнедка — своя традиционная трусца, и большего из него не выбьешь.

Солнце было на закате, но когда въехали в лес, то почувствовали холодные объятия лесной ночи. Под рубахой по спине прошла неприятная дрожь.

Подъехали к оденку. Прислушались. Лес затаился, молчит. Где-то в глубине глухомани послышалось ворчание: "Кокуш, кокуш". Белка наша, как обычно, растворилась в лесу. Запахло лесной гнилью.

— Поедем домой, — сказал Ванюшка. — Все равно дождя не будет. Тяте показалось.

— А ты не дрейфь. Будешь раскладывать и утапывать, — сказал я и спустился с рыдванки. Потом стащил бастрык, расправил веревку-затяжку. Недошелканные подсолнухи подsunул под рыдванку — и пошла спорая работа без передышки. Но когда от оденка оставалось сена уже совсем немного, где-то в невидимом, но почти осязаемом небе сошлись и яростно сшиблись широкими лбами темные облака. Неяркая молния сиганула в лесную мглу, первый трескучий гром чисто и по-хозяйски смело прокатился за Теплым колком. В лесу шумно затревожились птицы. Проворчал “кокуш”. Ванюшка не стерпел и завопил:

— Поедем скорее! Я боюсь!

— Не ори! Трус несчастный! — прикрикнул я и сам спешно подал ему бастрык. А когда забастрычили воз, “нырнул” под рыдванку за подсолнухами, но, о Боже! Увидел: оба подсолнуха начисто кем-то выщелканы, а рядом с ними — две кучки свежей лузги. От страха по моему телу забегали мурашки. Не помню, как оказался на возу и хрипло скомандовал:

— Гони!

— А вожжи где? Пошто не забросил?..

— А ты слезь сам и забрось.

Поколебавшись, Ванюшка стал спускаться, но в это время, будь он неладен, лесной дьявол, опять “кокуш” забубнил, и тут же, уже совсем близко разверзлась темнота неба, снова сиганула извилистая молния, а следом загрозотал гром. Ванюшка сел и сквозь слезы говорит:

— Я боюсь...

Что, думаю, делать? Выщелканные кем-то подсолнухи не выходят из головы. Я куда больше Ванюшки теперь боюсь, но не признаюсь и не говорю ему о приключившемся. Одно желание — как можно скорее выбраться из леса, из обволакивающей нас темноты. И тут выход нашелся. Я взял вилы и ими прямо с воза зацепил вожжи, лежащие на спине Гнедка, ухватился за них и что есть мочи начал подгонять коня.

— А подсолнухи? — спросил Ванюшка.

Я ничего не говорил, пока не выбрались на дорогу.

— Помолчи о подсолнухах!

Брызнул дождичек. Я погоняю Гнедка.

— Их выщелкали мыши.

— Как это? Мы же рядом работали. Как они посмели? Да ни одна мышь не осмелится. Ты, наверное, в темноте не разглядел.

— Все разглядел. До одного семечка. И лузга рядом, в двух кучках.

Ванюшка стал испуганно озираться;

— Это ведьма. Я же говорил — живут они тут! Больше не поеду в Теплый колок!

Дома нас заждались, тем более, что нас застигли темь, дождь, гроза. Мама, как всегда в таких случаях, “наваливалась” на отца, упрекая за то, что он нас не жалеет, нагружает непосильным трудом, рано будит, не дает понежиться, отоспаться. Отец защищался:

— Ничего, мать. Гни дерево, пока оно молодое, а то поздно будет. Тунеядцы вырастут.

Как только мы заехали во двор, Ванюшка во всеуслышание заорал:

— Вот. Я же говорил! Ведьмы все наши семечки сожрали!

— Ну опять двадцать пять, — сказал отец.

— Не поеду я больше никогда в Теплый колок. Вот и все!

За ужином я подробно рассказал о случившемся.

— Да это барсук наверняка, — сказал Володя.

— Сам ты барсук. Ведьма, а не барсук, — убежденно проговорил Ванюшка.

Отец сказал:

— В таких условиях, когда люди работают, а рядом собака, ни барсук, ни другие животные пакостить не могут.

— Тогда кто? — спросил Ванюшка.

— Не знаю. Подумать надо.

На другой день все хutorяне знали, что в Теплом колке наши подсолнухи выщелкала ведьма. Нам надоело об одном и том же рассказывать каждому встречному.

Потом поползли слухи, что сын кузнеца Гуменного Миронка, проезжая мимо Теплого колка, своими глазами видел, как эта самая ведьма показалась ему на краю леса, испугалась его и скрылась.

Несмотря на массу дел, в воскресенье, по старой станичной традиции, хуторяне не работали.

В субботу после обеда — “генеральная уборка” дворов и преддворий. Обязательное мытье в бане. А вечером — дружные посиделки, собираются к кому-то на бревна или каждый придет со своей табуреткой, а то и со скамейкой, рассядутся...

И тут начинается большой разговор на темы, кто во что горазд — про погоду, про урожай, про стройку, про фронтовые походы, о предстоящих свадьбах.

И если это в июле или августе, то каждый приходит с собственным подсолнухом. Вот уж ползугают — за всю трудовую неделю!

Взрослые парни и девки — те отдельно, подальше от всяких судов-пересудов родителей, а детвора, подростки — те вместе с собаками тянутся поближе к пожилым — тут есть чего им послушать да намотать себе на ус. Рассаживаются тут же на полянках.

Вот в один из таких вечеров наш Володя подновил Белке брови и, держа ее за ошейник, пришел на такое сходбище. Увидев собаку, люди долго и от души хохотали. Как только ее ни называли — и кралей, и марухой, и барыней.

— Она у тебя, Володьша, не в дружбе с ведьмой?

— Ты, Володьша, шляпку на нее надень и кошну на шею.

— И в город на прогулку по тротуару!

И опять “ха-ха” да “хо-хо”. А Белка улеглась рядом и не придает всему этому никакого значения. И вот тут-то, у всех на глазах, произошло чудо. Кто-то не иначе как из-за уважения к Белке отломил краюху от своего подсолнуха и бросил ей. Та покосилась на “подарок”, подтянула к себе и с большим мастерством, довольно быстро начала щелкать семечки, аккуратно складывая в одно место лузгу. Люди ахнули. Вот она, оказывается, какая, ведьма! А потом и Миронка признался, что наговорил про ведьму просто так, понарошке.

В прошлое лето, ровно через шестьдесят лет, мне довелось побывать в Теплом колке. Честно признаюсь, лучше бы не сбывалась моя долголетняя мечта! Грустно было

смотреть на оголенные вершины берез до неузнаваемости поредевшего и теперь уже совсем не Теплого колка! Не сопит под ногами пахнущая корнями земля, она утрамбована выпасами совхозного скота. Много никому не нужного валежника, не слышно голосов певчих птиц, не пахнет груздями.

Единственно, что напомнило мне о прошлом, так это неотступный стрекот сороки.

“ВОЗРОДИМ ОЗЕРА”

Впервые этого человека я увидел в кабинете старшего инспектора рыбоохраны. Их разговор, судя по всему, подходил к концу и обоюдному согласию, когда я вошел. Узнал, что обсуждался вопрос о необходимости ускорить строительство прудов, а также комплекса, в который входил бы Дом рыбака, копильный цех, причал на озере Лебяжье — теперь этот водоем отвечает всем требованиям ведения рыбного хозяйства.

Когда он ушел, я спросил: “Что за новый рыбак появился?”

Хозяин кабинета А. А. Белокопытов задумался на миг и взволнованно заговорил:

— Наша печать в последнее время охотно информирует об экологических бедах, о браконьерах. Но о людях, об организациях, по инициативе которых возрождается и используется на общее благо природа, мы почему-то молчим. А ведь только усилиями треста “Союзцелинвод” озеро Лебяжье стало уникальным водоемом, отличным местом отдыха трудящихся.

В разговоре со старшим госинспектором рыбоохраны выяснилось, что это был Василий Ильич Семионенко — старейший работник треста “Союзцелинвод”, именно по его инициативе обводнено и зарыблено озеро Лебяжье в Соколовском районе. Кстати, в этом замечательном коллективе, начиная с управляющего Каттая Бектасовича Кеншинбаева, собрались люди поиска и щедрого сердца. Помимо заботы об обеспечении сел нашей области водой, они сами, без подсказки сверху, на общественных нача-

лах взялись за оживление реки Камышловки и озер, которые она когда-то "прошивала" своим руслом.

После очистки и приведения в порядок русла мощными насосами началось заполнение его и озер водой из Целинного водохранилища. Нелегко все давалось, однако успех уже есть — заполнены обмелевшие уникальные Малый и Большой Тарангулы, ожили Сарыгуль, Жиланды, Балакты и другие.

И вот наступила очередь освоения озера Лебяжье. Началось это именно по инициативе Василия Ильича. К тому времени он был уже пенсионером, правда, начинающим, с полугодовым стажем, не стерпел — пришел к начальнику треста: "Каттай Бектасович, не могу, давай работу".

Как можно отказать ветерану, бывшему фронтовику, кавалеру двух орденов, способному организатору, который добросовестно проработал 25 лет в системе треста! Причем кроме своих прямых служебных обязанностей — руководить Булаевским участком магистральных водопроводов — занимался еще и организацией подсобного хозяйства треста, создал свиноферму на 600 голов и пчелиную пасеку.

Возвращение его в коллектив было встречено с радостью. Начальник треста сразу же поручил ему обратиться в рыбоинспекцию с просьбой выделить подходящий водоем для организации рыбного хозяйства. И вскоре за предприятием было закреплено исчезающее, а в прошлом промысловое, богатое рыбой Лебяжье. По этому поводу бывший егерь района, ставший бригадиром промысловиков на этом озере, Николай Иванович Койпыш сказал:

— Лебяжье, общая площадь поверхности которого — в 900 гектаров, принадлежало нашему рыбозаводу, но он относился к нему бесхозяйственно — озеро много лет опухивалось под самый урез воды, уровень не превышал 80 сантиметров, рыба исчезла, и лет 15 оно пребывало мертвым, пока в 1988 году не взялся за его возрождение трест "Союзцелинвод" под руководством В. И. Семионенко и главного инженера А. В. Науменко. Чтобы заполнить водой из реки Ишим, потребовалось полтора километра труб крупного сечения, а в тресте их не было. Немало затрачено времени на их поиски, и в конце концов трубы были найдены на территории Курганской области, где когда-то

был водопровод, за ненадобностью заброшенный. Их пришлось извлекать с трехметровой глубины. Немало средств и труда стоило перевезти, сварить, уложить их на новом месте и технически оборудовать перекачку воды.

Лебяжье, по мере возрастания уровня воды, зарыблялось мальками карпа, пеляди и крупным карасем.

— Прогнозы инспекции рыбоохраны, — говорит А. А. Белокопытов, — оправдались: трест за лето 1990 года добыл более 60 тонн хорошей товарной рыбы — ценного продукта питания. А это значит, что на столе рабочих и служащих коллектива треста появился деликатес — карп и пелядь. Рыба с озера Лебяжье поставлялась в райцентр Соколовку, а также продавалась на колхозном рынке и в магазине "Океан" областного центра.

Недавно мне пришлось побывать в рыболовецкой бригаде. Скажу прямо: труд рыбаков нелегок, особенно зимой, когда по широкому простору непрерывно гуляет пронизывающий ветер.

— Надеемся, что в скором времени у нас будет свой теплый уголок на берегу, где можно погреться, — говорит бригадир Н. И. Койпыш. — Достигнутый уровень воды — 4 метра — теперь гарантирует нормальную жизнь и размножение рыбы, а это значит, что пора нашему тресту обосновываться здесь фундаментально. Добыча рыбы должна возрастать.

А. А. Белокопытов добавляет:

— Озеро Лебяжье как-то неожиданно для нас стало местом заготовки икры сиговых, в которой наши рыбопитомники крайне нуждаются. Мы, расходуя большие средства, каждую осень метались по стране в ее поисках, а вот теперь нам поставляют ее, как ни странно, трест "Союзцелинвод". Отпала нужда летать на древнее озеро Севан в Армению, вылавливать икринки и привозить их, порой уже безжизненных.

Появилась, таким образом, возможность обеспечивать посадочным материалом всех, кто имеет озера, а также будущее прудовое хозяйство треста. Казалось бы, что все в ажуре, однако...

— Мы не совсем уверены, что Лебяжье будет экологически здоровым, — обеспокоенно говорит бригадир. — Причина в том, что озеро много лет безбожно опухивалось, пахали даже там, где когда-то была вода и рыбаки ставили снасти. Оно мелело, уменьшалось, а пахари не отставали

от уреза воды. Теперь же, при поднятии уровня, вода в нескольких местах зашла на пахоту. И не исключено, что удобрения и ядохимикаты могут попасть в воду — тогда наступит гибель рыбы.

— Выход один, — говорит Белокопытов, — необходимо водосборные площадки и береговую 200-метровую зону оставить в покое. Произвести залужение и посев вокруг озера многолетних трав, не применяя в двухкилометровой зоне ядохимикатов и минеральных удобрений. Необходимо также убрать от основной лесопосадки загон, в котором в летне-осенние периоды содержится крупный рогатый скот, наносящий вред не только озеру, но и будущему сосновому бору. А руководство и население должны относиться к Лебязью как настоящие, заботливые хозяева. И еще. В районе — богатые охотничьи угодья, и мне кажется, что охоту на этом озере необходимо запретить, тем более, что там обитает большое количество пеликанов и лебеди — ведь не случайно озеро названо Лебязье.

За последние годы облисполкомом много водоемов закреплено, а точнее — отдано в распоряжение предприятий и хозяйств. Не формально, а для использования, разведения и добычи рыбы. В каждом селе, на каждом предприятии найдутся пенсионеры, способные и снастей навязать, и лодок надевать, как в старину, и организовать рыбное хозяйство. А идею переноса многолетних трав к озерам пора внедрять повсюду. Ведь это не только поможет улучшить естественный ландшафт берегов, но и удалит от водоемов различные химикаты, а значит, спасет наши озера от окончательной гибели.

1990 г.

ИЗБЕЖАТЬ ЗАМОРА РЫБЫ

Март-апрель — опасное время для рыбы в наших обмелевших водоемах. Особая угроза замора от недостатка кислорода нависла над старицами. В прошлое лето Ишим не пополнял их водой, и они, как никогда до этого, обмелели и заросли травой. Что делать? Специалисты говорят: там, где есть возможность, следует обеспечить дополнительную подкачку свежей воды, поднять

уровень озер, а там, где нет такой возможности, организовать аэрацию всеми возможными средствами, для чего использовать спецаэраторы, портативные насосы, ледобуры, простую пешню. Пример подают жители села Архангелки. Они ежегодно в это время внимательно следят за возникновением замора и, включаясь в спасательные работы, одновременно ведут бойкую добычу рыбы для себя. Не пропустить же добру, да еще в наше полуголодное время! А рыба, оказавшаяся в кислородном кризисе, сама стремится к воздуху. Дело несложное: люди долбят майны, проруби, используется простая оснастка — сак или обруч с кадушки с натянутой на него сеткой или "паук". Выгода двойная — и люди с добычей, и в освеженной кислородом воде сохраняется оставшаяся рыба.

В эти дни в крайне опасном состоянии замора находятся Бабаши, Кендекты, Юрзовое, Половинное, Гайдуково, Глубокое, Кировское, Яллы, Перерезное, Конево, Соленое, Забочное, Екатериновское, Грачи, Налобинское. Кстати, Кендыкты, Юртовое, Половинное и другие водоемы, по свидетельству рыбинспекторов, серьезно пострадали по прямой вине нашего рыбозавода. Это он провел там подледный лов рыбы неводом, что категорически запрещено. Он и должен теперь предотвратить нависшую угрозу гибели рыбных запасов в этих озерах.

Речь идет пока что о водоемах, в которых выращены ценные породы рыб — карп, пелядь, а сколько так называемых "рядовых" озер и стариц, где водятся лещ, щука, окунь! Надо проявить расторопность, обеспечить себя рыбой и спасти остальную.

ЗАБОТА О РОДНОМ КРАЕ

*Посмотри в воду на
свою природу.*

В многочисленных откликах на статью старшего госрыбинспектора А. Харитонов "Чтобы водоемы стали богаче" нашла отражение тревога североказахстанцев за судьбу водоемов нашей области и рыбных запасов в них.

Мне вспомнился разговор с одним из старожилых села Налобино. Сидели мы с ним на берегу одноименного с селом озера, которое еще десяток лет назад славилось изобилием рыбы не только в Соколовском районе, но и далеко за его пределами. Михайлыч, мой старый знакомый, сетовал на то, что водоем, которым не без основания гордились налобинцы, без хозяйского догляда постепенно мелеет, а рыбные запасы в нем иссякают. Хотя хозяин у озера вроде бы есть: постановлением облисполкома оно закреплено за Петропавловским рыбозаводом.

По словам старика, хозяин-то оказался никудышный, заботится лишь об одном — вычерпывает рыбу неводами. А тех, кто всю жизнь проводит на берегах озера — совхозных механизаторов и животноводов, — и близко к воде не подпускает. Как-то поставил сети один многосемейный механизатор. Попало в них шесть карасишек. И случился тут рыбинспектор. Тридцать рубликов заплатил незадачливый рыбак за свой улов, из которого он для своей семьи и ухи сварить не смог бы. С тех пор никто из налобинцев на озеро ни ногой. А оно мелеет и хиреет, да и рыбки в нем осталось не густо...

Как не хиреть, если о пополнении водных ресурсов никто не заботится (как это делали налобинцы раньше). Талые воды весной в него тоже не поступают — берега опуханы вплоть до камыша. Если случится замор, никто из земляков Михайлыча ни пешню, ни лом в руки не возьмет, чтобы пробить проруби для аэрации воды. Побережье захламлено. А рыбозавод о водоеме, раз в нем сократились уловы, и думать забыл!

— Получается, — с грустью говорил Михайлыч, — живем мы, как прежде, на берегу озера, а оно нам стало чужое — рыбозаводское. Мы же деревенские, совхозные. Выходит, об озере и рыбе позаботиться некому...

Может, старый налобинец не во всем прав. Но прозвучавшая в его словах озабоченность об охране природы родного края является продолжением разговора на эту тему, начатого на страницах газеты.

В опубликованных в "Ленинском знамени" откликах читателей — немало различных предложений. На мой взгляд, не все они рациональны. К примеру, кое-кто высказывал мысль мобилизовать чуть ли не всех рыболовов- спортсме-

нов и членов Общества охотников и рыболовов с мотыгами и лопатами на очистку и углубление водоемов. Правда, некто Бруев рекомендовал для этого использовать трапы с применением лебедок и ковшей на тракторной тяге. Однако такой способ годится лишь для малых водоемов. На больших же, таких, как Малый и Большой Тарангул, Широкое, Никульское, он не пригоден. Да и очистка и углубление водоемов не принесет желаемых результатов, если постоянно не заботиться о пополнении водных ресурсов. В этом отношении пожелания Я. Лобача оказались куда рациональней. По его предложению, механизаторы хозяйств и члены Общества охотников и рыболовов в Пресновском районе для накопления в озерах воды уже нынешней зимой провели снегозадержание на многих водоемах и по их берегам. Успешно проведена эта работа и на озерах, имеющих на территории Мамлютского племзавода.

Здесь уместно напомнить, что наступило время для подготовки к пропуску весенних талых вод в водоемы. Уже сейчас надо побеспокоиться об очистке канав и других водостоков. Вот здесь-то и не следует пренебрегать помощью рыболовов-любителей, а сельские Советы могут привлечь для выполнения этой важной работы жителей сел и деревень. Тут и лом, и лопата могут пригодиться. Если это организовать как следует, уровень воды в водоемах можно значительно поднять без больших материальных затрат. В первые годы Советской власти сельские жители проводили такие работы вручную, а теперь для мелиорации есть достаточно техники.

Проблему сохранности наших водоемов и умножения рыбных запасов в них надо решать комплексно, как это делается у наших соседей-тюменцев. Прежде всего должен быть составлен на научной основе конкретный план действий, где и какие работы следует проводить, определить организации или хозяйства, отвечающие за сроки их исполнения. Не помешает такой конкретный план каждому крупному водоему, имеющему народнохозяйственное значение. На мой взгляд, Большой и Малый Тарангул, озеро Широкое можно пополнить водой реки Ишим, Черепково, Воровское и Пеньково — за счет производственного бассейна Петропавловской теплоцентрали озера Большое

Белое. Ведь все равно ТЭЦ-2 ежегодно часть использованной воды сбрасывает в Ишим. А ее можно было бы по каналам, сооружение которых не потребует больших затрат, пропускать в указанные озера. Когда уровень воды поднимется, они могут стать базой для разведения и выращивания рыбы.

Вполне разделяю мнение председателя Соколовского райпотребсоюза В. Г. Чумака о создании водоохранных лесных полос вокруг водоемов. Как же решается этот вопрос в нашей области? Да почти никак. Недавно поинтересовался я в областном управлении лесного хозяйства, каковы планы создания водоохранных лесополос. Мне ответили, что управление охотно взялось бы за это важное и нужное дело, тем более, что для этого есть все возможности — наличие саженцев, лесопосадочной техники и хорошо подготовленных кадров. Но чтобы закладывать такие лесополосы, нужно решение директивных органов. А его-то как раз нет.

Польза же таких лесополос неоспорима. Как указывает академик ВАСХНИЛ В. Виноградов, они "способствуют увеличению численности зверей, птиц, очищают воздух от пыли и обогащают его кислородом, улучшают химические и бактериологические качества поверхности вод, создают для людей лучшие условия в местах отдыха". Заложив такие зеленые водоохранные полосы поперек прибрежных склонов водоемов и господствующих ветров, мы сделали бы шаг по сохранению озер, дополнительно украсили бы отдельные уголки природы нашего края.

С. НАЛОБИНО.
1983 г.

ПЕРВАЯ ОХОТА

Все началось с маминого укора. Хорошо помню, год был 1925, одно из воскресений августа, ребятня нашего хутора шумно сражалась в лапту. Я же, зарывшись в запашистую свеженакошенную траву на рыдванке, забыв все на свете, увлеченно дочитывал "Капитанскую дочку" А. С. Пушкина, ког-

да ко мне подошла мама. Она погладила меня по голове и заговорила:

— Гляжу на тебя, сынок, и все думаю: отстаешь ты с этими книжками от своих ровесников. Вон Саня-то Вележанский какой стал — мужик мужиком. По воскресеньям, чуть свет, на охоте. Только что по улице прошел и как есть весь увешан утками. Да такой важный! Папиросой дымит. Люди, конечно, завидуют... А ведь он твой годьша. В одной купели вас окрестили. И чего ты в грамоту вдарился... Даже пахать едешь — книжку с собой. Как же ты, сынок, ухитришься: ходить за плугом и читать?

— Да нет, мама. За плугом хожу без книги, а когда кони пасутся да сил набираются — я тут и супец себе варю, отдыхаю и книжицу почитываю.

В калитке появился отец:

— О чем сходка?

— Да вот, старшой-то наш помешался на книжках. Никуда не ходит, от своих ровесников отстает.

— А по-моему, наоборот. Чем больше читает, тем больше ума набирает, — сказал отец.

— Да ты по воскресеньям-то на охоту его спровадил бы. Польза для семьи была бы. Вон Санька Вележанский, небось, обкормил семью-то дичатиной. А мы без мяса.

— А что, и верно. Бери "японку" да на Моховушку. Там лысух уйма. Сами на мушку лезут. Берданка-то тяжелая, так ты ее на рогатину — и пали с берега прямой наводкой.

"Японкой" мы называли японскую винтовку с расточенным под двадцатый калибр стволом.

Не знаю, кто — или белые, или красные — был вооружен ими, но после гражданской войны такой винтовкой нетрудно было завладеть и сделать из нее берданку.

Тяжелая она была для моего возраста. Поэтому отец правильно подсказал прихватить рогатину.

Всю неделю я, выкраивая время, вел подготовку к воскресенью. Из куска свинца на сковородке накатал дробь. Под наблюдением отца строго по меркам зарядил двенадцать патронов — два из них в огороде выпалил в цель. Получилось неплохо.

К поясу приторочил шесть петелек из шпагата для подвески добычи. И мысленно вообразил — иду по улице у всех хуторян на виду увешан лысухами и все поражены моим успехом.

В субботу вечером я встретился с Санькой. Рассказал ему о своих планах. Тот сначала расхохотался — дескать, твоей японской фузеей старух пугать, а не дичатину добывать.

— Я, к примеру, — сказал он, — своей двенадцатикалибровой "тулкой" не всегда могу даже несчастного курупата поразить. Его надо бить против пера, иначе сожмется в кулак — дробь рикошетом в распыл, а он хоть бы хны. В охоте, брат, навык и сноровка потребны.

Вообще, как мог, с шуточками да прибауточками просветил меня. А вот с собой на охоту, на что я рассчитывал, не позвал. Я понял — мешать бы стал, а поэтому не обиделся. К тому же, не имея опыта, немудрено оказаться осмеянным. А Саша любит похихикать над любой неудачей. Нет, смех его не злобен, простецкий, веселый и даже добрый, но все равно, лучше быть подальше от его шуток. Вот освоюсь, приобрету навык и сноровку, а тогда вместе поохотимся.

Ночь прошла в томительной дреме. Не спалось — мешала забота, не проспять бы зорьку. Мешал и непрерывный конский хруст да фыркание Гнедка у рыдванки, в которой, зарывшись в траву, я коротал эту ночь.

Гнедко ночевал не в табуне, а дома, потому что мама собиралась утром в город продавать овощи.

За село выехали вместе.

— Ты уж, сынок, не застрели себя-то. Поосторожничай, — сказала она.

— Да что я, маленький? — сказал я и, скользя лощеными подошвами сапог, напрямик зашагал по ковыльному полю, поглядывая на розовеющий восток, к заветной Моховушке.

Первыми меня встретили чибисы. Ох уж эти обманщики! Знаю их. Во время гнездования обведут тебя вокруг пальца так, что гнезда их никак не найдешь. Разве только случайно наткнешься на три-четыре сереньких, конопатеньких яичка в незатейливой ямочке супесчаника.

Взобравшись на березу, я сразу же был очарован большим количеством дичи! У нее был завтрак. Старательнее всех действовали лысухи. Именно они на этом маленьком плесе чувствовали себя полными хозяевами.

Отыскав удобную позицию, я, затаив дыхание, метров

двести по-пластунски полз к ней, волоча с собой "японку" и рогатину. Обосновался лучше некуда. Лысухи на выгодном расстоянии то и дело появляются в моем поле обстрела, но я не спешу. Хочется послушать птичий гомон, отдышаться, успокоить нахлынувшее волнение, а главное, как наказывал Санька, — поймать на мушку лысину. Пробую, но трясутся руки, да и лысины не висят на месте — мелькнет иная, да тут же и исчезнет. А тут еще рогатину слабо воткнул — накренилась, а когда стал поправлять ее, дичь меня заметила — и началась паническая шлепотня лысух, а утки да чирки вспорхнули и улетели. Потом долго я любовался на пустое плесо и слушал обиды лысух — "тив, тив," — за то, что помешал им закончить аппетитный завтрак.

Но голод не тетка. Лысухи, особенно молодые, то и дело выплывают на плесо, а я схватываю на мушку их лысины и палю. Но палю и палю, а добычи нет и нет. Заряды словно без дробин — пустые, да и те как-то быстро кончились.

Я был в отчаянии. Вскочил, не подумав, заорал, отчего вся Моховушка взбудоражилась, заплескалась и тут же замерла.

Я с ненавистью отбросил чужеземную берданку, бессиленно упал в траву и по-детски заплакал.

Домой поплелся по лесам — подальше от глаз людских, а во двор проник с задов. Никем не замеченный, снова зарылся в траву и крепко уснул.

Проснулся от семейного гомона. С базара приехала мама. Ее встретили братишки с отцом. И я присоединился. И странно: никто меня не спросил об охоте. Как будто это была не явь, а сон, о котором вспоминать нет никакой охоты.

Распрягли Гнедка, вошли в избу. Мама, видать, довольная своей торговлей, выкладывает на стол покупки.

— И еще вот покупочка, — сказала она и вынула две стопки по десять пачек папирос "Дубинушка" — да-да. В те годы продавались дешевенькие папиросы с таким названием. — Вот это тебе, отец, десять пачек. А это тебе, старшой, наш охотничек.

Я застыдился, убежал и дотемна не возвращался домой.

А утром за завтраком отец улыбнулся и сказал:

— Чего загоревал-то? И я в первую охоту, помню, с пустыми руками домой пришел. Но хотя бы одну лысуху-то мог бы!

— Да, — возразил я, — попробуй в лысину-то попасть.

— Чего-чего? Почему в лысину?

— Санька мне сказал, что лысух только в лысину стреляют.

Отец засмеялся:

— Да ты что, бестолковый, что ли? Как ты поверил этому зубоскалу? Да ты хоть никому об этом! Засмеют. Врать нехорошо, но Саньке для пользы скажи, что шесть лысух подвалил. И всех в лысину. Пусть покосоротится, шалопай! Ты одно пойми: птицу на плаву надо, через прорез на мушку садить, а ты? Ты же поверху стрелял на целую четверть. Ветерком обдувал лысух-то. Ай да чучело гороховое!.. Ну ничего, первая охота — первый блин комом.

Врать я Саньке не стал о добыче, а когда он спросил, как я поохотился и сколько лысух насшибал, ответил:

— Я же не спрашиваю тебя, по сколько ты сшибаешь.

Отвернулся, впервые в жизни запалил "Дубинушку" и решительно ушел.

ПРИИШИМСКИЕ СОЛОВЬИ

Двадцать пять лет прошло, как в пойме Ишима на бросовых землях мы получили наделы под садовые участки. Земля оказалась суглинистая, заиленная чуть ли не ежегодными паводками. Агроспециалисты дали ей название "кисло-тяжелая". К тому же пришлось заниматься выкорчевыванием кустов, копать и разбивать колдобины вручную.

В копеечку обходилась перевозка перегноя, торфа, опилок, земли, песка, чтобы улучшить структуру почвы.

Прошли годы, и вот там, где вокруг старицы под названием Калачик беспрепятственно гуляли пыльные степные ветры, поднялись фруктовые деревья, кусты смородины, малины, вишни, крыжовника. А для защиты садов от ветра вдоль берега Калачика были высажены березы, луговые тополя, юрга, яблоньки, которые всегда радуют взо-

ры людей своей буйной белой кипенью, а плодами кормятся птицы всю зиму.

Ничего от прошлой запущенности не осталось. Изменился микроклимат: воздух стал свеж и чист. Много стало пчел, разноцветных бабочек, а как увеличилось число пернатых! Особенно певчих птиц. Появились белая трясогузка, жуланы, каменка-плясунья, садовая овсянка. Но самое важное — теперь на радость всем садоводам каждое лето у нас поют разноголосые соловьи. Здесь они гнездятся и размножаются. Разве это не чудо — у нас на севере соловьи! А как они поют, особенно утром, на восходе солнца!

Прошлым летом, срезая нижние ветки дички, я тут же, под деревом, в траве, увидел незамысловатое гнездышко, а в нем — двух темно-сереньких птенцов. От страха вытянули шейки, прижались к земле, и сколько я ни смотрел на них — не пошевелились. А когда стал медленно удаляться, заметил: над моей головой на ветке дерева, притаившись, сидели такой же воробыиной окраски птички — несомненно, их родители.

На другой день птенцов в гнезде уже не было. Думаю, что весной и они придут к нам, и несомненно, огласят наши дачи своими волшебными, полными свежести и радости напевами.

В САДУ ПОЛУКАРОВА

Петра Дмитриевича Полукарова я впервые встретил во Дворце энергетиков на совещании садоводов города. Он обратил на себя внимание принципиальным, я бы сказал, гневным выступлением о формализме руководства городского добровольного общества садоводов.

— Никакой агрономической помощи садоводы не получают, — говорил он, — мы варимся в собственном соку: один что-то выращивает полезное, а другой сорняки плодит. И никого это не беспокоит. Спрашивается: почему руководство городского общества садоводов на это не обращает внимания?

Лет семь прошло с тех пор, как в газете "Правда" была

области славился как отличный пловец, альпинист, планерист, парашютист. Играл в теннис, волейбол. Страстно любил обширные просторы нашего Приишимья. Среди молодежи города порядочностью, общительностью, интеллектом вызывал всеобщее уважение.

Его богатая биография насыщена множеством романтических эпизодов. Ранние годы жизни связаны дружбой с известным писателем Леонидом Макеевым. В детстве и юности были неразлучны. Жили они в городском районе Зайсан.

— Зайсановская и слободская молодежь, — вспоминает Григорий Петрович, — вечно почему-то враждовали. Стенка на стенку ходили, жестоко избивали друг друга, но мы с Леонидом увлекались спортом и книгами, особенно приключенческими романами, это и отвлекало нас от драчек и бесполезного времяпрепровождения.

Дружба их до сих пор продолжается. Макеев, приезжая в Петропавловск, непременно бывает у Пакутиных. Не прерывается переписка.

Большое хобби Григория Петровича — фотография. С юных лет он не расставался с фотоаппаратом и, как ни странно (не профессионал же!), в пятидесятые годы первым в нашем городе освоил цветное фотографирование. Сотни снимков! Вот он карабкается по боровским скалам, вот готовится к очередному взлету на планере "Осоавиахим", вот среди пловцов. Но больше всего фотографий, на которых он запечатлен рыбаком — то на лодке, то по грудь в воде, то на льду у лунки — и всегда с завидным уловом. Любил фотографировать детей. Вот снимок: стоит у тесового забора шестилетняя внучка Елена, а рядом подвешена пудовая щука ростом с девушку.

— Не помню, — говорит он, — случая, чтобы в свободное от работы время я сидел сложа руки. В выходные дни — рыбалка, охота. Ведь это — тоже спорт, а следовательно — здоровье, продление жизни.

Физическая закалка в молодости пригодилась ему в годы Отечественной войны при защите Ленинграда. Воевал вместе с земляками в составе 314-й дивизии в должности начальника артразведки. Домой вернулся из Германии в 1946 году капитаном и инвалидом второй группы (дважды был ранен и дважды контужен) и кавалером трех орденов.

И снова — мирный труд в родном Приишимье. До ухода на пенсию, несмотря на ранения, как и прежде, работал по своей специальности — топографом, возглавлял отдел инженерных изысканий Проектного филиала института "Казгражданпроект". Пожалуй, в нашей области нет такого совхоза, в котором бы он не побывал и где бы не строил что-либо.

Летом не искал места в совхозной гостинице, а ночевал под открытым небом у костра, ужинал ущицей из свежего улова. — Это была моя стихия, — вспоминает он.

Рассматривая груды его фотоснимков, невольно приходишь к заключению, что Григорий Пакутин — настоящий сын природы. Для него, пожалуй, ничего нет дороже леса, реки, озера. Ныне он опечален:

— Я вижу и скорблю об ускоряющемся исчезновении тех щедрых богатств и красоты нашего края, о которых прекрасно помню, — говорит он.

— А кто виноват?

— Мы, люди. Почему исчезли голубые вязели вокруг горных озер и желто-светлые, с ароматным запахом вязели в поймах Ишима? Да потому, что в погоне за гектарами поднятой целины бездумно, безграмотно запахали эти прекрасные растения. Или такой факт. Внедрили химические удобрения, а людей не научили, как их правильно применять. Вот и потравили животных. В лесах нет теперь певчих птиц, тетеревы, рябчиков, куропаток. Не стало заячьих троп. Почему, спрашивается, в Германии, с густым населением, где химических удобрений применяется больше, ничего в природе не изменилось: в озерах — полно рыбы, в лесах — коз, зайцев... Да потому, что люди ко всему относятся осторожно, по-хозяйски и по-научному.

Подумав, Григорий Петрович продолжил свою мысль:

— И все же в наших многочисленных озерах, старицах и в Ишиме рыбы предостаточно, чтобы в столь тяжелое время обеспечить население этим продуктом. Надо только не лениться брать дары природы. У меня из снастей, кроме удочек, ничего не было, но все годы зимой и летом моя семья была с рыбой. Не использовать два выходных в неделю, чтобы наудить себе рыбки, затратив на это 2—3 часа, в моем сознании как-то не укладывается.

И еще советует Григорий Петрович не прозевать нача-

ло зимних заморов в старицах. Использовать их с пользой и для себя, и для "отдыхавшейся" у прорубей рыбы. Ведь были времена, когда в дни замора люди "решетили" прорубями озера, сачками начерпывали короба рыбы, и такой способ аэрации спасал остальную рыбу. Жизнь продолжалась.

Да что и говорить, удивительный человек Григорий Петрович Пакутин. Достаточно один раз побеседовать с ним, чтобы по-новому понять всю красоту и богатство нашего Приишимья, его людей.

1991 г.

ХИТРЫЙ ЧИБИС

Мы часто пишем о лебедях, журавлях, а вот о таких мелких птицах, как чибис, умалчиваем, дескать, малопродуктивный кулик. Но можем ли мы относить лебедей и журавлей к продуктивным, если уничтожение тех и других испокон веков приравнивается к убийству человека?! Дело подсудное. А вот чибиса застрелить — пара пустяков. Он хотя и хитер, но подпускает близко и за него — никакой ответственности. Вот и получается, чибиса, хотя он и совсем непродуктивный, настала пора заносить в Красную книгу! А сколько его было на наших озерах!

Прошлым летом мы с внуком решили совершить круиз по моим родным местам. До Новопавловки — троллейбусом, а от нее — пешком, до родного моему сердцу села Пеньково. И не по дороге, а вдоль берегов двух озер Кешкебиш, по травке, опьяняющей ароматом весны. Мне очень хотелось показать внуку места, где прошла моя юность, рассказать о птицах, которые здесь каждое лето находят приют, выводят потомство, а придет осень, снова — в далекие теплые края — в южные районы Европы, Малую Азию, на берега Каспия, Нила, в Ирак, Иран и даже в Африку.

Казалось бы, почему им в тех благодатных краях не оставаться на лето? Ведь климатические условия благоприятны, в кормах недостатка нет. Уму непостижимо —

непреодолимый, могучий зов влечет перелетных скитальцев каждой весной на Север, сюда, на наши болота, озера, в кустарниковые заросли и березовые рощи; здесь они совершают великое таинство размножения, вскармливают потомство, учат летать, с высоты видеть и запоминать родное место, чтобы будущей весной вернуться сюда же.

Характерно, что одни журавли, лебеди, гуси, утки — летят правильным строем, с вожаком впереди, а другие — их большинство — не признают дисциплины, прилетают в одиночку; одни — днем, другие — ночью. Несомненно, огромное их количество гибнет в пути от непогоды, разбивается о телеграфные столбы, высоковольтные провода, на остановках становятся жертвами хищников. И очень часто попадают под выстрелы вездесущих охотников. Но ничего не может остановить пернатых. Вперед! Только вперед! К далекой любимой родине своих предков несут уцелевших неслабеющие крылья. Многие тысячи километров птички-невелички, весящие меньше двадцати (некоторые — чуток больше) граммов, в том числе и чибисы, безошибочно находят свои места и радостно оглашают их своим пением, оживляют своей красотой отдремавший за зиму наш благоговейный край.

Обо всем этом я и рассказывал внуку, когда мы шли между двух озер.

— Ты, дед, обещал показать мне хитрых чибисов. Где же они? — спросил внук.

— Да, они нам все еще не попадались. На воде, где-то в камышах, стоял гомон чаек, тивкание лысух, на тенистых бережках, словно разноцветные пушинки, метались и старательно добывали невесть какую-то пищу кулики, а вот чибисов не было. Однако позже, в конце пути, все же встретили две пары, которые, увидев нас, сразу же пошли на обман. Они очень убедительно имитируют свою тревогу за сохранность своего гнезда, в котором по времени уже должен быть выводок. Самка сидит, а хохлатый самец на своих широких тупых крыльях, словно самолет-истребитель, совершает головокружительные крутые подъемы и спуски.

— Деда, там гнездо, я посмотрю, — крикнул внук, а сам побежал к чибисам.

Долго я любовался знакомой с детства картиной: чибис-

сы, оглашая дол своим "чьи-вы, чьи-вы", все дальше и дальше перемещались, а внук все верил им, пока не убедился в хитроумном обмане.

— Вот, — говорю ему, — и вся хитрость чибисов.

Недалеко бродил табун дойных коров из совхоза "Рощинский". Пастуха я знаю давно — это Петр Кельбух, кавалер ордена Славы, спрашиваю его:

— Куда делись чибисы?

— Скоро не только их, но и куличков не будет, — сказал он. — Дачники с того берега, в основном молодежь, стреляют в кого попало — в чаек, гагар, авдошек — не для мяса, конечно, я для забавы истребляют все живое! Боюсь, по моему табуну начнут палить, а у меня, кроме кнута, ничего нет.

Прояснилась еще одна причина исчезновения чибиса — случайно выпавший поздней весной снежок. Покроет он землю пусть ненадолго, и на белом фоне, даже с приличного расстояния, легко просматриваются самки в гнездах. Как бы они ни прижимались, как бы самец ни старался отвлечь человека, ничего не получится!

В прошлом родители запрещали нам даже показываться в таких местах гнездования. Говорили, что птицы летят к нам такую даль, чтобы детей иметь, свое потомство сохранить. Как они вернуться одни без детей? Так рассуждали малограмотные, а то и совсем неграмотные родители.

Так что, хитри-не хитри, чибис, а жить тебе остается н е д о л г о... Потомство наше будет любоваться тобой — хохлатиком — только в Красной книге, если успеют записать тебя в нее.

ВОЛЧЬЯ МЕСТЬ

Весна 1921 года. Мы напрягали все свои силы, чтобы завершить сев. Трудились от зари до зари, всей артелью, дружно, с воодушевлением, весело. Мужиков было достаточно, чтобы плугарить сменами. Да и мы, подростки-борноволоки, работали поочередно. Не менялись только бедняги-лошади, их было мало, да и те из-под казачьих седел — им бы аллюром да в атаку, а

не плуги волочить. Объединились в артель, в основном, однолошадники. И как все-таки хотелось всем поскорее выбраться из проклятой нужды!

Исходя из среднего урожая, мужики пытались заглянуть в будущее, строили планы — заменить ручной труд механизацией, приобрести лобогрейки или сноповязалки и конные грабли, телеги переставить с деревянного на железный ход.

Но вот дед Тимошарушка слушал-слушал про все эти желания и намерения и однажды за ужином возьми да и скажи:

— На словах у вас, ребятушки, как на гусях, а на деле получается, как на балалайке. Языки ваши мелют, а головы не ведают о том, что урожаю нонче не будет!

Мужики остолбенели:

— Ты че, Тимошарушка, белены объелся?

— Каки таки у тебя приметы?

— Есть приметы — ответил Тимошарушка. — Заяц исчез... Значит, волчье нашествие происходит, а это не к добру.

— Ох и предсказатель! Астролог нашелся! — возмутился Данила Ушаков — инициатор организации первой в Новопавловской станице артели по совместной обработке земли.

Понять Данилу, да и всех остальных артельщиков было нетрудно. Кому приятно в радостное время успешного окончания сева выслушивать Тимошарушку с его мрачными предсказаниями!

— Подумаешь, волки, — не успокаивался Данила. — Ну появились, ну опасность создали, а дальше?

— А дальше, — сказал Тимошарушка, — к несчастью это.

Посыпались шутейные упреки:

— Ты, Тимошарушка, весь аппетит нам перебил. Даже мятая картошка поперек горла заклинила.

— Бояться несчастья — и счастья не видать.

Дед Тимошарушка не сдавался:

— И ишо приметы: красные всходы и закаты солнышка. За все дни сева не токомо дождичка — тучки на небе не появлялось.

— И это все?

— Нет не все. Вглядитесь под ноги свои — сколько майских жуков? Пропась, а это к прямой засухе!.. Есть и другие приметы, да про все не расскажешь.

— А все-таки?

— “А все-таки!” По разным приметам лесной живности, по камышам, которые приуныли, а ишо душа подсказывает... В жизни-то моей бывали такие тяготы. Вот и сравниваю.

В те годы Ушаковские займища считались местом глухим. Единственная дорога туда была всегда заросшей, петляла, минуя березовые колки, болотные раkitники, и знали ее только хозяева своих угодий.

Ушаковскими пашнями заканчивались земельные владения новопавловских казаков Горькой линии. Дальше к северу начинались земли Большемалышинских “челдонов”, на востоке — новоникольских “кацапов”. Четких границ не было, только условные. Земельных угодий в те времена всем хватало вдосталь и поэтому каких-либо земельных споров не существовало. В разговорах упоминался генеральный план третьего полка Сибирского линейного войска, но казаки, да и все хлеборобы сибирских сел отродясь его не видывали. Каждый знал выделенную ему землю — и этого было достаточно. А уж какая была душевная любовь людей к своим угодиям! Бывало, от мала до велика, семьями, без устали, от зари до зари, с раннего детства до самой старости копошились люди на родной земле.

Вот и Тимошарушка, как он рассказывал нам, сызмальства жил в этой родной ему глухомани. Хорошо знал фауну своего озера Софонково, окружающих лесов и болот, повадки их обитателей, по поведению которых угадывал перемену погоды и даже предсказывал, каким быть лету.

Людям всегда неприятно слушать мрачные прогнозы. Мужики, положившие в землю зерна, обрели надежду, а тут тебе Тимошарушка...

Мой крестный Иван Ушаков был страстный охотник. Всякий свободный час он, схватив свою “тулку”, исчезал в лесах и там, расстреливая глухомань, “грохотал”. А потом довольный возвращался, увешанный зайцами. В те годы его удачам никто не удивлялся, зайца было так много, что сельчане в двадцатом году через газету “Смычка” обрати-

лись к охотникам города с призывом помочь отстрелом поубавить численность этого губителя урожаев, который не столько съедал, сколько пакостил — путал и притаптывал хлеба. И вот настал момент, когда крестный возвратился с охоты без добычи. Исчез заяц!

— Голод грядет, голод! — брюзжал Тимошарушка.

Оно и видно было. Посевы даже признаков всхожести не давали. Травка выскочила, да не долго радовала — сникла. А солнце от восхода и до захода палило нещадно. На небе ни днем, ни ночью — ни единого облачка. Роями носилась жадная саранча, уничтожая даже те растения, которые прятались от зноя в тени березовых колков.

Видя неотвратимую беду, мужики поспешили уехать в станицу. Настало время, когда говорят: “Спасайся, кто как может”. Нас с Васей-беженцем (он приехал в наш край из голодной, охваченной войной, Белоруссии) и дедом Тимошарушкой оставили до осени пасти телят и овец. Оставили с нами тощего Чалку с голой репицей и овчарку, которую звали Грунькой.

Мы с Васей пасли, а Тимошарушка руководил нами и готовил незатейливую еду из прошлогодней картошки — то в мундирах, то толчонку. А ночью нес охрану загона.

Больше всего мы опасались волков. Их душераздирающие ночные возвывания чуть ли не со всех сторон оглашали софонковскую глухомань. В начале они доносились издалека, с чужих “залесных” займищ и нас это в какой-то степени успокаивало. Но вскоре один из “хоров” переместился в соседний раkitник.

Ночь была настолько тревожна, что мы с Васей от страха забились на нарах под тулуп и долго не спали, а Тимошарушка, словно шаман, метался возле загона — развел костер и то и дело бил шкворнем о кусок подвешенной рельсы. Неистово лаяла Грунька, пока волки не перестали выть.

Утром Тимошарушка сказал:

— Худо ребятушки. С голодухи возгудают. Беда над нами. Но волков бояться, так и в лес не ходить. И все же табунок-то придерживайте подальше от леса. Будем надеяться на Гриньку. Она сама вон какая, похожая на волка. Ну, а я сегодня же загон-то лозами да березами хотя бы вразбежку задергаю. Не приведи Господь, ворвутся

кровопивцы в загородь — посекут всю нашу живность.

Но дни шли, а нападений ни на выпасе, ни в загоне не было. Выть же, причем всегда, в одно и тоже время, не переставали. Первой непременно начинала старая волчица, а за ней — вся свора.

— Была бы берданка — пальнуть бы в них, — сказал Тимошарушка и печально добавил:

— Скоро и мы с вами завоем. В сундуке одна корочка осталась. Кончаем картошку, Грунька голодает, а про нас словно забыли.

На следующий день мы с Васей впервые увидели волков, их было два, сначала их, правда, заметили животные. Заволновались, быстро сгрудились в кучу, а бараны (ну прямо "по-гусарски"), словно по команде, выдвинулись вперед, направив свои рога в сторону неприятеля. Вася, сидя в седле, поднял неистовый крик, а я, выплеснув воду из солдатского котелка, палкой забарабанил по нему и тоже закричал. Волки шли гуськом на расстоянии ста саженей от нас, но (ох и хитрецы) сделали вид, будто нас не видят и не слышат. Удивила нас Грунька. Она ни разу не тявкнула, а в страхе прижалась к моим ногам и скулила. Мы, затаив дыхание, смотрели на привидениями уходящих в лесные дебри зверей.

После того, как сообщили об этом Тимошарушке, он сказал:

— Прицеливаются, стервецы! Нет, от волчьей стаи нам не спастись. Давайте мне Чалку — утром поеду за мужиками. Пусть кумекают и предпринимают экстренную меру.

Утром он уехал, а к обеду вернулся вместе с моим отцом и Антоном Поповым, вооруженными берданками.

Их приезд для нас был большой радостью. Нам привезли провизии, теплых еще морковных шанежек, по куску сахара. Но самой большой радостью для меня было, что Васек, жеребенок нашей Карюхи, на которой приехал отец, не забыл меня. При встрече кинулся ко мне, задрал голову и, как всегда, вытянув шею, на которой висело ботало, поднял голову — на, мол, чеши, да хорошенько. Я чешу, а он от удовольствия вытянул верхнюю губу, и кажется, вот-вот заржет.

— Смотри. От радости он смеется! А зачем колокол? — спросил Вася.

— Это не колокол, а ботало, чтобы волков отпугивать, — сказал я.

Вася тоже принялся чесать и гладить жеребенка, любовно приговаривая:

— Тезка мой, тезка...

Обсудив с Тимошарушкой всевозможные варианты избавления от нежелательных гостей, решили: во время ночного "хора" нанести внезапный и сокрушительный залповый удар по волчьей своре.

Тимошарушка очень осторожно, с ветреной стороны, чтобы не оставлять людской запах, чутким на нюх волкам, подвел всех нас и показал то место, откуда каждую ночь исходит зловещий вой.

И как только потемнело, мужики с ружьями залегли в условном месте. Мы же, затаив дыхание, с нетерпением ждали, когда завоют волки.

Ждали долго, волки все молчали.

— Не придут, — шепотом сказал Тимошарушка, — значит, разгадали, стервецы!

Но тут всколыхнулась тишина и раздался знакомый, стократно проклятый вой волчицы: "У-у-у..." — который подхватили множество голосов.

Выстрелов не было, мы встревожились.

— Не хорохорьтесь! — цыкнул дед. Нельзя же сразу стрелять. Ориентир нужен. Выжидают.

— А может, они уже съедены? — сказал Вася.

Но в это время волчица взвыла и тут же, осветив тьму, раздался двойной выстрел, прервавший голос запевалы — у нее получилось не "у-у", а "ууух!" Волки в панике бежали — мы услышали треск сучьев в ракетах, затем невообразимый шум и приглушенные взвизги и в соседних лесах.

— Ага, навозгудались! — сказал довольный Тимошарушка.

Мы с Васей от радости прыгали и во весь голос кричали:

— Вот это да, вот это да!

Потом у костра начался оживленный разговор:

— Все, пастушки, — сказал дядя Антон. — Волчьей свадьбе конец. Сейчас темно, а утром посмотрим. Все же пальнули прямой наводкой туда, где голосили. Жертвы неминуемы.

— Все хорошо, — сказал Тимошарушка, — но не забывайте: волк — зверь хитродырый и злопамятный. Нахрапом его не возьмешь. Может остервенеть и мстить.

— Денька два побудем с вами, понаблюдаем и вас подменим. Так что отоспитесь. Отдохните.

Утром мужики никаких жертв не нашли. Табун взял на себя дядя Антон на своем коне. Нашему Чалке тоже перепал выходной. Его спутали и вместе с Карюхой пустили на вольный выпас.

Пока мы с Васей отсыпались, отец побывал на озере, набрал полную лодку мха и разбросал по берегу, а нам сказал:

— Если ваш табунок набросится, то на днях же организуем заготовку корма. Все же мох — это зелень, не то что прошлогодняя пожухлая трава, да и той уже нет. Вон как скотинка-то истощала.

— До первых холодов, а там — падеж, — подтвердил Тимошарушка.

В это время до нас донеслось визгливое ржание. Первой встревожилась и залаяла Грунька. Поднимая пыль столбом, к нам необычно большими взмахами скакала Карюха — одна, без жеребенка. Не переставая жалобно ржать, подскочила к отцу. Тот побледнел и поспешно снял с Карюхи путо, негромко сказал:

— Сожрали жеребенка-а, — он вскочил на Карюху и не успел взять поводья, как лошадь помчала его в соседний лес. Мы увидели на ее задних ляжках кровоточащие раны и помчались за отцом.

У самой кромки леса вразброс лежали обглоданные кости, копытца и ботало, ремешок которого тоже был объеден. Карюха низко склонила голову над останками своего любимого дитяти, тихо урывками ржала, из глаз ее текли слезинки.

Плакали и мы с Васей.

А вечером, пригнав табун, дядя Антон с раздражением сообщил нам о том, как в стадо ворвался серый, схватил за горло барана, ловко забросил себе на спину и умчался в лес.

— Я так и знал! — сказал Тимошарушка, — отомстят они нам за испуг-то, с лихвой отомстят. И никакого спасу от них не будет!

Нас с Васей в тот же день отправили домой. Пастухами были поочередно взрослые с оружием. И все-таки был случай, когда волки ночью дерзнули ворваться в загон и устроить там кровавую сечу. Пострадало несколько овец. После этого выпас был закончен.

ТИМОШАРУШКИНЫ РАССКАЗЫ

*Век пережить —
не поле переехать.*

Прошло семьдесят с лишним лет, а его рассказы о диких и домашних животных до сих пор остаются в моей памяти.

Нам с Васей было по десять лет. Васю называли беженцем потому, что он прибыл в наши края из голодающей Белоруссии. По его словам, родители умерли от голода, а он в поисках хлебных мест скитался на буферах вагонов. В нашем селе нищенствовал, пока бездетная семья Данилы Ушакова не приглубила его.

Бывало, чуть свет Тимошарушка поднимал нас, поил чаем, кормил картошкой, иногда пшенной кашей, давал по кусочку хлеба и, открыв загон, выпускал табун, который поступал в наше распоряжение.

Пасли мы скот на берегу озера Софонково. Лето оказалось невиданно засушливое, бездождливое. Поэтому травы, а затем и посевы, не успев набрать силы, еще в начале мая сникли от палящего солнца. Поля были серые, а в ветреную погоду пыльные. Скотина рвалась в зеленые кустарниковые заросли, в лес, но мы, опасаясь волков, не пускали ее туда.

Бывало, мы с Васей с нетерпением ждем конца истомного дня, чтобы вечером, за скудным ужином, слушать очередной рассказ Тимошарушки о животных.

Ах, с каким знанием и любовью он рассказывал нам о их приключениях!

— Всех животных, как и человека, сам Бог сотворил и к делу определил. Вот для чего он хищных, к примеру, собак и кошек к человеку приставил? А для того, чтобы они

нас защищали от всяких грызунов и воров-разбойников, для дружбы с человеком. Лошадей, коров, овец — для того, чтобы они помогали, кормили нас. Не будь животных, и нас не было бы, — утверждал он.

СОБАЧЬЯ ЛЮБОВЬ

— **А** дело было такое, — начал Тимошарушка. — Дарья Анохина увлеклась своим огуречником на заднем дворе, да так увлеклась, что забыла про своего голопузика Кольку, который под навесом от солнышка сидел в ящике на колесиках, выпиленных из березы. День то был тихий, теплый. Обложила она его тряпьем, всяких чурочек под нос ему — на, мол, играй, а сама ушла. Полет, поливает, песенку напевает: “Догорай, моя лучинушка, догорю и я с тобой”. А когда спохватилась, то было поздно. Колюшка словно испарился. Дарья, конечно, заметалась. Все закоулки осмотрела — Кольки нету! Бегаёт по улице, кричит: “Коленька-Коля”, — но тишь да гладь, божья благодать. А на улице — ни души: кто в поле, кто в огороде.

Подумала Дарья: уж не орел ли, как в сказках говорится, схватил Коленьку-то?

Стоит она у калитки и уливается слезами, а тут, к счастью, как будто бы сам Бог послал, священник с удочками с Ишима идет. Рассказала Дарья про свою беду, а он: покажи, дескать, где находился твой агнец.

Осмотрел батюшка тележку, двор и говорит:

— Сам он через подворотню уполз. Вон видишь: пыль-то приглажена, а вот и следик ножки.

Пошли они по еле заметному следу, а след-то и привел их к подворотне Семена Сорокина. Дарья как вспомнила, что у Сорокиных цепная собака Мальва — истый волк, так и онемела. Вся станица знала тогда ее. Детей стращали Мальвой. Ходили слухи, что сам хозяин — Семен — боялся ее. А все потому, что он, когда Мальва была еще щенком, дразнил да злил ее метелкой. Подметаёт двор, а сам Мальву-то — метелкой! Та, конечно, из кожи лезет — защищается, метелку рвет, визжит, неистово

лает, а Семенушке, дураку, — потеха. Дескать, злее будет. И еще — ни разу в жизни он ее не приглубил, не погладил и не отпускал на волю побегать да порезвиться. Когда все станичники едут на пашню, собак с собой берут. Вот уж на приволье-то они как резвятся! Всё этого Мальва была лишена с самого детства. Вот и возненавидела всех и даже своего хозяина.

Взглянул батюшка в щелку ворот и обомлел. Сидит Колька — грязнуший, как чертенок, а Мальва положила свою морду на его ножки и такая счастливая мирненько растянулась на соломке. А он ее ручонками шиплет и лепечет: “Коко-моко, моко-коко”.

— Вот он, — сказал батюшка. А когда распахнул калитку, то Мальва тут же, прикрыв собой Кольку, вздыбила шерсть, оскалив зубы, зарычала, а потом загрохала своим могучим лаем на всю станицу.

Дарья, как увидела свое чадо, завопила:

— Коленька, родненький, иди ко мне!

Но где там! Мальва — зверь крупный. Вся взъерошилась. Прикрыла Кольку и горой за него!

Из дому выбежала жена Семена Клавдия. Сразу поняла, в чем дело — кинулась к ребенку, а Мальва — горой! Зубами щелкает, набрасывается на всех — не отдам, дескать.

Побежала Клаша в дом, принесла краюху хлеба и, чтобы отвлечь Мальву от ребенка, бросила хлеб в сторону. Но собака, схватив краюху, подбросила ее Кольке — ешь, мол, дорогой. А тот, видно, проголодался, схватил — и давай уминать. Но у батюшки голова сработала — взял он стогometные деревянные вилы-трехрожки, поддел ими цепь и притянул Мальву к плетню, да так, что она от удущья лишилась голоса, а в это время Дарья схватила Кольку да бежать со двора.

— Вот такая история, — сказал Тимошарушка. — Но она не вся еще. Мальва с того дня сильно затосковала. Затосковала так, что хозяевам делалось не по себе. Часто стала выть. Воет, а в станице ропот пошел, дескать, к покойнику.

Что бы пожалеть, да посочувствовать Семену же — то палкой ее, то плетью. А она еще больше — и даже не воет, а как бы плачет. От еды отрекалась наотрез. Исхудала,

бока опали, светлорыжая шерсть как бы посинела. А пришло время — скончалась.

— Понять ее, конечно, нетрудно, — закончил Тимошарушка свой рассказ. — Ведь за всю свою жизнь единственный раз проявилась к ней радость, но и ту отняли.

БЕРТА

В один из вечеров дед Тимошарушка, чувствуя наше безграничное желание послушать очередной рассказ, сказал:

— Я вам, ребяташки, сегодня расскажу одну притчу. Только фамилию, с кем эта притча произошла, я вам не скажу. Родня их обидится. Имя ребенка я тоже переименую. Назову его, ну, допустим, Гриней.

Теперь он уже не ребенок, а взрослый, семейный и живет в городе. К нам в Новопавловку не показывается, хотя и крещен был в нашей церкви. Совесть станичников, хотя ни в чем не виноват, а во всем виновата его мать.

Уж больно была она ленивая и неряха! За это ее рано Бог и прибрал. Ленивые долго не живут. Об этом вам надо знать и бояться лени, как черт боится ладана. Муж, бывало, все лето на пашне, а то в казачьем лагере жигитует, лозы шашкой сечет, а она дома с одним ребенком путем не справится, холера. Утром подоит да в табун вытолкает буренку — и снова спит. Солнце пятки прижигает, а она все спит да спит. А ведь, как говорится в народе-то, кто долго спит — долгов наспит.

Полугодовалый Гринька, на удивление спокойный и смывленный ребенок, был постоянно голоден. Ну а голод — не тетка. Встает раненько и первым делом кухню обшаривает. Найдёт хлебную корочку, смахнет с нее мух да тараканов, ну и рад.

Как-то вышел во двор, а там растянулась на приволье совсем незлая собака Берта, с которой уже тогда состоял он в дружбе. Часто, бывало, приблизится, гладит ее, а она в ответ облизывает его от пяток до головки. Щекотно ему и он закатывался от смеха.

А в тот раз присмотрелся, как дружно щенки сосут Берту, да и сам прилег к свободному соску. Попробовал, а молоко так понравилось, что он, опорожнив сосок, оттолкнул щенка от соседнего и жадно впился во второй. И пошло дело у Гриньки как по маслу. Каждый день теперь, да по нескольку раз, впивался в собачьи соски, а Берте, как потом выяснилось, самой новый сосунок понравился. Подойдет он к ней, а она покорно ляжет, вытянется, дескать, соси, сынок. Тут и щенки сбегаются. Все дружно насосутся вдоволь и играют. Щенки барахтаются, Гриньке утеша. Ему смешно, он что-то непонятное лепечет, хватается толстопузеньких, складывает их в кучу, куча разваливается, а он снова — “куча мала”.

Мать долгое время не замечала, когда он, наевшись хлеба всухомять, потом сосет Берту, а вот то, что от себя еду стал отталкивать, заметила. И даже шлепков поддала ему. Нальет в хлебальную чашку молока, крошит хлеба, а он “бьяка” скажет и чашку оттолкнет. И еще заметила: ничего не ест, а на глазах поправляется, румянец на щеках, резвый стал.

Вот несет она как-то воду из Ишима и видит: мелюзга-ребятишки прилипли к ее плетню, с интересом в щелки смотрят и весело щебечут. Подошла к ним и спрашивает:

— Че это вы тута скоморошничаете?

— Мы не скоморошничаем, а смотрим, как ваш Гришуха Берту сосет.

— Чего? — удивилась Гринькина мать.

— Вместе со щенками посасывает.

— Да вы че, очумели?! А ну марш отсюдова, нехристи, не то я вас вот коромыслом усоборую!

Разбегаясь, ребяташки на всю улицу завывали: “Это он нехристь! Собаку сосет! “Поганую собаку Берту сосет!” И запели: “Гришка, Гришка, скоунок, он собачий сосунок”.

Вот отсюда и пошла гулять по станице Гринькина слава. А про Берту пошли всякие небылицы, дескать, она совсем не собака, а ведьма в образе собачьем, что тут без колдовства не обходится.

Люди один за другим повалили к Дарье, любопытствуя, рассматривали Берту, Гриньку, а он им язык показывает, смеется — доволен.

— Да не сосал он эту тварь! — утверждает Дарья, — просто играл со щенятами.

Многие, поверив, уходили. Но как-то однажды пожаловали атаман с урядником и старейшинами.

Берта было в лай, но Гришкина мать зыкнула на нее и та отошла к щенятам, легла, а они — за соски.

— Что это, правда? — в упор спросил атаман.

— Да вот-те крест, враки! — перекрестилась Дарья, не выпуская с рук Гриньку.

— А ну-ка подпусти казака к этой суке, а мы посмотрим, так ли это.

Гринькину мать слезы пробили, растерялась, вся дрожит, просит верить ей, но атаман непреклонен.

— Если твоя правда, — сказал он, — мы выпорем нагайкой всех, кто болтает.

Тут один из пришедших выхватил Гриньку, поднес к Берте, ехидно улыбаясь, сказал:

— А ну, драгун, шашку вон! — и отпустил Гриньку. Тот, видно, здорово проголодался под строгим контролем матери, сразу же раскидал щенят и впился в Берту.

Грохнул дружный хохот казаков, а Гришкина мать, закрыв заплаканное лицо фартуком, убежала в избу, безутешно рыдала, и слышала, как еще долго во дворе ухохатывались казаки над тем, как Гринька расправляется со щенками, отвоевывая соски.

— Вот это казак будет!

— А может быть, он еще и лаять умеет?

— Вырастет, так мамашу-то свою не токмо облает, но и пятки покусает.

Через неделю отец с учений приехал. Он уже знал о беде и позоре на всю станицу. Однако Берта не чувствовала за собой вины и как всегда, обрадовалась возвращению хозяина и коня, которого тоже по-своему любила. Прыгает, повизгивает и не замечает, дуреха, наведенного на нее зловещего дула винтовки.

Раздался выстрел. Берту подбросило. Она взвыла, вопросительно посмотрела на любимого хозяина и тут же упала. Медленно вытянулась. Щенята решили, что мать приглашает их на кормешку и припали с соскам — уже мертвой.

Это была последняя материнская кормежка щенят, в которой Гриня не участвовал.

После этого его жизнь стала неописуемо мрачной. Осо-

бенно эта мрачность возрастала с его взрослением. Сам он, будучи подростком, не помнил, питался ли он собачьим молоком, но кажется, не было дня, чтобы кто-то из его ровесников, а то и взрослый, не съехидничает: “Ну, как, Гриня, вкусное собачье молоко?”, “А пошто ты не лаешь?”, “Гавкин Гриня”, “А что это от тебя собачатиной припахивает?”, “Собаку-то отец застрелил, а тебя пожалел?”, “А ты Берту-то, небось, жалеешь?”, “И какая дура целоваться-то с тобой будет?”

Тяжело было Грине переносить все эти унижения. Он часто пропускал школу, в церковь вообще не ходил — знал, его оттуда вытурят, как собачьего сына. Часто вступал в драку и был многократно, порой жестоко бит. Девчонки избегали встреч, что было для него самой тяжелой обидой. От этого он непременно искал уединения — чаще всего в бане. Распластается на полке и от всей души плачет, пока не полегчает.

Нелегко приходилось и родителям. Отец все же бывал на сходках и в церкви, стесненно, но общался с людьми, хотя той веселости и удачи, которые у него были, теперь уже не стало. Мать по воду ходила затемно, не выдали ее люди ни в церкви, ни тем более на посиделках. Сколько лет прошло, а все так вот и шло. Гриня постоянно чувствовал себя виноватым перед родителями, старался искупить свою “вину” прилежным трудом. Во двор зайдешь — кругом чистота и порядок, на пашне и в огороде, в пример другим, все ухожено, растет — не налюбуйешься.

Грише шел семнадцатый год. Он был коренаст, плечист, могуч, да и красотой не обижен, но хмур и молчалив, что постоянно настораживало родителей, и не напрасно. Однажды утром его дома не оказалось. Всей станицей искали в соседних лесах и оврагах, баграми скребли дно Ишима — не утонул ли, но тщетно. Потом пошли всякие слухи, якобы кто-то видел его одичалого, обросшего волосами в таловых зарослях, где много ежевики, а то кто-то в городе, среди ширмачей-карманщиков.

Прошло три года — и никакой весточки. Все считали: нет его в живых. А тут вдруг прибегает один станичник и впопыхах говорит:

— Все! Ваш Григорий жив-здоров, того и вам желает!

— Опять сказка, — отмахнулся отец Григория.

— Да вот-те крест! — перекрестился станичник. — Лично вот, как мы с тобой, разговаривал с ним. Случайно наткнулся на него. Иду вдоль канавы, смотрю на раздетых да загорелых землекопов и вдруг вижу — Гришка! Здоровенный, мускулистый и улыбчивый. Смотрит на меня и говорит: “Здравствуй, дядя Игнат”. Узнал, значит! Вылез он из глубокой канавы. Поздоровались. Разговорились. Оказывается, все три года он с бригадой прокладывает водопроводные трубы по городу. Работа тяжелая, но денежная. Жена у него и ребенок. Жизнью, видать, доволен. “Чего же ты, — говорю, — поблизости живешь, а с родителями не якшаешься, в станицу не заглядываешь?” А он: “Сыт я, дядя Игнат, всем прошлым. Не хочу, чтобы жене моей брякнули, что я “собачий сын”, что собачье молоко на губах”. А сам смеется: “Жена-то целует меня да, хватит — сладкий, говорит”. А еще велел передать вам низкий поклон, добрые пожелания и здоровья. С тем мы с ним и расстались. Так что живой Гришуха.

УРЯДНИЦА

От жары наш табун забрел в озеро, только овцы улеглись на берегу. Мы с Васей расселись на пожухлой травке, вынули из карманов Тимошарушкины пайки и только начали жевать, как вдруг Вася в страшном испуге подскочил, да так завопил, что испугались овцы. А из-под него выскочил суслик и тут же исчез в норке. Когда же Васин испуг прошел, мы, вдоволь нахохотавшись, решили отомстить этому зверьку, осмелившемуся слишком близко подобраться к человеку. Набрали в картузы воды и стали выливать в нору. Грызун стремительно выскочил и дал такого стрекача, что попытка догнать его успеха не имела.

Вечером у костра мы об этом рассказали деду Тимошарушке.

— Скажи спасибо, Вася, суслику за то, что он кончик твой не оттапал.

Вася смутился, а мы с дедушкой ухохотались.

— Да он и не кусался, — сказал Вася, — он только но-

сом своим тычет меня под зад, а сам — швырк-швырк!

— Ты бы, Вася, собственного диколончику ему под нос-то. А что же Грунька-то не помогла догнать проказника?

— Грунька боится сусликов. Они за губу ее хватают. Один уцепился однажды и кое-как оторвался, а у Груньки потом долго не заживала губа, — сказал я.

— Ах ты, каналья, — удивился дед и добавил, — хорьков бы сюда. Уж больно много развелось сусликов-то. Хорьки — что урядники. Они бы их быстро на свет божий из нор-то.

— Так ведь хорьки — тоже одна порода, грызуны, — сказал Вася.

— Люди — тоже одна порода, но то и дело воюют, друг друга убивают, а за что? Имел я дело с хорьками. Интересные животные. Они не хуже кошек и собак приживаются к человеку, сам живой свидетель.

Мы с Васей тут же пристали — Расскажи да Расскажи, дедушка. Тимошарушка пошуровал головешки в костре и начал свое повествование:

— Был я много лет в Мазаевских да Зенковских лесах объездчиком. В общем, караулил, отводил деляны для свала, ну и себе кое-чего выращивал. Так вот, живу я, как святой отшельник, на Зенковских угодьях в дерновой избушке. Обстановка — нары человек на пять-шесть, стол, две табуретки, полочки для посуды и печурка, которая обогревала меня зимой и варила мне и тем, кто приезжал на заготовку дров.

Был у меня хороший дружок — огромный кобель, которого я называл Урядником. На редкость услужливый и за меня готовый в огонь и воду. Лаял так громко, что лес содрогался. И я чувствовал, что волки его не иначе как боялись. А мне жилось с ним любо-милу, да и ему со мной тоже. Бывало, чуть где-то волки взвоят — он туда. Крикну: “Урядник! На место!” — слушается. А один раз не подчинился, убежал. И донесся до меня шум жестокой борьбы. Кричал я ему во всю глотку: “Урядник, Урядник!” — но нет... Всю ночь прождал его, а утром он, весь искушенный, взъерошенный еле-еле приплелся. Взглянул на меня печальным взглядом, упал да так и не поднялся.

Плакал я, а потом неподалеку, на бугорочке выкопал могилку с уступом, травы настелил и закопал беднягу.

И вот, как только не стало моего Урядника, вокруг избушки поселились суслики, да так много и такие нахальные — не приведи Господь. Начали проникать в избушку, всюду норы. А еще как запересвистывают да заверещат! В общем, неприятно жить среди этих ликунов.

Еще раньше я знал: хорьки — гроза для сусликов, с удовольствием питаются ими. Там, где поселяются хорьки, сусликам — дай Бог ноги.

За версту от моей избушки, под развесистыми березами, был один бугор, от жилья какого-то пахаря оставшийся, заросший коноплей-падальником, и вот там-то я однажды ехал верхом и увидел, как при утреннем солнышке эти самые хорьки грелись, да так весело играли, что я не мог налюбоваться. Не иначе — любовь у них была. Вот и решил я пойти туда, наловить их и расселить здесь, чтобы они изничтожили стервов-сусликов.

Взял лопату, сачок и пошел. Занял там боевую позицию скрытую, наблюдаю, а их — ни души. Где же, думаю, они? Спят или на промысел ушли? Дай ковырну. Тихо-тихо взошел на ихнюю кочку, облюбовал нору и только углубил лопату, а хорьки-то как по команде повыскакивали из всех нор да как застрекотали, зубы оскалили и давай меня со всех сторон щипать и кусать. К лицу лезут. Испугался я не на шутку, но лопатой, сачком, ногами и руками бью, пинаю, разбрасываю, а они как вдруг завоняли! Отчего голова моя заколесила, в носу засвербило, чех напал — спасу нет. Тут я сообразил: бежать надо, пока жив еще. Но неужто без добычи убежать? Нет, думаю! Изловчился и сачком-то ухватил одного, видать, разжиревшего хорька, а сам тягу дал, только пятки мои засверкали. Отстали.

Принес я его к себе, посадил в ящик и решетом от сеялки прикрыл. Всю ночь не давал он мне заснуть: скребется, пищит, духи свои отвратительные пускает. К утру все же умыкался, уснул. Вопрос: чем накормить, когда проснется?

Знал я еще раньше: хорек, как и лиса, любит курятину. Но где ее взять? И сам бы не против закусить курятинкой. Взял свою берданку, пошел в лес да там первопопавшую ворону и хлопнул. Отеребил, распотрошил и в ящик: извольте кушать, господин хорек... Я его Урядником стал звать.

Вечером заглянул в ящик, а там только ножки да клюв. Съел, значит, и смиреннько спит мой Урядник.

Ну, думаю, если ворона понравилась моему пленнику, значит воронами и буду кормить.

— А пошто только воронами? — спросил Вася.

— А потому, Вася, что ворон, этих стервов, так или иначе когда-то надо уничтожить! Птица эта, если подсчитать, многие тысячи еще невыведенных птиц уничтожает.

Я много раз встречал утиные гнезда, в которых ворона по десять яиц опустошала. Да, если бы не их пакости, у нас бы во сто крат больше было полезной дикой птицы. Вы только вдумайтесь, сколько уток, чернедей, гагар, чибисов, разных пташек, которые каждую весну летят к нам на свою родину, да через тридевять земель и много морей, рискуют жизнью, старательно выют себе гнезда, терпеливо выпаривают своих цыпляток, — а тут тебе вдруг ворона! Да их всех перестрелять надо! Их-то год от года все больше, а другие птицы из-за этих воровок все уменьшаются и уменьшаются.

— А если люди разоряют? — спросил я.

— А с таких людишек надо спускать штаны и плетями пороть!... Но лучше давайте плюнем на ворону, а вот про хорька Урядника моего я вам расскажу. Вскорости мы как бы подружились с ним. Кормлю, пою и даже глажу. Правда, для предосторожности на руку-то надеваю варежку, а то ведь тяпнуть может. Растолстел он, как хомяк, и изленился. Все больше лежит, нежится, лихоманка его задерживает. Из устаревших решет смастерил я ему клетку просторную, настелил душистого сена. Довольнешенек. Меня признает, без меня скучает, приду — радуется, так и напрашивается в руки.

— И что же дальше?

В тот день я с раннего утра был в объезде, а возвращаясь домой, прямо с седла сбил ворону, в пути ее отеребил, дома распотрошил и подхожу к клетке, а сам, как всегда приговариваю:

— Вот ваше сокоблагородие, мой Урядничек, извольте кушать.

Он лежит недвижно, а по нему лазят и пищат пять маленьких хорят. Опешил я. Выходит это не Урядник, а Урядница, да еще беременная была. Ах ты какая невидаль!

Ну я, конечно, обрадовался. Питание и внимание к ней усилил. Немало ворон и сусликов сшибал да приносил им.

А росли эти хорята не по дням, а по часам. Меня признают, дозволяют в руки брать, гладить.

И вот однажды, думаю: чего мне их в неволе-то держать? Они уже взрослые, не пропадут. Взял да и выпустил и двери избышки нараспах, жду, чтобы попрощаться. А они — никуда. Бегают по избышке, как домашние щенки или котята, барахтаются, ко мне лезут, дескать, погладь нас да приголубь. Ну, дети есть дети. У всех животных дети любят ласку. Пойду я на улицу, а они за мной — ну как собачата! А потом как напали на сусликовые норы, как начали они сусликов-то вытаскивать из нор-то — не приведи Господь! Хоренок ростом меньше суслика, а расправляется с ним, как повар с картошкой. Укусит в затылок — тот и готов. Заботы с кормежкой у меня не стало. За день так насуслятся, что потом пообнимаются и всю ночь спят убойным сном.

А Урядница от меня не отставала. Куда я, туда и она, ну а за ней и детишки. Отставали только тогда, когда я выводил их на новое проживание сусликов... Увлекутся охотой, забудут про меня, вот я и ходу от них. Но к вечеру, словно с выпаса, возвращаются в свою клетку. А было и так. Запоздают, а я громко покричу: "Урядница, Урядница!" — и они тут как тут, крутятся у моих ног. Было такое дело.

— А где теперь эти хорьки? — спросил Вася.

— Да их, наверное, в живых нет. Давно ведь это было... А расстались мы так. Приехали с Зенковского кожзавода рабочие дрова заготавливать. У них было две большие, да какие-то заполошные собаки. Они и нарушили нашу тихую да мирную жизнь. Подняли сплошной лай, гоняться стали за всякой живностью. Моя Урядница поняла, что наступил конец, и потихоньку, незаметно, со всем своим выводком исчезла... Сколько я после ни кричал Урядницу, не откликнулась.

— А может, Урядница с детенышами ушла жить на то место, где раньше жила? — спросил Вася.

— Да дай бы Бог! Каюсь я — не привязал ей на шею тряпичный ободок. Глядишь, встретила бы.

БЕРЕЗА СВЯТАЯ

Возле нашей заимки, в сторонке от березового колка росла молодая березка. И вот мы с Васей заметили: после каждой нашей трапезы, выйдя из-за стола, дед Тимошарушка троекратно крестился в ее сторону и нашептывал про себя коротенькую молитву.

Мы с Васей тоже, покушав, крестились разок-другой, но не вылазя из-за стола.

— Что эта береза — икона, что ли для него? — спросил меня Вася.

— А ты возьми да спроси.

— Не буду. Стыдно да и, грех спрашивать про такое.

Но не вытерпел однажды:

— Дедушка, а можно тебя спросить?

— Об чем?.. Ну спроси, голубчик.

— А чего ты всегда молишься на вон эту березу.

— Понравилась, вот и молюсь. Она для меня как бы святая, а еще и лечебная. Как бы дохтур мой...

— А другие березы?

— Все они от Бога. Но эта под рукой, вот и молюсь ей, а значит, всем березам молюсь. Я, Вася, много краев на земле пообъездил, много всяких лесов видел, но краше и милее наших родных берез не встречал. Иное дерево все в цвету — диво дивное, а все равно не то. В цвету, а сама холодком дышит на тебя. Чужеватая да и только. Береза нашенская для человека и животных всесторонне полезна. Она и лечит, она и кормит. Например, заяц зимой, когда все покрыто снегом и ни клочка сена возле его тропы — спасительницы от хищников, чем питаться? Корой. А тетерьва? Березовыми почками. Люди в голодуху кору-то сушат да толкут в ступе, а потом порошок подмешивают в муку или в отруби и — за милу душу... Выживают. Так и спасает всех наша красавица. Вот и молюсь березе, как Божьей Матери. И всем нам полагается молиться ей. Вы вот мою жвачку целыми днями жуετε, а из чего я ее делаю? Из бересты. И деготь для смазки сапог и колес телеги — тоже из бересты. А какую посуду, например, туески да кружки пивные из бересты мастера делают! Залюбуешься: легкие, прочные и не протекают.

— А как березка лечит? — спросил Вася.

— Всяко лечит, — сказал Тимошарушка, — всяко. Если ты простудишься или у тебя ногу вдруг повело, бери березовый веник, иди в баньку и шпаль им по больному-то месту — как рукой снимет болезнь твою. А если у тебя геморрой, то в бане же садись на горячий веник и мойся смиренненько. Так вот разика два — и ты здоров!

— А что такое геморрой?

— Вам еще рано знать. Вырастете — узнаете. Вот у меня в брюхе одно лето страшные болезни появились — я в город, к дохтуру, а он порасспрашивал до пообщупал меня и говорит: "Желудок у тебя болен". Дал какие-то пилюльки: "Глотай", — говорит, — по три раза в день, может, успокоится. Болезнь твоя запущена и надежд на излечение мало". Во как! Сглотнул я его таблетки, как он велел, а мне от этого еще хуже стало. Ну, думаю, гроб с музыкой! Вот тогда-то я вспомнил давнишний разговор, а вот с кем — запамятовал. Разговор был о березовых почках. Господи, думаю, лекарство-то рядом, а я в город зафитилил. Пилюльки, видишь ли, понадобились.

Вот и навалился я на березовые почки — и в чай завариваю, и настои делаю. Пил-пил, а потом спохватился: что, думаю, я не перестану пить? Болей-то давно нет уже. Перестал пить — и вот видите, здоров по сей день. Так как же мне не молиться на вот эту христовую березу, которая меня вылечила? Дохтур не вылечил, а она, сердечная, вылечила!

Люди рассказывают, как в пареных березовых листьях ревматизму вылечивают, как волосы на голове укрепляют, как своим соком береза помогает людям больные почки вылечивать, дегтем — сбитые спины коням, а человеку — чесотку...

А ишо скажу я вам, кто живет посреди березовых колков, вот как мы с вами, тот человек куда здоровее всякого горожанина. От берез легче дышится. Я вот в городе один день побуду, а на второй и духу не хватает.

Вот потому-то, Вася, для нас с вами каждая березонька — та же икона Божья. Береза — райское создание.

После такой беседы мы с Васей решили выходить из-за стола вместе с дедом, вместе крестились и троекратно кланялись райской березке.

С тех пор пошел восьмой десяток лет, а мое отношение к березам остается прежнее — самое почтительное. Одно время я серьезно заболел гастритом. Никакие таблетки не помогали, а вот добыл я березовую чагу, попил ее настоем — и как рукой мою болезнь сняло. Так что всем нам надо ценить и беречь березовые леса.

По определению: одна береза за лето выделяет столько кислорода, которым мы дышим, что его достаточно для трех человек на весь год. А вот одна автомашина за время пробега 900 километров пожирает такое же количество!

* МУЗЫКА И ЖИВОТНЫМ МИЛА

В этот день прямо на выпасе Вася удивительно умело смастерил жалеюку и заиграл на ней свои белорусские напевы. А когда заиграл на ней, то весь табун — овцы и телята — вдруг насторожились и все взоры устремили в нашу сторону. А нам было смешно.

Вечером у нашего любимого костра обо всем мы рассказывали деду Тимошарушке.

— А чему тут удивляться? — сказал он. — Музыку и животные воспринимают и даже любят ее. Вот когда в школу пойдете, там вам обо всем и расскажут. Мне-то не довелось поучиться, потому что и школы-то в Новопавловке еще не было, когда я был такой, как вы, сморчок. А в жизни я чего только не повидал. Не знаю, понимает ли музыку кошачья порода — скажем, тигры, рыси, леопарды, да и сами кошки. Весь этот род — все они не шибко разумные, это злоядные хищники, а вот конь или собака к музыке прислушиваются, понимают ее. Это я лично сам наблюдал за свою долгую жизнь.

— Расскажи, дед, — привязались мы.

— Ладно, расскажу. Вы слышали такую песню:

Скакал казак через долину,
Через маньчжурские края,
Скакал казачек одинокий —
Блестит колечко на руке.

Я сказал, что слышал такую.

* Этот и остальные помеченные звездочкой материалы перепечатаны с газетных текстов без изменений. (Ред.).

— Так вот, скакали мы по этой чужбине. Воевали, кровь проливали, черт-те знает за что все это было, а когда стояли в городе Цицикаре, то там один богатый-пребогатый купец, а по-китайски, значит, мандарин, умел он разговаривать по-нашему, да и торговлю держал с Россией, ну и перед нашим атаманом выслуживался, выслуживался, а потом взял да подарил нам граммофон... с русскими песнями. Чудно! Железо, а вот поет. Как по правде. И под пляс тоже играет. Ну мы все были радехоньки. Слушаешь эту диковинку, и кажется тебе, что ты дома, а не на чужбине.

В первый раз по команде есаула граммофон наш вновь запел на зеленом привале. Запел-то он, о господи, самую родную, самую трогательную нашенскую песенку, которую, бывало, вечерами всем селом пели, и сам запел:

Ах ты, ноченька,

Ах да ночь темная...

И вот тут-то я увидел чудо-юдо: мой Карька стоял рядышком со мной, ел траву, а как услышал песню — то обалдел, жевать перестал, сам как бы напрягся, не дышит, а только ушами прыгает, да голову-то склоняет, склоняет, и вдруг тоненьким, обидным голоском заржал. Из моих глаз слезы покатались.

Вспомнил я: ведь он же эту песню не раз слышал, и поэтому вспомнилась и ему родная наша Новопавловка. И вот от этого такая тоска навалилась на нас с ним, которую век не забудешь. Ни рассказать, ни пером описать. Вот ведь как. Выходит, что музыка-то всем живым на свете трогательно понятна, ребятушки.

Или такой случай. Кончилась война. Вывели наше войско на родную землю, к Амур-реке. Тайга, значит, ну и злоедная мошка, которая так и лезет под картуз и не кусает, а как бы каленым жигалом тебя, да в самое в темя! Хошь стой, хошь падай. Так вот там зверья всякого тьма-тьмущая: белки, косули, медведи, тигры, но самый смешной зверек — бурундук. Ростом он покороче белки, а похож на нее, но шубка на нем полосатенькая. Красивый зверек.

На песочном продувном берегу реки натянули мы свои палатки, походная кухня задымила. Рядышком лес дремучий. Настроение у всех радостное, потому как скоро домой, да и пули теперь не свистят — смерть не несут, а мошка не так уж и страшная.

Сам атаман дал команду: "Раскрутить граммофон!".

А как только запел этот граммофон на всю тайгу, так все зверье и птицы приумолкли, наши кони жевать перестали — все слушают вместе с нами. Но самое интересное то, что много бурундуков прямо к самому граммофону сбегалось, расселись вокруг и слушают, слушают.

— И вас не боятся? — спросил я.

— Мы, конечно, в сторонку отошли, любимся, но они не очень-то и боятся нас.

— А птицы? — спросил Вася.

— А что птицы? Птицы — сами музыканты.

Прислушайся в солнечное утречко, как они наигрывают да напевают в лесу-то. Одних свиристелок, скворцов, синиц да иволгов заслушаешься. Поют и друг друга слушают. Разве не приятно волку, который только выть умеет, послушать звонкие напевы иволги?

— Небось, довольнешенький лежит под березой, да еще и улыбается, — завершил свой рассказ дед Тимошарушка и, довольный, вынул из кармана свою неизменную табакерку с нюхальным табаком.

Я вспомнил этот рассказ во время циркового представления, когда медведь с собачкой танцевали под музыку "Калинку-малинку".

* КТО САМЫЙ СИЛЬНЫЙ?

Когда доводится заглянуть в историю мудрых мечтателей Древней Греции, то я непременно вспоминаю и сопоставляю их с нашим, заросшим пегой сединой Тимошарушкой. И говорю себе: "А ведь чудесный, по-своему просвещенный был человек, хотя никогда не сидел он за школьной партой".

Вот ведь встречаются в жизни такие люди-мудрецы: не имея образования, а слившись воедино с живой природой, осмысливают чудотворные явления ее и по-своему философствуют. А приходит черед, и эти самобытные наши Платоны, Сократы и Аристотели спокойно уходят в другой мир, не замеченные наукой.

В нашей станице люди относились к Тимошарушке по-

разному. Одни всерьез называли его "башкой" или мудрецом, замысловатым мужиком, а некоторые — просто помещанным, чудачком, который весь сарай увешал корзинками с гнездами для голубей, много скворечников наставил во дворе и в огороде. Всякая насекоминка, всякий жучок для него имеют непростое значение. Он не жалеет времени, рассматривает их, о чем-то рассуждает, в коробок кладет и как бы прячет в карман, но, непременно изучив, отпускает на волю. Поэтому ему всегда было о чем рассказать у вечернего костра.

Еще утрами, выпуская из загона наших телят на приволье, он предупреждал нас, о чем вечером пойдет разговор. Вот и сегодня он предупредил:

— Вечером, ребяташки, поговорим о том, кто все-таки сильнее всех на свете. Так что мыслишки-то свои напрягите, а кто отгадает, тому клюшку для зимы сделаю.

— О-о! А я знаю!

— Ну, ежели знаешь, то не разглашай до поры. В тайне держи. До вечера.

Так мы с Васей целый день молчаливыми пастухами были, боялись, как бы друг другу не выболтать свою тайну.

А вечером, как всегда, после тощего ужина, мы все трое расселись на мягкие торфяные кочки, вырубленные Тимошарушкой на соседнем болоте для сиденья. Он, подбросив в костер сухих сучьев, которые с треском весело запылали, сказал:

— Ну-с, на барине бурнус, — сказывайте, кто сильнее и злее всех на свете... Кто первый?

— Я, — сказал Вася. — Самый сильный и злой на свете — Дрягинский бык. Да, да! Это ведь он своими рожищами впрах развалил дерновую избушку у Даши с Семашей, которые со страху деру дали и два дня в Новопавловку не показывались. Слыхали?

— Слыхали, — ответил дед. — Сильный и злой проказник-бык, но не самый сильный.

— А тогда самый сильный — Сарсенбаев верблюд, — сказал я. — Я сам видел, как он один тянул бричку, на которой целая скирда сена была. И он злой. Ежели его обидишь, то он так в лицо плюнет, что не отмоешься!

— Да, верблюд тоже сильный и обиду не прощает. Но не то. Не самый сильный, — сказал Тимошарушка.

Тогда мы наперебой стали выкрикивать:

— Медведь!

— Слон!

— Рыба-кит!

Но Тимошарушка мотал головой и повторял: "Не то, не то", — а сам вынул коробок из-под спичек, щелкнул по нему пальцем и сказал:

— Самый сильный и зломстительный зверь вот в этой коробочке сидит, усиками мотает и над вами, незнайками, небось, посмеивается.

Вы, конечно, догадываетесь, как мы с Васей были удивлены. А когда заглянули в коробочку, то расхохотались. В ней отчаянно мотался муравей. Тут же лежала палочка от засохшей березовой ветки.

— Козявочка! — сквозь хохот воскликнул Вася.

— Смейтесь, смейтесь. А вот давайте-ка, ребяташки, мыслишками своими поворочаем... Вот — муравей, а вот — палочка. Скажите, во сколько раз эта палочка больше муравья? В десять раз она больше муравья, а вот он приволок ее по неровной дорожке издалека и сам затащил на вершину общего дома, который мы называем муравейником. А теперь ответьте мне на вопрос: Дрягинский бык или Сарсенбаевский верблюд утащут по земле бревно, которое будет в десять раз больше их? Да ни в жисть! А теперь: шибко ли муравей злой? Проверьте сами...

— Да, знаем, — воскликнул Вася, — мы копнули одну кочку, так они — и под рубаху, штаны понабежали и ой как искусали!

— Их общественный дом не тронешь, и они тебя не тронут, а тронешь — всем войском в атаку пойдут и на усмерть будут драться. Они и лес, в котором живут, героически защищают от всяких вредных насекомых. Я своими глазами видел, как однажды муравей догнал на березе гусеницу, которая пожирала листья, куснул ее, и она кубарем с дерева. А величиной она была больше муравья раз в тридцать, а то и в сорок!

Муравьи, ребяташки, никакого вреда людям не делают, а пользы от них много. Муравьиным настоем люди даже от болезней избавляются. И еще. Мы, люди, умные, разговаривать умеем, но еще не научились отгадывать, когда будет дождь, а муравьи за три дня узнают и прячутся в своих гнездах муравейника.

Так что и в этом муравьи сильнее нас с вами.

КТО РЯВКНУЛ?

О х как мы истосковались в то лето о ветрах и дождичке! С самой весны и до осени целыми днями колыхала маревом палящая жара. У озера Софонково, по берегу которого мы с Васей пасли свой табун, даже по утрам не было прохлады. От нестерпимой жары озеро тоже истомилось. Из его пожухлых раньше времени камышей птицы не выплывали и не вылетали. Но жизнь озера, хоть и вялая, а все же ощущалась. Там, вдали, над водой постоянно вьются чайки, но крик их где-то прерывается, и мы его не слышим. По соседству с нами как-то обиженно тивкают лысухи и нет-нет да глухо бухнет, словно ведьма какая, выпь. И вот в такой томительной тишине вдруг из соседней лесной глухомани донесся страшный, потрясающий, отрывистый рев. Первой от испуга встрепенулась и залаяла наша Розка. Забеспокоились и овцы, возлежавшие на возвышенном берегу озера. Только телята, как прежде, стояли по колено в воде и продолжали жевать камыши.

— Кто это? — с тревогой спросил Вася и сам же ответил. — Это, так и знай, ведьмедь!

— Ты что, живого медведя слышал? — спросил я.

— Да нет. Но мы же сами, когда играем, так же страшно рываем, как ведмедь, — ответил он.

— Медведей на наших пашнях не бывает, — говорю ему. — Они в дремучей тайге проживают.

Долго мы боялись, ходили с оглядкой, гадали: кто же так страшно рывкнул? А вечером, как только загнали скот, наперебой рассказали про такой случай деду Тимошарушке и спросили: кто это мог быть? Дед пожал плечами и ничего не ответил. А когда уселись ужинать, спросил:

— А случаем вихря какого не заметили там, в лесу?

— Да нет. Сплошная тишина.

— А то ведь бывает — вот, в такую тишину вдруг налетит сполох-вихрь, да такой, что иная застарелая береза еще не так рывкнет. А он, вихрь-то, натворит, начудачит и был таков... Но зато после него жди дождика.

— Вот бы хорошо! — воскликнул Вася. — Но это был не вихрь, а кто-то живой... Вроде бы, ведмедь.

Мы ждали, что скажет дед Тимошарушка.

— Что ж, ребяташки, береженого бог бережет. А вдруг и в самом деле медведь по какой-то причине из тайги забрел к нам. Такое бывает. Я сам в Мазаевских лесах встречал медведя. А ведь это не так уж и далеко отсюда!

— Расскажи, дед, — привязались мы.

— Давненько, лет, небось, двадцать прошло с того времени. Мы вдвоем с кобелем Трезором на заимке жили. Завезли нам туда муки, вяленого мяса, картошки. Ружишко было у нас. Сяду с ружишком-то у лесной обочины, а Трезорка мой уже знает, что к чему, и носится по лесам, пока не пригонит ко мне зайчишку. А тут еще мы с ним нашли такую, всю в цветах, опушку, в которой что ни шаг, то пчелиный рой. Меду — ешь — не хочу. И вот однажды пошли мы к этой опушке повыжимать медку. Трезор сообразил, куда идем, и умчался прямо туда. И что ж? Слышу, Трезор мой шибко залаял, даже завыл. Я поторопился туда. И слава Богу, что не выскочил на опушку, а то бы он меня, топтыга, измочалил.

— Кто измочалил? — с нетерпением спросил Вася.

— Кто, медведь, — ответил Тимошарушка. И добавил: — Удрали мы с Трезором. Еле отдышались. Молил я тогда Бога, чтобы этот топтыга на нашу заимку не пожаловал. Не пришел он тогда. Но пчел-то он там ограбил, шибко ограбил, ноготь ему в голову.

— А куда он делся? — спросили мы.

— Бог его знает. Жирю накопил — да и в берлогу. А вот где — загадка.

— Может, это он рывкнул сегодня? — спросил Вася.

— Если дожил до наших лет — то, может быть, он. Так что глядеть надо в оба.

*УМНАЯ ПТИЦА

Непогода серьезно задержала перелет казарок через наши просторы на свои заветные болотистые озера в Тюменской области — туда, где человеку непролаз — ни пешком, ни на лодке. Всюду топь, няша и плавучие лабзы. А запаздывание недешево обо-

дится для самок. Видно, как они то и дело, стремясь ускорить полет к своим гнездам, ломают свой традиционный строй полета — клином.

Вспомнился мне один случай в двадцатых годах, как в районе озера Софонково запоздалый клин казарок вдруг нарушился и стремительно спустился на зеленую лужайку и, наскоро подкрепившись, взлетел и, на ходу выстраиваясь снова в клин, продолжил свой нелегкий путь. А мы, мальчишки, в то время неподалеку пасшие артельных телят и овец, из-за любопытства побежали туда, где только что казарки старательно щипали травку. К нашему удивлению, нашли там пару крупных яиц. Обрадовались. Испекли их в горячей золе и с удовольствием съели (голод был). А каково было тем самкам, которые невольно порастеряли выношенные плоды? Вероятно, так же горестно, как женщине-матери потерять родного ребенка.

Вот и спешат они, будущие матери, к своим заветным местам, дабы продолжить свой род.

Считаю уместным сказать, что среди пернатых, обитающих в наших краях, казарка одна из умнейших птиц. Достаточно подметить то, что это единственная птица, преодолевающая многотысячные расстояния не как попало, а своим сложным строем, каждая особь (когда они мирно летят) на строго ограниченном расстоянии друг от друга и с одновременным взмахом крыльев. У каждого косяка есть свой "султан", который строг, всегда начеку, всегда впереди. Нюансы его окрика всем понятны. Когда его "стадо" пасется, он, притворяясь, будто уже спит, вытянув шею, озирает всю округу — нет ли опасности. Порой диву даешься, как "султан", прежде чем поднять на крыло свой косяк и с озера перелететь на хлебное поле, посылает опытных по три-пять разведчиков. Эта разведка долго парит над полем, и не дай Бог, если разведка заметит охотника в засаде. "Султан" поднимет с озера всю свою гололистую рать и поведет в другую сторону.

Осенью 1961 года, находясь в Пресновке, П. Бушуев, начальник районной кинофикации, пригласил меня "махнуть" на зорьке на хлебные поля совхоза имени Сабита Муканова к озеру Красное. — Там, — говорит, — казары на жнивье видимо-невидимо! Ночью шалашики у копенек сделаем, замаскируемся, а на зорьке пальнем по планете.

Приехали. Он и его шофер, вальяжный и губастый верзила, обошли массив убранного хлеба и по наличию гусиного помета сделали веселое заключение: казара именно здесь жирует, а ночью она наслаждается на соседнем озере Красном.

Машины тщательно обложили соломой "под копешку", а себе обосновали скрадки в копнах и всю ночь не спали. Тем для разговоров хватало, главное — о случаях на охоте. И вот тут-то выяснилось: шофер-губошлеп оказался беззастенчивым браконьером. Он не без гордости рассказывал о своих варварских поступках на охоте.

— Вон на том берегу озера мы с Санькой, — говорил он, — в прошлом году на перелете вдвоем наломали полста казарок. Поднялась буря, снежок нагрянул, а она с озера на нас гужом идет и идет, а мы — успевай заряжать. Я лично 32 штуки накромсал.

На мой упрек о незаконопослушании ответил: "А что, мы одни такие? Хватает их — браконьеров-то".

Да, в том-то и беда наша. Уж слишком много у нас ломальщиков да кромсальщиков. Оттого-то у нас животный мир окончательно оскудел.

К сожалению, охота наша тогда не состоялась. Разведка казар обнаружилась нас и поспешно вернулась на озеро. А вскоре крикливый косяк птиц очернил собой противоположный горизонт.

ПРОЗРАЧНЫЕ БЕРЕЗЫ

Пригласили меня 12 августа 1961 года в идеологический отдел обкома партии и сказали, что к нам приехала австралийская писательница Димфна Кьюсак с мужем-журналистом и переводчицей из Ленинграда. Цель приезда — знакомство с целиной, с людьми, нашим бытом и с природой края. Сопровождать их поручено писателю Борису Петрову. И что есть мнение: к нему "пристегнуть" меня — на три-четыре дня. Днем мы должны выезжать в совхозы, колхозы, экскурсоводить, а вечерами в новом помещении телецентра организовать для гостей широкий показ наших отечественных фильмов.

Тогда мы были приучены к дисциплине, и отказываться от столь высокого доверия и предстоящего знакомства с известным всему миру писателем было с моей стороны неразумно. Да и не впервые нам с Борисом приходилось сопровождать целинных гостей-литераторов из Алма-Аты и Москвы: вот только что расстались с украинцами — Василием Большаком, Миколой Руденко, Виктором Кочевским...

Случилось так, что произведений миссис Кьюсак мне до тех пор читать не доводилось. А вдруг зайдет разговор о них? Я поспешил в библиотеку. Там дали мне три книги: "Скажи смерти "Нет", "Жаркое лето в Берлине", а третью запамятовал. И что же я смог за вечер прочесть?.. Удалось, правда, просмотреть — с пятое на десятое. Из рецензии же узнал, что это писатель на редкость плодовитый, автор пьес, повестей, рассказов и монументальных, широко известных в мире романов, что она дочь фермера, любит странствовать по свету, знает много языков и душевно любит свою Австралию.

Я подумал: что же после Австралии она найдет интересного в нашей простенькой среде?

На другой день рано утром, возле гостиницы, после взаимных улыбок и рукопожатий, мы усадили наших гостей в восьмиместный "Газик" и помчались в Чистовский совхоз.

Я представлял Димфну крупной женщиной, важной, с твердой, уверенной поступью, но, вопреки ожиданиям, это оказалась 59-летняя, простенько одетая, по-юношески подвижная, оптимистически улыбчивая, миниатюрная женщина. И наоборот, муж ее, Норман Фрихилл, был человек крупный, спокойный. И такой же, как супруга, дружески общительный. Позже мы узнали: он член Австралийской коммунистической партии.

К счастью, после многодневных дождей погода установилась, и нам сопутствовало обнадеживающее летнее утро. День начинался теплый, солнечный. Легко дышалось.

Миссис Кьюсак расположилась рядом с водителем, ей никак не сиделось спокойно. Она с большим любопытством реагировала на все, что встречалось на нашем пути, и восхищалась, что-то быстро говорила по-английски. А когда увидела впереди молодой березовый колок, через переводчицу попросила остановить машину, с удивительной

легкостью выпрыгнула из нее, счастливо улыбаясь, так же легко перемахнула через кювет, подбежав к лесу, величественно вознесла вверх руки и в восторге закричала. Переводчица сказала:

— Миссис Кьюсак кричит березам: "Здравствуйте, дорогие красавицы!"

Норман с фотоаппаратом заспешил к ней и в различных ракурсах стал фотографировать, а она, полная юношеской радости, то присядет, то прыгает, шумит.

Переводчица говорит:

— Миссис Кьюсак в восторге. Она говорит о дивной красоте сибирской березы. Она наслышана и начиталась о ней, но все это не то, что видит наяву! Говорит: "Почему русский поэт Есенин прекрасно сказал о вас, что вы зеленокосые в юбчонках белых и что вы белоногие, но как он не заметил того, что вы еще и прозрачные... Полюбуйтесь, господа, они просвечивают, через них я вижу свежий простор до горизонта!"

Кьюсак крепко обняла березу, целует ее, затем вторую, третью, а когда увидела, что березы щедро выбелили ее костюм, совсем расхохоталась, сказала: "Норман, это подарок, это на память!"

Потом она, словно оправдываясь, серьезно говорила:

— Пожалуйста, не удивляйтесь и не осуждайте меня. В Австралии природа богата, но там таких чистых, светлых, веселых, прозрачных деревьев нет. Наши деревья прекрасны, но они все темные, коричневые, серые и непрозрачные. Я правду говорю, Норман?

Норман соглашается.

— Мы ехали к вам через Англию, — говорит миссис Кьюсак, — и там нас очень пугали: "Казахстан — это голая пустыня с кочевым народом, возьмите с собой сухарей, иначе умрете с голоду. Целина — это пропаганда". А мы видим здесь прекрасные божественные леса, хлебные поля и теплые жилища.

Вспоминая этот эпизод, похвальные слова литератора с мировым именем о нашей вроде бы незамысловатой природе и особенно о березовых лесах, которые миссис Кьюсак назвала и божественными, и прозрачными, мы, живя среди них, свыкшись с ними, перестаем замечать эту прелесть, достойно ее ценить и любить. Более того, абсо-

лютно не заботимся о них, не занимаемся очисткой, уничтожаем, сжигаем; целые рощи с оголенными в результате вымочек, пожаров, химообработки и активных выпасов скота вершинами "красуются" годами. А сколько еще самовольных порубок, "не замеченных", к тому же, лесоохраной!

В августе, будучи на грибной охоте, мы забрели в молодую березовую рощу по соседству с центральной усадьбой совхоза "Рощинский" и наткнулись на вопиющее преступление. В ее середине словно упал Тунгусский метеорит — беспорядочно повалены березы, — кто-то даже не отделил их от пней, до вершин срезал зеленые сучья и унес с собой.

— Это для веников, — уверенно сказал мой спутник, — теперь ходит в баньку, мерзавец, парит свое брренное тело.

В лесхозе мне сообщили, что величина нанесенного браконьером ущерба значительна:

— Даже в прежних размерах браконьер, если бы он был пойман, должен был уплатить штраф и за стоимость погубленных берез 7200 рублей. Но, к сожалению, преступник оказался непойманным, а ведь обитает-то он не иначе как по соседству — село-то в трехстах шагах.

Не снижается у нас и ежегодное число лесных пожаров по вине людей, живущих рядом с прозрачными и божественной красоты березами.

1962 г.

С ПРИРОДОЙ ШУТКИ ПЛОХИ

Мы теперь только стали осознавать, что богатства нашей природы не беспредельны. Что она не терпит насилия и жестоко мстит за нарушение экологического равновесия. Когда ученые сообщают нам, что в мире исчезли 150 видов зверей и птиц, на 20 миллионов квадратных километров стало меньше пригодной для сельского хозяйства земли, человечество ежегодно теряет 12,5 миллиона гектаров, с лица земли исчезают озера и реки, а рыбные запасы сокращаются, то становится не по себе. И досадно, что во всех этих бедах повинен человек — Венец Природы, наделенный разумом, способнос-

тью предвидеть, обязанный обогащать и украшать природу, приумножать ее богатства... Не парадокс ли — человеку надлежит защищать окружающую его среду — от кого? Да от человека!

Еще совсем недавно, при жизни нынешних поколений река Иманбурлук в Сергеевском районе не пересыхала целое лето, теперь же оживает только в весенний паводок. Она была полноводной и богатой рыбой, когда на ее берегах появились села Кириловка, Казанка, Ольгинка, Соколовка.

Когда-то в восточной части нашей области параллельно с Ишимом протекала река Камышловка, впадающая в Иртыш. Текла тысячелетиями. Но появился у ее истоков, перемахнув через Урал, бежавший от крепостничества человек... И она исчезла, оставив высохшее русло и десяток озер: Малый и Большой Тарангулы, Сарыгуль, Жаланды, Балакты, Аксуат, Базарал, Толдыарал, Жлдызек, Улькенжорма, Питное — у села Полудино.

Ученые считают, что это исчезновение связано с вырубкой лесов, распашкой лугов, осушением пойменных болот и сооружением запруд и отводов мелких притоков, питающих поток.

Но это произошло так давно, что теперь бесполезно рассуждать о причинах исчезновения этой реки, а лучше взяться и восстановить Камышловку и хотя бы частично разгрузить стонущий от напряжения Ишим, питающий водой нашу и соседние области. Именно за это взялся трест "Союзцелинвод". Многие уже сделано. Появились надежды на то, что скоро в восточной части нашей области заполнит свои берега и все десять озер древняя Камышловка.

Можно простить наших предков из XVIII века — они были неграмотны. Но почему мы терпим преступное отношение к природе в наше время? Почему никто не ответил за гибель уникального озера Чаглы (Чангиз), в котором еще при освоении целины мы и кокчетавцы вели промысловый лов рыбы? Около тридцати ее видов обитало в нем — особенно озеро славилось изобилием крупного сазана, который, как я помню, тоннами на грузовиках доставлялся в торговую сеть нашего города.

Теперь озеро Чаглы, размер водной поверхности которого превышает зеркало Целинного водохранилища — 200

кв. километров, — обмелело, а зимой промерзает. В нем исчезла вся рыба, кроме карася, которого осталось совсем мало, да и то только у берегов кокчетавцев.

Все это говорит о безответственном отношении людей к природе, чего она не прощает. Становится страшно за судьбу экологического равновесия. Прошло всего-то 260 лет, как был заселен этот благодатный край нашими предками, которые рубили деревья для строительства жилья и отопления, пользовались водой, добывали рыбу, охотились на животных, но хорошо отлаженного природного механизма не нарушали. Флора, фауна, атмосфера, подпочвенные воды и почва — вот составляющие того механизма, которые в течение многих тысячелетий срабатывались друг с другом. Человек и сам был частью этого великого содружества.

Могут возразить, что те времена нельзя сравнивать с нынешними. Теперь, дескать, и населения куда больше, и технический маховик так раскрутился, что его не остановишь. Всюду ведется большое строительство, растут посевные площади, увеличивается потребность в воде. Все правильно. Но не безумство ли — опаживать озера под самый урез воды, где обычно и почва-то — сплошной беляк, хлеб на ней не вырастишь. А вот пашем ради плана! А чего натворили по соседству с нашим областным центром! Ведь прежде чем возводить дамбу вокруг озера Большое Белое, надо было тщательно изучить экологический фактор, а если на это не хватило знаний у инженеров-строителей ТЭЦ-2, так спросили бы у стариков из соседнего села Пеньково о нравах этого водоема. Те рассказали бы, что Большое Белое и Пеньково — единая водная система. Первое во время весеннего паводка, преодолев невысокий водораздел (где теперь проложена трасса на Омск), наполняет второе, а его, в свою очередь, питают водой соседние леса, где за зиму обычно скапливается большое количество снегов. Это инженерами не было учтено. В результате дамба принесла немало бед. Пеньково исчезло. А снеговые воды с полей и лесов, наткнувшись на преграду в виде дамбы, растекаются по плодородным полям совхоза "Рощинский", превращая их в болота. Буйные леса рядом с Белым теперь вымокли и отступили на далекое расстояние. А ведь стоило только

соорудить траншею в сторону обмелевших от опашки соседних озер Малое Белое или Карабалку — и такого бы не случилось, а чтобы сохранить водоем, надо было с первых же дней заложить в дамбу соответствующего размера трубу с заслонкой. Правда, это все же сделали позднее, в 1986 году, и озеро ожило, но потребовалось немало лет, чтобы доказать нарушителям экологии их вину перед природой, перед жителями села Пеньково.

А возьмите излюбленное место отдыха горожан — озеро Пестрое, где раньше был оборудованный просторный пляж с лодками напрокат. Как было нарушено экологическое равновесие здесь? Вокруг водоема с зеркалом в 200 гектаров была воздвигнута полутораметровая гранитная стена, что обошлось, кстати, государству в копейчку, — и началась настоящая экологическая катастрофа. Не оказалось места для нереста; наткнувшись на преграду, паводковые воды, не попавшие в озеро, по берегам образовали болото; если прежде из водоема выбрасывало волнами на берег льдины вместе с водорослями, что облегчало ее очистку от растительности и всевозможных загрязнений, теперь все это "добро" остается у стены, гниет, оседает на дно, заражая воду. Происходит обеднение кислородом, которое приводит к заморам рыбы и отравлению воды.

Если оставить эту гранитную стену, особенно в северо-восточной части озера, где влияние господствующих западных ветров наибольшее и куда, по закону природы, прежде выбрасывалось больше всего нечистот, то в ближайшие год-два этот водоем окажется непригодным ни для обитания рыб, ни как зона отдыха людей.

А сколько фактов неосторожности в обращении с химикатами, непродуманного размещения силосных буртов вблизи озер, систематической опашки, гибели всего живого в наших водоемах!

И все это, как показывают проверки на местах, — не нарочно, не по злобе какой-то, а из-за незнания законов нашей хрупкой природы, не терпящей нарушения равновесия, которое сложилось за многие тысячелетия.

Бережное отношение к окружающей среде каждого человека должно формироваться с детства, в семье, школе, средних и высших учебных заведениях, на производстве.

1991 г.

ЗАПАДНЯ

Когда мне пошел десятый год, отец изготовил мне косу. Вместе с кузнецом дедом Захаром из большой дедовской косы смастерили они маленькую литовочку.

— Змей, а не коса! — расхваливал отец. — Старинная сталь. Ею косили твой дед и прадед.

В этот же день он повел меня к берегу Ишима, где буйно росла лебеда. На ней-то он и решил учить меня, будущего косаря.

Прошел сам рядок.

— Понял? А теперь держи — и с Богом.

Конечно, коса меня не слушалась. То и дело втыкалась в землю или "зажевывала". Но отец настойчиво разъяснял, снова и снова брал мою литовку, которую я уже полюбил, косил и приговаривал: "Так ее, вот так ее, так. Держи ее на весу, от земли-то на вершок и захватывай поменьше, тогда и зажева не будет. И валок укладывай ровненьким рядком".

В то время я только что избавился от малярии. Трясла она меня всю зиму и весны прихватила. Силенки были истощены, я быстро устал, но старался не выдавать свою слабость.

В следующий день надо было накосить траву для Гнедка. Утром, как обычно, на зорьке мама должна была поехать на городской базар с овощами.

Дело было к вечеру, отец подозревал меня украдкой от мамы и говорит:

— Понимаешь, дело какое. Сейчас мне на сходку идти... Может, ты справишься?

— Накосим, — сказал я уверенно.

— Давай с Ванюшкой. Только матери — ни гу-гу.

Да, если бы мама узнала про этот заговор, ни за что не отпустила бы нас, да еще так поздно, на закате солнца.

Сели мы с Ванюшкой (ему было шесть лет) в новый, только что сплетенный отцом короб и поехали на луга поймы Ишима, где я уже не раз бывал с двоюродным братом Панкой Колоколовым, который был старше меня на целых

пять лет. Но тогда он косил, а я подбирал укос и складывал в телегу. Теперь мне косить, а Ванюшке подбирать.

Поторапливая Гнедка, ехали мы вдоль берега Ишима. Солнце скрылось за горизонтом. Можно было тут же, у дорожки накосить, но мне захотелось удивить Ванюшу своим мужеством, я приподнялся на колени, повернул Гнедка вправо, стегнул его и помчался к лучшим травам. Но как только Гнедко набрал скорость, переднее колесо наскочило на заросший вязелью пенёк тополя, ходок подскочил, накренился и мы с Ванюшкой вмиг оказались на земле под коробом. Гнедко остановился. Он понял, что приключилась беда. Зато мы не сразу осознали, что произошло. Лежали под коробом, ощупывали у себя больные места. У Ванюшки на глазах — слезы.

— Давай спинами поднимать короб, — сказал я.

Но как ни старались, ни кряхтели, короб не поднимался. Он был еще сырой, не успел высохнуть, и поэтому оказался увесист — не по нашим силенкам.

Стоим на карачках и слушаем тишину. Издалека доносилось только дружное кваканье лягушек да вблизи — сплошной занудный писк комаров вокруг короба.

Видя безвыходность, мы подняли громкий рев, рассчитывая, что кто-нибудь услышит и придет на помощь, все-таки в этих местах у многих огороды, вдруг кто, на наше счастье, задержался.

Долго, до утомления возгудали, но все без толку. Вскоре Ванюшка, зарывшись в вязели, уснул.

Я лежал и слушал, как Гнедко, не теряя попусту время, приступил к кормежке, постепенно удаляясь вместе с ходком от нашей "западни".

Густой писк комаров не переставал. Они приноровились проникать к нам. Мне пришлось отмахивать их от себя и от спящего Ванюшки. А тут еще появился какой-то зверек. Шелестя в траве, заюлил вокруг короба, громко обнюхивая его. Вот он прямо возле меня, швыркает своим нюхалом. У меня — мурашки по спине, но я тоже по-кошачьи фыркнул ему в морду, которой, правда, не видно было, но он испугался и убежал. "Наверное, барсук", — подумал я.

"Сорвали мы мамину поездку в город, — беспокоился я. — У нее полная кадка пучков морковки, залитой водой,

вилочки капусты, свекла, брюква — все завянет да задрябнет за день, а потом никто не купит. Теперь только днем нас кто выручит, а может, тятя прибежит и найдет нас”, — рассуждал я в томительной дреме. Мне кажется, что я тогда много-много раз засыпал и тут же просыпался. Комары не давали покоя. К счастью, ночи июльские коротки. Я почувствовал приближение утра, а с ним и постукивание колес — кто-то ехал. Я быстро растолкал Ванюшку: “Вставай! Кто-то едет. Давай кричать будем”. Пока он чухался, я закричал: “А-а-а!”. Ванюша подключился: “Ы-ы-ы-ы!”

Когда звуки колес исчезли, я подумал, что их и не было, мне просто показалось. От этого да от обиды я еще сильнее заорал. Не отставал и братишка. Мы возгудали до тех пор, пока не услышали совсем рядом спокойный голос мужчины:

— Это что за волки? — сказал и перевернул короб. — Чьи будете?

— Аверины мы, — сказал я сквозь слезы.

— Ну так беги за своим Гнедым.

Я быстро нашел его и подъехал. Мужчина с трудом поднял и установил короб на ходок.

— Чего же отец забыл привязать к дробинам короб-то?

Он нашел в своей телеге кусок проволоки, прикрепил короб, спросил:

— Меня-то вы знаете?

— Знаем, — ответил я, — ты дядя Самудинов.

— Что, косить будете?

— Нам теперь некогда. Маме на базар надо.

— Ну так гоните. Заждались, небось, родители-то.

Он был прав. Уреванная мама теперь плакала от радости, обнимала нас, целовала и приговаривала:

— Да милые вы мои. Да как есть живехонькие!

— А где тятя? — спросил я.

— Так вас ищет по лугам. С полночи убежал.

После выяснилось: крик наш отчаянный он услышал, но пока добрался до нас через дебри, мы, напонуживая Гнедка, уже умчались домой.

А на базар-то мама все же не опоздала.

1993 г.

ВАНЬКА-КУЯН

Ванюшке — четырнадцать, а он все еще какой-то неудачник — то дружки приведут его домой, спасенного на озере утопленника, то жеребенок залягал за излишние забавы с ним, а еще с возрастом у него возрастали обиды и зависть, особенно ко мне:

— Да, тебе-то что, в барирах ходишь, у тебя и берданка, тебе и гармошку купили, сапоги на медных шпильках, кепку-американку, а мне даже пугач не хотят купить.

Это же он отцу высказывал, а тот сказал:

— Рановато тебе берданку. Перебьешь всех скворцов и дятлов. Да и дружкам твоим угроза — под страхом ходить. Будет умишко, будет и ружьишко. А что касемо гармошки, так вам и одной хватит.

Однажды Ванюшка мне высокомерно так говорит:

— Ты хоть и с берданкой на охоту ходишь, а часто впустую. Порох жжешь, дробью фуркаешь, а толку — ни фиги. А я вот без ружья зайцев наколошмачу, сколько надо.

— Ты что, догонять их будешь или Белка поможет? — спросил я.

— А я без собаки. И сам догонять не буду, и зайчики сами ко мне явятся.

Выглядело это смешным, и в то же время думалось: а что, если и в самом деле? В те далекие двадцатые годы можно было и поверить — зайцев была тьма. Они наносили большой урон урожаю, спутывали хлеба. Пеньковцы в 1925 году были вынуждены через газету “Мир труда” обратиться к охотникам города с просьбой провести отстрел зайцев. Дети потешались, гонялись за ними, окружали в ветвистых кустах. А зимой в каждом колке видны были хорошо утопанные тропы. Ставь петли — и ежедневно будешь с добычей.

Наш Иван повел вдруг какой-то загадочный, скрытный образ жизни — нет-нет да и исчезнет куда-то, а тут не было его весь день. Вечером я обежал его дружков — все дома, говорят, видели его с лопатой. В леса ушел. Мы встревожились. Приближалась ночная темь. Не дождавшись его, сели ужинать во дворе. С озера веет мягкий ветерок, пахнущий мхом. Перестали базарить чайки, редко где-то кряк-

нет не определившаяся на сон утка или глухо бухнет выпь.

— Господи! Да где же мой сыночек? — сокрушалась мама. — Что же вы сидите-то? Ночь на дворе, а его с утра нет, не обедал.

— Да где его искать, в каком лесу? — ответил отец и для успокоения добавил:

— Если видели его с лопатой, значит, солодку копает...

В это время за воротами протарахтела телега, и мы услышали голос Мокатая: "Прощай, куян*, ха-ха-ха!" Телега уехала, а в калитке появился истерзанный, еле передвигающий ноги наш Иван. Рубаха висела грязными комьями. На теле видны царапины и запекшаяся кровь. Увидев нас, пустился в рев.

— Кто тебя так? — спросил отец.

— Зайцы! — неумоимо всхлипывая, ответил Иван.

Всем бы расхотаться, но при виде его безысходного горя, слез и грязи, размазанной по лицу, нам стало не до смеха. Оставив ужин, все засуетились, отец с матерью наскоро, прямо во дворе обмыли его, а многочисленные царапины на теле облепили сочными листьями подорожника. Одели и, усевшись за стол, молча продолжили ужин. Ванюшка жадно напал на еду, а мать приговаривала:

— Бедняжка ты мой, промялся-то как. Ешь, ешь, а ранки твои заживут. Вот дожили, зайцы — и те нападать стали, а все за грехи наши.

Я не утерпел:

— Только хорьки, если им досадить, могут напасть, а тут зайцы! Врет он.

— Ты действительно, Иван, что-то перепутал, — сказал отец.

— Я правду говорю — зайцы меня! А ты не хихикай! — прикрикнул он на меня.

— Ну так расскажи все по порядку, — попросил отец.

И он рассказал. Где-то подслушал, как надо ловить зайцев ямкой. Вот и решил потаенно от нас выкопать колодец чуть поглубже своего роста. Нарвал спелой пшеницы и колос к колосу, прижав корешки бревнышками, прикрыл ими западню. Все шито-крыто. А сегодня утром поспешил за добычей. И что же? Когда приоткрыл ямку, увидел в

ней двух зайцев. Возликовал Иван и, не подумав о последствиях, тут же прыгнул к ним, а зайцы не растерялись и мигом использовали его как лестницу. Трещала рубаха, в тело впивались острые когти. И не успел он понять, что произошло, зайцы исчезли.

— Чего ж ты целый день сидел в яме-то? — спросил отец.

— А как бы я выбрался, если со мной не было ни лопаты, ни даже палочки. Карабкался я, потом орать стал, орал-орал, но никто за целый день меня не услышал. К вечеру мне страшно стало. В лесу какой-то зверь или птица гугукает, как старик... Кто-то бегаёт по лесу. А потом я услышал, кто-то, вроде, едет. Кричать опять стал. Потом телега остановилась, подошел Мукатай и говорит: "Ой-бай, куян попался". Он смеется, а я плачу да плачу.

Не думали мы тогда, что наш Ваня-куян, сплошной неудачник, когда вырастет, станет трактористом, потом кадровым офицером, будет награжден за участие в боях на Хасане, а в годы кровавых битв с гитлеровской армией одолеет боевой путь от Курского плацдарма до Будапешта. Освободив Киев, на киевлянке женится. На пенсию пойдет в звании майора, при трех боевых орденах и нескольких медалях. Будет жить с семьей в Днепропетровске, где случится с ним последняя неудача — трагическая, нелепая гибель при переходе многопоточной трассы.

1993 г.

МОЯ РОДНАЯ ДЕРЕВЕНЬКА

Много лет замечаю: у большинства выходцев из села где-то глубоко в душе живут и тоска, и вина за то, что исчезли их родные деревни или покинули они их сами.

Не обошла такая судьба и меня. Но все же я оказался счастливее других: деревенька моя сохранилась, живет, даже растёт и с каждым годом добрее, а это радует.

Прошло 62 года, как мне вместе с друзьями юности суждено было, не без боли, оторваться от родной земли, от села Пеньково, в котором мы с отцом в 1923 году пер-

* Куян — по-казахски "заяц" (авт.)

выми, покинув Новопавловскую станцию, построили жердянку, казалось, осели на земельном уделе своих дедов и прадедов...

До сих пор я не прерываю связи с родной деревенькой, у которой за все эти годы жизнь была густо намашена и печальным, и забавным. В годы коллективизации основная часть молодежи, волей навязанной судьбы, пошла на распыл — кто на курсы, а кто, отслужив в армии, в село уже не вернулся. Не стало многих семей. Слезно оплакивая свои плетни, жердянки, родные гнездовья, пашни, дивные березовые рощи, благословенные озера, Бог весть куда поуезжали. Некоторые, в каких бы райских местах ни побывали, в моменты политических затиший возвращались, заново наскоро строили себе насыпные и деревянные избышки и начинали жить, от зари до зари трудились на родных пашнях. Но не успели снова обжиться.

Нагрязнул новый, более страшный политический обвал — охота на врагов народа. Как-то в 1938 году примчалась машина пикап по чьему-то доносу, забрали прямо на поле 8 мужиков “за участие в троцкистско-зиновьевском блоке”, увезли — и с концом! Семьи этих “врагов народа” от позора — кто куда. А те, кто замешкался с возвращением в Пеньково, испугались — не вернулись.

Молодежь в селе вообще не задерживалась. Разъехались кто куда. Знаю, у многих была первая любовь, но растаяла. И все же были в селе такие, что, на удивление, продолжали цепко держаться за землю, за родное село. Жили на охвостях, получаемых по трудодням, да на картошке с собственного огорода. Не сорвались с места, выстояли! Это Долгопаловы, Кузнецовы, Кольцовы, Кочневы, Нетесовы, Бояновы, Ромазановы, Рогозины, Исмаиловы и другие.

Держались за деревеньку даже тогда, когда ее, как штормом, швыряло в разные стороны: то, не спрашивая жителей, припишут к откормосовхозу “Белое”, то к “Березовскому”, то к “Токушинскому” — да так вот пять раз! Каждый новый хозяин норовил чем-то поживиться на пеньковских угодьях — или живностью, или земелькой. Например, совхоз “Токушинский” вдоволь имел своих угодий, но, используя власть, отхватил у пеньковцев 2600 гектаров земли, а вернуть не спешит. Теперь новый обвал: немало зе-

мельных угодий отнял город для дач горожан и привилегированным господам под их сказочные терема-коттеджи. Кстати, о коттеджах. К ним, не считаясь с большим расстоянием и большими расходами городского бюджета, под неустанным контролем городских властей, сооружается теплотрасса, а вот пеньковцы (совхоз “Рощинский”) несколько раз обращались к городу с просьбой разрешить продлить — за свой счет! — теплотрассу от села Белое или Свинокомплекса, так отказы были категоричные: не хватает, дескать, мощностей ТЭЦ-2, нет труб, нет подрядчиков. А рощинцам обидно, они ведь всеми силами стараются обеспечить город овощами, молоком, мясом. Они не против того, чтобы в коттеджах тоже было тепло, но и к ним должно быть внимание!

Пеньковцам до горечи обидно, когда с лица земли наконец, подневольно, как неперспективные, сносились Черепково, Софонково, Октябрь и Березовка (Нойеслебен) — богатейшее село, и само Пеньково стояло на очереди сноса. Сносить не сносили, а нервы людей трепали, терялась вера в светлое будущее, жилось в страхе. Трудились поэтому ни шатко ни валко, убыстрялось запустение — и Пеньково, и Березовки (все равно, мол, будут сносить). Слава Богу, пронесло! Нашлась умная голова — в этих селах создали совхоз. И поскольку на угодьях всюду красуются березовые леса, назвали его “Рощинский”.

С тех пор прошло не так уж много — всего 15 лет, как люди обрели покой, уверенность, а насколько все изменилось! Село выросло, похорошело, изменилось. Жердянки, плетеные насыпушки, временка, в шутку названные сборно-щелевыми, стали музейной редкостью, они кое-где еще сиротски притаились между добротными кирпичными и деревянными трехкомнатными домами с центральным отоплением от собственных довольно мощных котельных, построенных на центральной усадьбе в Пеньково и на отделении в Березовке. Люди теперь уже не представляют, как можно обходиться без газа, электричества, радио и телевидения.

Председатель рабочего комитета Валентина Васильевна Васильева рассказала мне, как реставрировали и отлично подготовили к зиме ранее запущенный клуб в Березовке. А на центральной усадьбе даже горожанин не смо-

жет скрыть восхищения, побывав в Доме культуры, в котором также размещена библиотека с приличным книжным фондом. А вообще-то в Пеньково три библиотеки — есть еще школьная и личная, но для всех доступная — известного и в области, и республике книголюбца Николая Петровича Анисина, у которого книжный фонд насчитывает 6500 томов. Постоянно увеличивается число семей, имеющих собственные книги, а ведь в двадцатых и тридцатых годах, пристрастившись к чтению, я мог их добывать только в городе, у друзей своего отца.

Дом культуры привлекает не только современным интерьером, но и обслуживанием людей. Кроме показа кино действуют хор, вокальные группы — казахская и фольклорная пенсионеров, клуб "Родничок".

За последние два года совхоз провел большое благоустройство, как в Пеньково, так и в Березовке завершено асфальтирование улиц, животноводческих ферм и других производственных площадок.

— Теперь наши доярки в любую погоду ходят на работу не в резиновых сапогах, как это было еще весной, а в туфельках да в кроссовках, — не без гордости говорят пеньковцы. — А возьмите, например, помещения животноводческого комплекса — здесь есть все условия, о которых раньше и не мечталось, — душевая, сауна, физиокабинет, санпропускник, гардеробная, комната отдыха, красный уголок — настоящий профилакторий!

Создав благоприятные условия для животноводов, повысив заработок, совхоз избавился от постоянной нужды в кадрах. Сейчас на каждое освободившееся место находят желающие. Охотнее включается в труд молодежь.

Улучшение условий труда и быта заметно двинуло эконоимику вперед. Совхоз приобрел мельницу, маслобойку, скоро будет пущен колбасный цех. В прошлом по вине могучего соседа — ТЭЦ-2 — соседнее с селом озеро Пеньково исчезло, десять лет жили без него, но теперь совместными усилиями снова оно заполнено водой, оживилось дикой и домашней птицей, здесь опять гнездятся лебеди, появилась рыба.

В Пеньково есть медпункт, аптека, продовольственный и продуктовый магазины, столовая. В прошлом году по инициативе учителя Марии Петровны Киселевой с помо-

щью жителей села при средней школе открыт совхозный музей. Помогли чем могли пенсионеры — бывший учитель Николай Каллистратович Сазонов, книголюб Николай Анисин, школьники. Не стерпел, подключился и я, первожитель села.

Не знаю, прав я или нет, но когда-нибудь жизнь наших людей по-настоящему улучшится, и заранее предполагаю: на противоположном берегу восстановленного озера, в молодой роще, на песчаной почве, в цветах и сочной зелени непременно будет выстроен в стиле того времени прекрасный профилакторий для жителей моего села. Там, переплыв на лодках, люди будут проводить культурный отдых, наслаждаться природой.

Но над улучшением окружающей среды, на мой взгляд, пеньковцам надо серьезно поработать. В соседних рощах много валежника и сухостойных деревьев. Здесь необходима посадка сосны, боярышника, черемухи, дички, возможно, и ягодных.

Прошло много лет, но память сохраняет добрые дела.

Наш хутор насчитывал всего-то 10 дворов. "Съехались бешара голопузая", — смеялись мы сами над собой. Все были однолошадники. За годы гражданской войны, в страшную засуху 1921 года ходили в заплатах, полубосые, но не прошло и трех лет, как стали жить в достатке. Нас выручили лесной валежник, который мы превращали в дрова и продавали в городе, рыба из озер Пеньково и Кешкебиш (коробами возили золотистого карася на базар) и особенно бахчи — прекрасные арбузы и дыни. В шутку говорили: "В город — короб арбузов, а из города домой — полкороба денег". На соседнем озере каждая семья выращивала почти без расходов табуны гусей и уток. Пашня, сенокосы — все рядом.

Одеваться стали по-городскому, справно. Весело отмечали все праздники. Плясали уже не под заслонку, а под вятские благозвучные гармошки. По случаю первого новорожденного на этом хуторе — моего братишки Митюхи — на общем сходе было решено престольным праздником считать Дмитриев день.

Летом трудились от зари до зари, но зато зимой жилось вольготно.

Все эти удобства и блага хуторской жизни соблазняли

многих, и через 2—3 года население утроилось за счет переселенцев из Новопавловки и кочевого аула Исмаила.

Ну а теперь это — большое село — 250 семей и многонациональное: русских — 745, казахов — 327, немцев — 96, украинцев — 79, татар — 38, белорусов — 24, эстонцев — 12, есть поляки, ингуши, башкиры — всего 11 национальностей. И живут все дружной семьей, что и радует меня, непосредственного участника рождения этого села, в котором прошли мое детство и юность.

Здесь, на этой земле, много лет назад в поте копошились с деревянной сохой мои прапрадеды, с однолемешным плугом — деды, мой отец (да и мне довелось) от зари до зари ходил за плугом, сеял зерно из лукошка, полел вручную, вязал снопы, ставил суслоны, молотил цепом.

И ничего для меня здесь не было краше таинственных зеленых рощ и летних зорь. Я и до сих пор убежден в том, что село мое всегда первым встречает восход солнца.

1992 год.

ЧТО МЫ ОСТАВИМ?

Природа нашего края зимой и летом прекрасна. Берега Ишима, березовые колки, холмистые поля, многочисленные озера и неоглядные просторы оставляют волнующее впечатление. Но, пожалуй, наиболее глубокое чувство радости вызывают у человека те уголки природы, которые он понимает и душевно воспринимает как особенно близкие и родные места.

Кого оставит равнодушным встреча с птицами и зверьками, поход за ягодами или прогулка в лес, чтобы послушать пение крылатых! А ведь все это воспитывает в человеке эстетическую культуру, вызывает положительные эмоции.

Однако технический прогресс, огромный размах освоения целинных и залежных земель, неграмотное, а порой и безответственное применение удобрений и химических препаратов уничтожили много полезных животных и растений. Пастбища скота в лесах резко уменьшают водопроницаемость почв, что отрицательно сказывается на наших

березовых рощах. Чернотал, осинник, из которого в старину делали лодки-долбленки, стремительно исчезают.

И еще одна беда — не умеем мы вести себя на природе, особенно это относится к молодежи. Каждую весну, например, группы школьников устремляются в лес — отдыхать на свежем воздухе, полюбоваться на красоту окружающей нас среды. Такие походы, по себе знаю, запоминаются на всю жизнь. Но хорошо, если это не безумные набеги на нашу серьезно больную природу, которая нуждается теперь уже не столько в охране, сколько буквально в спасении!

Понятно: дети есть дети, в них много энергии, они стремятся к действию, а то и просто к бравате: вот, мол, знай наших! И с оглушительными криками врываются в лес, распугивая все живое, а часто, к сожалению, и балуются с огнем. Только в результате небрежного обращения со спичками произошли губительные пожары в Сергеевском и Пригородном лесничествах. Лесная охрана часто находит костры, оставленные незатушенными на опушках, а то и среди деревьев.

Все это — результат низкого уровня экологического воспитания детей родителями и в школе.

В мае прошлого года наша газета в статье “Экскурсия или набег?” сообщила: “В теплый майский день в тополиной роще во время орнитологических наблюдений мы встретили большую группу учеников школы № 14 города Петропавловска. Цель их экскурсии — отдых на природе. И ребята шумели на весь лес, гоняясь друг за другом, боролись, вытаптывая все, что попадало под ноги. А рядом на поляне сидели две женщины, очевидно, учителя. Они оживленно беседовали о чем-то своем и не обращали внимания на учащихся”...

Недавно мне довелось в кинотеатре “Заря” встретиться с учениками этой школы. Прежде чем начать беседу об экологии, я спросил: кто является членом Общества охраны природы? В зале подняли руки только три ученика. Это возмутило одну из учительниц:

— Как же так, ребята? Вы что, забыли, что все мы члены общества?

Возможно, все они члены общества и даже вносят свой символический взнос — 5 копеек в год, но вот о своем долге

— хранить природу — забывают. В четырнадцатой, да и в других школах дело охраны природы находится на низком уровне. Только поэтому экскурсии превращаются в элементарные набеги.

В нашей области 170 тысяч членов общества, в том числе 99 тысяч юннатов. Это, естественно, в основном школьники. И если бы каждый из них добросовестно выполнял перечисленные в членском билете обязанности, принимал бы активное участие в работе одной из первичных организаций или секций, если бы сам вел активную пропаганду, наша природа пребывала бы в покое и приумножалась.

Больно видеть, когда юноши ломают деревья, разводят костры в лесу, разрушают муравейники, разоряют птичьи гнезда, уничтожают полевые цветы. Чтобы этого не случилось, нужно не формально, а по-настоящему учить ребят бережному отношению к окружающей среде с детства, любить ее и дорожить ею всю жизнь.

Вовлечение школьников в природоохранную работу имеет огромное значение для настоящего и будущего. В школе мы должны готовить детей к тому, чтобы они могли не только принять, но и беречь, приумножать природные богатства. Но такая готовность воспитывается не словами, а делом, непосредственным участием в этой нужной и благородной работе.

Хорошим примером служит Кондратовская восьмилетняя школа. Силами ее лесничества проводятся очистка леса от валежника, выращивание саженцев и семян клена, прополка и рыхление почв, сбор фруктов, семян клена, березы, изготавливаются и устанавливаются в лесах кормушки для диких животных и гнездовья для птиц.

В школах Бишкульского района организуются "неделя биологии" и конкурсы "Природа глазами детей", работают зеленые и голубые патрули, каждой весной проводятся месячники по озеленению, высажены и выращены многие тысячи декоративных и плодовых деревьев. Бишкульская средняя школа неоднократно побеждала в областных конкурсах на лучшее комплексное озеленение и цветочное оформление районного центра. Богатый опыт воспитания у детей любви к природе, непосредственного участия в посадках и уходе по выращиванию садово-ягодных

растений, разведению цветов в школьных дворах и на закрепленных участках и культурному общению с природой накопился также и во многих городских учебных заведениях. Лидирует в озеленении своего участка и закрепленного городского сквера не первый год школа N 1 им. В. И. Ленина под руководством опытного биолога Нурикамал Сагандыковны Сактагановой. Вот уже четыре года подряд школе присуждается Диплом первой степени Северо-Казахстанского областного отделения Казахского общества охраны природы. Школу эту строили на болотистом месте, и все, кто знал эту топь, считали, что ни о каком озеленении не может быть и речи. Но за семь лет с помощью шефа — завода имени Кирова, усилиями коллектива педагогов и учащихся земля стала плодородной. Множество декоративных и фруктовых растений, цветников радуют взоры прохожих. Но самое главное — каждый ученик считает себя хозяином сада, гордится им, активно участвует в прополке, поливе и уходе за растениями.

— Мы сможем спасти и приумножить природу, если научимся приобщать к ней человека с самого детства, — говорит Нурикамал Сагандыковна.

Мне много раз доводилось бывать в этой школе. Зимой и летом учащиеся держат связь с природой. В пору занятий выращивают цветы и рассаду, любовно ухаживают за "уголками природы", а во время каникул копошатся на пришкольном участке, где произрастает множество видов деревьев и цветов, акклиматизированных в суровых условиях нашего края. И все у них делается не ради показухи, а с заглядом в будущее, для себя и для будущих поколений учащихся.

— Лет через пять, — говорит Н. С. Сактаганова, — наша школа будет утопать в зелени и многолетних цветах.

ПОСАДИ И ВЫРАСТИ ДЕРЕВО

В наше просвещенное время мало кто не понимает, что среди зелени человеку легче дышится, не досаждают зной и пыль, не утомляют резкие шумы. В тени растений смягчаются световые контрасты.

Глаз отдыхает, мы с упоением вдыхаем аромат цветов и трав.

А ведь люди старшего поколения помнят время, когда в нашем городе деревья можно было увидеть (и почувствовать легкость дыхания) только в городском тополином парке да в скверике желтых акаций на Октябрьской площади. В общем, до конца сороковых годов наш город не озеленялся, а руководство имело "вескую" аргументацию: почва-де у нас неплодородная. Что и говорить, город в жару был пыльный, душный а в непогоду — непролазный.

Озеленение началось после войны с индивидуальных дворов рабочих эвакуированных заводов, а затем и фронтовиков, побывавших в других странах, где по достоинству умеют ценить зеленого друга. Убедившись, что грунт наш не так уж и плох, властям и населению ничего не оставалось делать, как серьезно взяться за озеленение, причем не только самого города, но и его окрестностей.

В районе озера Пестрое были только сосновый бор и березовая Куйбышевская роща, а с годами все оно оказалось окружено сосновыми и березовыми лесами.

Благодаря усилиям лесного хозяйства "Горзеленстрой" и садоводческих товариществ вокруг нашего города сомкнулось "зеленое кольцо".

Оказалось, что на почвах города успешно приживаются клен, дичка, ветла, береза, ель обычная, сосна сибирская, липа мелколистная, рябина и не очень-то желаемый из-за пуха, загрязняющего улицы, тополь обыкновенный. Так что земля наша плодородит. Чего не хватает ей — так это стабильного и целеустремленного озеленения. Все делается урывками, а за последние годы вообще наблюдается застой.

— Наш "Горзеленстрой" в прошлом на республиканских смотрах-конкурсах по благоустройству и озеленению города ежегодно занимал одни из первых мест, — говорит его начальник И. Г. Иванов, — но с переходом предприятий на хозрасчет дело идет к непредсказуемым результатам. Мы перестали получать от предприятий города заявки на саженцы. У нас сейчас море цветочной рассады, но прежних потребителей что-то не видно. Все ссылаются на хозрасчет, как будто цветы и зелень на предприятиях не стимулируют успехи в работе трудовых коллективов.

Есть еще одна проблема. Если взять все, что посажено за многие годы, городу пора утопать в зелени. Но этого не случилось. Причина — низкий уровень ухода за саженцами. В первое лето они требуют обильного полива, а его часто не делают, деревья гибнут, пропадают огромный труд и народные средства.

Многие считают, что поливать обязан "Горзеленстрой", но разве он, имея 6 машин, в состоянии обслужить весь город, тем более что у него самого до сих пор нет собственного водопровода, а плантации рассады большие! Много у нас газонов и скверов, за судьбу которых в ответе только "Зеленстрой".

Многие здания жилых домов, предприятий, магазинов, ресторана "Ишим", музыкального училища, кукольного театра до сих пор не имеют выводов из подвальных водопроводов для полива газонов из шлангов. Почему?

Без активного участия жителей и коллективов нам по-настоящему не благоустроить город, который, согласно существующим нормам, озеленен только на 50 процентов — всего насаждений на одного жителя приходится в среднем 4,5 кв. м вместо необходимых 9,12 кв. м. Посмотрите, сколько уже давно построенных многоэтажек стоят на голом месте; в массивах, отведенных под зеленые насаждения, гуляют пыльные ветры. На улице Кирова в районе магазина "Оптика" — пустырь в несколько гектаров, здесь бы отдыхать под кронами деревьев на скамейках престарелым людям с внуками! Но от робкой посадки, произведенной когда-то строителями, остались сиротинками несколько общипанных деревьев да разрастается сорняк. Что же люди, обитающие в девятиэтажках?

Теперь хочу рассказать о жителях нашего дома (улица Красноармейская, 57). Заселились мы в 1977 году и сразу обнаружили, что посаженные строителями деревца некачественные. И решили собственными силами озеленить не только дом, но и двор. Возник вопрос, где взять саженцы. Выход был найден. Один из жильцов сказал:

— У многих дачников небось найдутся излишки, которые выкорчевываются и выбрасываются. Предлагаю каждому эти излишки пожертвовать на озеленение нашего двора.

Предложение было принято. Каждый что-то привез и

посадил. С тех пор прошло 15 лет. И сейчас дом утопает в зелени. И как прискорбно смотреть на соседние дома, под окнами которых нет цветов, а стало быть, нет и радости.

Многие улицы нуждаются в подсадках у домов, в замене сухостоя здоровыми деревьями, так же, как и высокоствольных, посаженных кем-то по безграмотности под электрическими проводами, что создает опасность, и теперь "Зеленстрой" затрачивает большие суммы денег, опиливая эти деревья, а кочерыжки, в которые они от этого превращаются, ничего полезного не дают микроклимату и город отнюдь не украшают.

С большой грустью горожане не первый год смотрят на густые заросли чертополоха в парке Победы в районе БЖ, "красоты" которого были помпезно воспеты в дифирамбах упоительных речей в день его открытия.

Нет, нельзя нам не тревожиться, видя, что за последние годы озеленение города свертывается, а загрязнение воздуха с ростом автотранспорта все увеличивается и здоровье людей ухудшается.

1992 г..

СУДЬБА ЖЕМЧУЖИНЫ ГОРОДА

*Умный не всегда развяжет,
что глупый завяжет.*

У озера Пестрое — пестрая жизнь. А ведь это — жемчужина, гордость родного города, наш небольшой местный Балатон. В Венгрии упомянутое озеро имеет заботливых хозяев, всегда чистое, берега украшены павильонами, теремками, в которых бойко торгуют всякой вкуснятиной, прохладительными напитками, нигде не увидишь брошенного окурка или клочка бумаги. Там нет крикливых лозунгов "Все для людей!" — венгры без помпы и суеты, но добротны, экологически грамотно делают все для людей и для природы. Разведение и добыча рыбы, торговля и всевозможные развлечения дают венграм миллионные доходы.

Наш же "Балатон" — на грани гибели. Оставленная нам в наследство от бывшего руководства пресловутая гранитная изгородь вокруг него дает о себе знать. Изолированными оказались нерестовые места: всплывающая отжившая донная растительность, сбросы разного хлама уже несколько лет не выбрасываются волнами на берег, а оседают на дно, превращаясь в гниль, пагубную для животного мира. Из соседнего озера, названного Поганкой, вот уже второй год просачивается под Явленским трактом и сбрасывается в Пестрое нездоровая вода. Нездоровой ее назвал старший спасатель на водах Александр Шмидт, утверждающий, что те, кто купался летом поблизости впадения поганого "ключа", жаловались потом на чесотку: даже камни в том месте изменили свою расцветку.

— Обратите внимание, — говорит Александр Шмидт, — в это время каждую осень Пестрое заполнялось перелетной птицей, тут она питалась до самых заморозков, а вот нынче, как видите, — пусто. Иногда сядет табунок, да тут же и улетает. Наверное, вкус воды не тот стал.

И еще беда — расползание канадской элодеи. Она и раньше была, но в малом количестве, ее довольно успешно выдирали льдины, выбрасываемые волнами на берег. Теперь на лед, ни всплывающая растительность не выбрасываются.

Пока северо-восточный берег не избавят от гранитного препятствия, пока озеро не будет полноводным, пока волны опять не начнут выбрасывать всякую нечисть, оно не оздоровеет, а совсем обезрыбится и станет негодным для купания. Может случиться беда, если произойдет массовый замор рыбы — озеро не сможет ее выбросить на берег. Тогда господствующие ветры щедро "одарят" жителей города неприятным ароматом — и надолго.

Уже сейчас не найдется смельчака, который решил бы напиться из нашей жемчужины.

Все это — потому, что у озера много хозяев, но ни одного порядочного. До апреля 1986 года юридически оно находилось под властью рыбозавода, но было объявлено заповедником, вокруг него стояли аншлаги,

строго запрещающие даже подходить к берегу, оно бдительно охранялось милицией. Сам рыбозавод допускался к озеру только тогда, когда надо было запускать мальков для выращивания.

И пока оно было "заповедным"; в нем дважды происходил замор рыбы. Горожане, естественно, возмущались. Тогда облисполком принял решение, согласно которому водоем был передан в ведение Общества охотников и рыболовов для хозяйственного содержания, разведения рыбы и организации любительского лова жителями города. Горсовету предписывалось организовать культурную зону отдыха.

Без особого энтузиазма была взята эта ноша. Дело в том, что по велению прежних владельцев, которые в свое время присвоили озеро (а заодно и сосновый бор, заложенный горожанами), подкачку воды производили за счет бюджета города коммунальщики, но как только озеро было открыто для горожан, те "выключили кран". ("Платите — будем подкачивать").

Долго судили-рядили, а озеро мелело, зарастало канадской злодеей.

Опасаясь, что водоем вообще окажется мертвым, Общество охотников и рыболовов взяло на себя расходы (20—25 тысяч рублей в год), запустило мальков пеляди. А дохода нет, потому что вместе с водой накачали массу окуня. Для рыбаков-любителей — это благо, а для коммерческого промысла — не годится. В озере есть всякая рыба, но взять ее не так просто — злодея мешает, произвести очистку — у новых хозяев нет средств, да и необходимости для него никакой. Ведь кроме Пестрого общество имеет 75, хотя и не очень богатых, промысловых озер, план добычи рыбы ежегодно перевыполняется, даже рыбозавод, имеющий богатую оснастку и лучшие водоемы области, остался. Так что Пестрое стало обузой для общества, которое и "хозяйничает-то" не по заинтересованности, а потому, что находится под административным прессом.

Вот что говорят новые хозяева Пестрого: "Нас облисполком обязал развести рыбу и организовать любительский лов, а что сделало городское хозяйство? На пляже насыпало песочек да поставило грибочек и объявило это убожество "Зоной отдыха".

Сказать, что горсовет в этом занимает стороннюю позицию, нельзя. Дважды принимались решения по озеру Пестрое. Последнее — от 6 апреля 1989 года N 424 с большим (на четырех страницах) генеральным планом приведения в порядок городских пляжей, особенно Пестринской зоны отдыха; предусмотрена была и ликвидация гранитной стены и очистка дна от камней и окультуривание водоема, изготовление и установка летних столиков, скамеек, теневых навесов, 70 лежаков и оборудование футбольного поля, волейбольных и теннисных площадок, места для детских игр. Но все это, как и прежде, осталось на бумаге.

И, наконец, "коронный" номер. Учитывая, что за жаркое лето много воды испарилось, оставшаяся застоялась, горкомхоз по распоряжению горсовета был обязан произвести водообмен, то есть часть воды спустить в старицу, а свежей подкачать. Доброе дело. Но не согласовав ни с хозяином озера, ни с госрыбинспекцией и с ее специалистами-ихтиологами, работники горкомхоза в июне нынешнего года, в самый разгар икромета, загнали тяжелую технику в единственное на озере нерестилище, вспороли его, искорежили. Но страшно не это, а то, что глубина с 4 метров уменьшилась до 2,5. Вот уже четвертый месяц проходит, а воды свежей нет, зато в кабинетах идет бойкая переписка — общество охотников и рыболовов жалуется горсовету на комхоз и клянется: "За последствия снимаем с себя всякую ответственность". Госрыбинспекция в раздражении угрожает владельцу водоема штрафами в случае замора рыбы, обещая "раздеть донага".

Да, тревожиться есть основания. Судите сами: если глубина 2,5 метра, на дне 0,5 метра грязи, лед, бесспорно, будет метровым, то сохраниться может только карась. Белая рыба — карп, лещ, щука, окунь, чебак, пелядь, всего 12 видов — безусловно, погибнет, никакая аэрация не поможет.

Нам показали успокаивающие письма заместителя председателя горсовета В. А. Бондаря, где утверждается, что подкачка в Пестром ведется с 9 сентября 1991 года. Но вот 15 октября правление Общества охотников и рыболовов пригласило нас удостовериться на месте. И мы убедились: никакой подкачки нет. В общем, дело сдела-

но. Сделано, как в народе говорят: "Приходи, кума, косоротиться".

Поверхность Пестрого — 200 гектаров. Чтобы хотя бы на метр поднять уровень, потребуются месяцы интенсивной подачи воды, а где теперь взять эти месяцы, если дыхание зимы рядом?.. Есть над чем поразмышлять. Также, как и над тем, как дальше-то быть? Где найти доброго состоятельного хозяина, который вложил бы деньги да по-настоящему, по-хозяйски окультурил бы нашу жемчужину, кормил бы рыбой и ублажал культурным отдыхом горожан как летом, так и зимой?

Еще в 1989 году правление Общества охраны природы изложило бывшему в то время заместителем председателя горсовета Максимову свои соображения по благоустройству зоны отдыха и улучшению биологического содержания озера. В частности, предлагалось безотлагательно восстановить естественные нерестилища, очистить северо-восточный берег от гранитных камней пресловутой стены, используя их хотя бы для сооружения на пляже теремов для торговли прохладительными напитками, мороженым и прочим. Для полива дач на восточном берегу установить насосную станцию, что поможет создать циркуляцию воды. Уровень должен быть таким, чтобы возможно было самоочищение волнами. К тому же, такая глубина должна избавить озеро от зарослей элодеи, которая тем активнее произрастает и загрязняет воду, чем меньше уровень водоема.

Эти предложения, правда, неофициально, были одобрены. Решили объявить конкурс на лучшие проекты каменных теремов, а освободившиеся дорогостоящие водопроводные трубы вдоль берега по-хозяйски использовать в городе.

Но, увы! Прошло два года, но ничего не изменилось.

Вывод из всего один: пока не будет у озера Пестрое — нашей гордости, нашей жемчужины — настоящего хозяина, мы не увидим ни рыбы, ни цивилизованной зоны отдыха. И как прежде, от стыда подальше, работники горкомхоза ночами будут вывозить дохлую рыбу на прежние могильники.

1991 г.

26 МУРАШЕЙ!

Я у отца на пашне не новичок.

Он часто брал меня с собой на всю неделю. Сам пашет, боронит, а моя основная обязанность — сбор хвороста, всяких коряжек, чтобы постоянно поддерживать костер, так как спичек в те годы не было, а заново развести огонь при помощи кресала — сущая морока. И еще я обязан был подметать в избушке и вокруг нее.

Мне нравилось, когда мужики, проживающие в нашей избушке, сходились вечером и расхваливали меня, а за ужином угощали. Нравились их рассказы о фронтовых походах, городах и других странах, где им приходилось воевать, о страдных делах и заветных мечтах о хорошем урожае.

Были счастливые дни, когда кто-нибудь привозил сынишку, а то и двух. Вот уж весело было!

Часто думаю: чем объяснить особый, неповторимый вкус еды на пашне под развесистой березой, которой вскоре после войны не стало? Ведь та же самая заварка чая, каша или картошка, такой же суп, как и дома, но нет — на пашне все намного вкуснее.

Ваньку отец брать не любил:

— За этим шуликуном нужен глаз да глаз. Своей смертью не умрет, везде лезет, везде пакостит, дело творит, а голова не ведает.

Как-то взяли мы все же с собой Ванюшку, так он тотчас, в день приезда на заимку решил сороку разорить. Но не докарабкался до гнезда, сорвался, рубахой зацепился за сук — висит, а сам неистово орет на все леса.

Отец бросил плуг, кинулся на крик, но пока добежал, рубаха порвалась, Ванюшка шмякнулся и еще сильнее разрыдался:

— Домой, к маме хочу, ой-ой, мне больно!

Отец требовал, чтобы я следил за ним и отвечал за все его вредные поступки — да где там, не уследишь! Решил я его чересседельником заарканить и привязать к дверной скобе. А сам отправился собирать хворост. Но только пошел в лес, он начал орать:

— А-а-а! Я боюсь. В избушке дедушка-соседушка стоит. Я его видел.

— Врешь ты все! Ладно, отпущу тебя, но ты поможешь мне хворост собирать.

— Ладно, буду собирать.

— Поклянись.

Он схватил горсть земли, стал жевать ее.

— Ладно, — говорю, — верю. Пошли! Кто больше натаскает, тому хвала.

День был солнечный, мягкий, безветренный, оттого чувствовалась большая оживленность и радость животного мира. Лес звенел от разнообразия голосов певчих птиц. Каждая иволга периодически своим пылким голосом сообщает — всем, всем сородичам — местонахождение ее собственных владений. Где-то, в сочной березовой листве, приятными напевами дают о себе знать жулан, ремез, чеканчики, трясогузки. А сколько над ковыльным полем в небесной голубизне хохлатых и полевых жаворонков, издающих дивные трели! Кипит жизнь и на озере. Там господствует шумный базар чаек — кто их так беспокоит, трудно понять. В сплошном гомоне прорываются голоса чибисов, авдошек, лысух, беспардонный хохот налетевших высокомерных мартинов. И, словно в ответ на этот хохот, где-то за лесом по-своему ухохатывается вволю куropат.

Мне кажется, что до этого дня я никогда раньше так глубоко не вслушивался в эту дивную гамму разнообразных голосов. Невольно вспомнились ответы отца, когда его спрашивали: есть ли Бог? Он отвечал: “Есть. Но не на иконах, наш Бог — это Природа. Она создатель всего на свете”. Не все это понимали, не все соглашались, но, наверное, в этом много правды, думал я... Но думу мою тут же прервал истерический Ванькин рев.

Я к нему, а он — на муравьиной кочке!

Усыпанный с ног до головы муравьями, в отчаянии орет, отбивается, а сам гневно продолжает топтать и разваливать муравьиное жилище.

Я дернул его с кочки, стал отряхивать, но тут же почувствовал, как полчище воинствующих муравьев устремилось в мои сапоги, штаны, под рубаху. Не кусали, а в буквальном смысле секли тело. От невыносимой боли мы орали, да так, что сбежались встревоженные пахари с соседних полей. Прибежал и отец.

Нас донага раздели и хлестали нашими же хохоряшками и березовыми ветками.

— А ну бегом в воду! — скомандовал отец и сам, отмахивая саженные шаги, побежал к озеру, а мы, голым-голенькие, под хохот мужиков — за ним. Когда забежали в воду, последовала вторая команда:

— С-с-адись!.. И хлюпайтесь, пока не полегчает.

Сам ушел продолжать пахоту.

А вечером, когда все мужики собрались у избушки, главной темой разговора за ужином были Ванькины приключения.

— Расскажи-ка нам, Ваня, за что же ты муравьиный дом развалил? — спросил дядя Антон Попов.

— За то что они кусаются. Я этих мурашей растоптать хотел.

— И много их было?

— Много, целых двадцать шесть! — серьезно ответил Ванюшка, над чем все долго и дружно хохотали.

После этого его часто спрашивали, сколько все-таки было мурашей — и он всегда утверждал: “Двадцать шесть”.

ПРОСТИТЕ НАС, ЖУРАВУШКИ!

На угодьях совхоза “Рощинский” среди десятков озер Широкое считалось уникальным. Неглубокое, заросшее высоким тростником. На лодке не пробыешься, вброд пойдешь — завязнешь, ориентир потеряешь, заблудишься и не вернешься. Такие случаи были. А уж до чего же оно заманчиво для охотников! Но большого плеса здесь нет, а мелкие где-то далеко, на середине. И странно, что с ними вплотную соседствуют островки, заросшие кустарниками и даже деревьями с гнездами ворон. Бурная растительность и положение Широкого в прошлом способствовали накоплению за зиму огромного количества снега. Весной, как правило, затоплялись просторы межозерья и соседняя падь, простиравшаяся до так называемых Татарских лесов. Разливы давали обильные урожаи естественных трав. Бывало, закончится сенокос и

вокруг Широкого вырастают сотни аккуратно уложенных, гладко причесанных стогов душистого сена.

Вторая неизмеримая ценность уникального озера заключалась в том, что оно было естественным заповедником для птиц. Пожалуй, нигде больше в нашей области, кроме Чаглов, столь много и постоянно не гнезилось крупной водоплавающей дичи — гусей, лебедей. И еще жили здесь журавли.

Старожилы села Пеньково с грустью вспоминают, как будучи подростками, они проводили ночи в копнах сена, чтобы на зорьке, притаившись, полюбоваться удивительным зрелищем — танцами и любовными играми журавлей на скошенных полях приозерья. Никакой охраны здесь не нужно было, озеро само обеспечивало покой всей живности. Видно, поэтому птица до самых холодов не спешила покидать свое пристанище. Журавли, готовя свое потомство к дальнему перелету, высоко поднявшись в голубое небо и распластав метровые крылья, многими часами плавно кружились над озером, оглашая тоскующим курлыканьем окрестности. И еще кружились они, вероятно, для того, чтобы потомство запомнило место гнездования и на следующий год возвратилось обратно.

Годы шли, и лик земли-кормилицы менялся — совсем не в лучшую сторону. Все сенокосные угодья были перепаханы, тонкий, но плодородный слой земли навсегда похоронен под глиной. Широкое, опаханное под самый тростник, еще больше обмелело, как и соседние — Черепково, Карабелка, Малое Белое.

Край межозерный скудел, но птица по-прежнему цепко держалась за облюбованное место, пока не пришла непоправимая беда. В 1986 году к берегам природного заповедника наша ТЭЦ-2 подогнала армаду могучей техники, и ковши экскаваторов вгрызлись в дно — началось углубление для очередного золоотвала электростанции.

— Кто позволил? — спрашивает возмущенная общественность у областного Общества охраны природы.

— Ничего не знаем, с нами не советовались, — отвечают. — Выясним.

Выяснили. Оказалось, что водоем постановлением Совмина Казахской ССР по ходатайству нашего облисполкома еще в 1984 году был передан ТЭЦ-2 под золоотвал.

Выяснилось и то, что проект решения облисполкома был завизирован ишимской бассейновой инспекцией, госрыбинспекцией и даже руководством совхоза “Рощинский”, на угодьях которого находилось Широкое.

С детства я знаю это озеро, его уникальную ценность. Потому я не смог остаться равнодушным и попытался выяснить: почему именно его отдали в жертву, а не другое, скажем, Карабелку или Рыбное? Ведь они и ближе к ТЭЦ, и глубже. Отвечают: озеро Широкое — сплошные заросли. Рыбного промысла в нем не развернешь. А выбранный грунт нужен для захоронения старого золоотвала. Ну а как с природой, с первозданностью? Пожимают плечами. Наиболее откровенным оказался А. С. Салихов, директор совхоза “Рощинский”:

— В облисполкоме я категорически отказывался давать свое согласие на передачу Широкого под золоотвал, потому что по берегам мы добывали естественные корма. Кроме того, у нас там сооружены два дорогостоящих котлована для полива сенокосных угодий. Ну а само озеро — излюбленное место гнездования птиц. Вроде бы, доказал. Но на другой же день меня пригласили в обком партии. Отстаиваю и там интересы совхоза, интересы журавлей, а мне показывают визы высокопоставленного руководства, инспекций. Чего, мол, против науки выступаешь? Вот и пришлось мне дать согласие.

— А почему бы не поинтересоваться мнением жителей совхоза? Люди подсказали бы другой вариант, но Широкое, надеюсь, не отдали бы.

— А кто в то время считался с мнением общественности? На угодьях совхоза два хлебоборбских села с корнем выкорчевали, не спрашивая согласия...

Нынче ранним весенним утром, через открытую форточку своей городской квартиры я вдруг услышал журавлиное курлыканье.

— Прилетели! — обрадовался я и тут же на рейсовом автобусе отправился в родные края. Добрался до родного Пеньково, а там — рукой подать до Широкого.

Вместо птичьего гомона где-то за тростником и рогозой стоял неистовый гул машин и экскаваторов. Над головой пролетели стаи чернедей, кряковых, шилохвостых уток. Молча, не задерживаясь на озере, пролетели гуси, табу-

нок лебедей. А вот и журавли — хозяева Широкого. Увидев разрушенные места обитания, всполошились, расшумелись, сделали нестройный круг, стремительно набрав высоту, пошли на восток, но тут же резко повернули на север, оставляя за собой печальное курлыкание.

Неописуемо грустно было смотреть, как удаляется, а затем совсем исчезает в весенней дымке журавлиный косяк.

Мне невольно вспомнились стихи поэта Евдокима Русакова:

Журавли с собою
Взяли песни,
Понесли в далекий перелет.
Грусть стоит
Над озером и лесом,
Грусть такая, —
Даже сердце рвет.

1991 год.

ОБЛАГОРАЖИВАЙ И ЗАЩИЩАЙ, ЧЕЛОВЕК

Достаточно задуматься о смысле жизни, о месте человека в природе, о связи ее с ней, и однозначно приходишь к выводу, что ты как разумное существо среди остального животного мира, несомненно, создан для защиты природы от всех бед, чтобы облагораживать, обогащать ее, она же за все хорошее отблагодарит своей прелестью и богатством.

Двадцать пять лет прошло, как в пойме Ишима, на бросовых землях, мы получили наделы под садовые участки. Земля оказалась суглинистая, заиленная чуть ли ни ежегодными паводками. Агроспециалисты дали ей обобщенное название — «кисло-тяжелая». К тому же, нам пришлось заниматься выкорчевыванием таловых кустов, копать и разбивать колдобины вручную.

В копеечку обходилась доставка «Трансагентством» перегной, торфа, опилок, земли, песка, чтобы улучшить структуру почвы.

Прошли годы. И вот там, где прежде вокруг старицы под названием Калачик беспрепятственно гуляли пыльные степные ветры, поднялись во весь рост фруктовые деревья, кусты смородины, малины, вишни, крыжовника. А для защиты садов от ветров вдоль берега садоводы вырастили березы, луговые тополя, юргу, дичку, которая теперь радует людей своей буйной белой кипенью, а плодами кормит птиц всю зиму. Ничего от прошлой заброшенности не осталось, появилась совершенно новая среда, изменился микроклимат, воздух стал свеж и чист. Изменение ландшафта вызвало изменения в среде обитателей животных и насекомых: много стало пчел, разноцветных бабочек, а как увеличилось число пернатых! Особенно певчих птиц — белой трясогузки, жуланов, каменки-плясуны, садовой овсянки. Но самое важное — на радость всем садоводам вот уже пять лет как каждое лето у нас поют разноголосые соловьи. Здесь они гнездуются и размножаются. Разве это не чудо, у нас на севере — соловьи! А как они поют, особенно утром, на восходе солнца!

Года три я пытался определить, где они вершат свое таинство размножения (все же это не какая-нибудь птаха, а соловей!). Но только в прошлое лето, срезая нижние ветки дички, тут же, под деревом, в травке увидел двух темно-сереньких птенцов. В своем незамысловатом гнездышке они, от страха вытянув шейки, прижались к земле, и сколько я ни смотрел на них, не пошевелились! А когда я стал медленно удаляться, заметил: над моей головой на ветке дерева, притаившись, сидели птички такой же воробыиной окраски, несомненно, их родители.

На другой день птенцов в гнезде уже не было. Думаю, что весной и они появятся у нас и непременно огласят окрестности своими волшебными, полными радости напевами. И их песни будут, как дар величественной природы за то, что мы своим трудом сумели преобразить бросовые земли в место отдыха, эстетического наслаждения и приятного труда.

КТО НАМ ОЧИСТИТ ЛЕСА?

Не приходилось ли вам, читатель, видеть, как горят березовые колки, захламленные валежником?

Если по чистой роще «красный петух» пройдет, не за-

держиваясь и без особого ущерба, то захлампленный валежником лес превращается в огненный ад, который практически не удастся потушить. Горят не только деревья, но и земля. Огонь устремляется к вершинам деревьев, нащупывает корневища, пожирает их, образуя в тех местах бесплодные ямы!

Захламленность наших лесов достигла предела и вызывает серьезную тревогу не только из-за угрозы губительных пожаров, ежегодно уносящих сотни гектаров лесов, но с точки зрения эстетики лесоводства, имеющей огромное психологическое значение. В иной колок заходить не хочется. В нем — грязь, мусор, деревья-мертвецы, лежащие вдоль и поперек, разлагаются. Это не облагораживает человека на природе. А сколько замечательных трав в лесах и вокруг колков не выкашивается на сено только потому, что кругом — валежник, сучки — не размахнешься косой, не возьмешь ничем — ни трактором, ни конной косилкой. А ведь если бы ежегодно обкашивались леса, меньше бы возникало губительных пожаров от брошенного окурка, от искры из выхлопной трубы автомашины, от пущенного пала или оставленного костра.

Вроде бы и засухи не было, в лесах зеленые травы, но на 1 июля этого года в области произошло 40 лесных пожаров. Рекорд принадлежит районам: Булаевскому — 13, Соколовскому — 12, Советскому — 10 пожаров. А что будет дальше? Травы в лесах не скошены, сохнут.

Помнится, раньше, даже в тридцатые годы, крестьяне по достоинству ценили лесное сено, говорили, что от него — молоко, что мед, и обкашивали каждый колок, каждый кустик. Теперь же удобные опушки, где вполне можно развернуться тракторной и конной косилке, не окашиваются — валежен и здесь вдосталь.

Кто же нам очистит леса?

Начальник отдела лесного хозяйства областного управления С. Е. Сулейменова говорит:

— Конечно же, работникам леса это сделать не под силу. А жители сел области, совхозы и колхозы, с тех пор, как перешли на топку печей каменным углем, потеряли интерес к дровам. Наша разнарядка хозяйствам Агропрома — заготовить и выбрать 30 тысяч кубометров дров не выполнена нынче и наполовину (только 12 тысяч), да и

наше объединение вместо 130 тысяч кубометров для ширпотреба дало только 70 тысяч, больше ему не под силу.

Надо заметить, что речь шла только о заготовках дров с корня, а не про валежник — ценнейший топливный материал, о который мы буквально спотыкаемся в лесу.

В селах Соколовского района еще живы люди, которые помнят, какая идеальная чистота была в лесах. Все сухостоины, случайные пни спиливались вручную, собирались сучья. И все это бесплатно. Жили в лесу, а русские, украинцы, немцы изготавливали на зиму кизяк, казахи же собирали на выпасах сухие коровьи «лепешки», но деревья все берегли. И если отводились кому ежегодно деланки на корню, то в основном шли они на обустройство жилья.

— Пожалуйста, — говорит Сауле Есмагамбетовна, — мы приветствуем тех, кто заготавливает валежник и очищает лес. Но таких охотников мало. Люди заленились, им, хотя это и дорого, подай дефицитный уголек или готовые дрова.

Чтобы убедиться, так ли это, мне пришлось съездить в объединение «Рощинский». И что там говорят? А говорят о крючкотворстве. Если в прошлом очистку леса от валежника лесники приветствовали и платы не требовали, то теперь за каждый кубометр сначала заплати 376 рублей, потом тебе за очистку леса вернут по 180 рублей. Чтобы провести эту финансовую операцию, надо трижды разыскать лесника и дважды сбегать в сберкасса, а это не так просто, особенно тем, кто живет не в одном селе с ним.

А не пора ли, при таких-то бешеных ценах на дефицитный уголь, отчего многие семьи, проживающие в городских квартирах, буквально страдают, особенно пенсионеры (приходится за тонну угля выложить месячную пенсию или зарплату, не оставив себе денег на пропитание, на одежду, на оплату бытовых услуг), не пора ли лесному хозяйству кончать крохоборничать, а разрешить людям бесплатно очищать леса от валежника? Почему бы, как было в недалеком прошлом, не открыть в городе дровяной базар, на котором валежник продавался бы долготьем, трехметровкой и поленьями? Покупали бы и хворост. А на вывозке его можно использовать не только автотранспорт, но и живую тяговую силу — лошадей, которых предос-

таточно и в коллективных хозяйствах, и в частном пользовании. Дело это доходное и для сельских, и городских малых предприятий.

Конечно же, следует узаконить бесплатную очистку наших лесов от валежника, организацию дровяного рынка в городе как крайнюю необходимость — для этого нужно обстоятельное решение местной администрации.

Если же мы по-прежнему будем жить по принципу: “Вожжи в предгорьях Алатау, а кобыла здесь”, если будем молиться на кабинетные инструкции, составителей которых меньше всего тревожит судьба наших до предела захламленных лесов и разумное использование напрасно гниющего валежника, то березовые колки и впредь будут оставаться легкой добычей “красного петуха”, а добро, через которое шагаем, так и будет превращаться в гнилье, загрязняющее окружающую среду.

1993 г.

ЖИВОЙ ПАМЯТНИК СЕБЕ СОЗДАЛИ

— Только в лесных питомниках человек вполне постигнет, как трудно растет дерево, сколько бед подстерегает его за долгие годы, пока оно не станет взрослым и окрепнет, — говорит бывший инженер по лесным культурам Пригородного лесхоза, а ныне пенсионер Алексей Васильевич Кретинин.

Народная мудрость гласит: “Глаза боятся, а руки делают”. В 1950 году по решению Петропавловского горисполкома Пригородному лесхозу, которым руководил известный в области лесовод Филипп Александрович Сидоров, надлежало осуществить многолетнюю идею — создать вокруг города “Зеленое кольцо”, дабы улучшить микроклимат нашего пыльного в то время Петропавловска и украсить ландшафт его предместий.

Непосредственным исполнителем и был назначен тогда участник Великой Отечественной войны, кавалер трех орденов Алексей Васильевич Кретинин.

Начали с того, что создали в Мещанской роще и по содействию с озером Пестрое лесопитомники, которые должны были обеспечивать все работы по созданию “Зеленого кольца” посадочным материалом. Из мелких, размером с морковные семечки, выращивались многие тысячи саженцев будущих могучих деревьев. Группа всего-то из двенадцати штатных работников бережно рассаживала их сначала вручную, а затем, по инициативе Алексея Васильевича, была применена техника, которая в комплексе с ручным трудом использовалась с большим эффектом.

— Наш опыт был подхвачен другими лесхозами области, — вспоминает он и перечисляет своих соратников по озеленению пригорода — рабочих, которые самоотверженным трудом, преодолевая всевозможные трудности, неустроенность, за 8 лет создали себе живой памятник — вырастили и обиходили массив березовых и сосновых лесов в окрестностях Борков, Пестрого, соленых озер, Теплых кустов, Мещанской рощи и вдоль Явленского тракта, а также на Вороньем острове.

Тимофей Трофимович Кузьмин, Пелагея Мищенко, сестры Фахрутдиновы Зоя и Рая, Мария Ревенко, Екатерина Григорьева, отец Иван Григорьевич и сын Александр Лобовы, Пелагея Мезеева, лесники Владимир Михайлович Аверин, Петр Дмитриевич Леднев, Федор Григорьевич Спекторенко, старший лесничий и техник Пригородного лесхоза Лидия Николаевна Амбросимова и Анатолий Григорьевич Горшеннин — это был крепкий костяк коллектива лесоводов, трудом которых были любовно выращены дивные рощи вокруг города. Кто-то из них — уже на заслуженном отдыхе, кто-то ушел в мир иной, но о каждом горожане должны помнить. — С большим трудом мы справлялись с напряженным планом посадок, — говорит А. В. Кретинин. — Но посадки — это еще полдела. Следом нас все время подпирала прополка и посадка. Мы имели возможность нанимать сезонных рабочих, которые однако, не очень-то задерживались и нам приходилось трудно. Не считались со временем. Как говорится, голь на выдумки хитра, на прополке и прикрытии влаги впервые стали применять боронование посадок-однолеток — это нам очень помогло.

Немалый вклад внесли учащиеся школ города, особенно на прополке.

За восемь лет энтузиасты посадили и выходили 500 гектаров дивных лесов вокруг нашего города. Это ли не дар Природе! Кажется, еще недавно за озером Пестрым была единственная сосновая роща, кругом же, до самого Бишкуля, простиралась пустошь. И вот, хожу вместе с Кретиным по его лесу, вглядываюсь в игру солнечного света, раздробленного тысячами листьев, хвоинок и веток: тут он ярко выхватил гляцевитую бересту белоствольной березы, там — пушистую, точно подернутую сизой дымкой метелочку соснового побега, здесь — полянку с сочными травами, ярким разноцветьем, порхают бабочки, щебечут птицы...

— Все люди ходят в лес, — говорит Кретинин, — и даже очень любят в нем бывать, а вот по-настоящему не знают, как он живет, особенно как велико его значение для современного человека, и в частности, наши рукотворные рощи — для горожан. Лес не только заслуживает нашей любви и наших забот, но и требует сознательного отношения к нему.

Я болезненно переношу, когда встречаю сосну без вершины — ее кто-то, не имеющий стыда и совести, похитил под Новый год... "Зеленое кольцо" нуждается в усиленной охране, очистке и прореживании. При бережном отношении и хорошем уходе, эти рукотворные леса вокруг города останутся в веках щедрым даром для будущих поколений людей. А тем, кто это сотворил — живым памятником им. Ведь обычного монумента все равно никто не догадается им воздвигнуть. Как-то не принято у нас...

Август 1993 г.

К ВОДОЕМАМ — ПО-ХОЗЯЙСКИ

История свидетельствует: 260 лет прошло с того времени, когда территория нашей области начала активно заселяться и осваиваться людьми. В первую очередь, переселенцы появились на территории теперешнего Соколовского района. Каждое село непременно обосновывалось возле лесов и озер, которые привлекали первопоселенцев ягодами и грибами, дичью и рыбой.

Срок пребывания человека в этих когда-то девственных местах сравнительно невелик, но изменений в окружающей среде много. И часто не в лучшую, а в худшую сторону. Возле многих населенных пунктов исчезли рощи, обмелели или совсем высохли озера. Из ста водоемов (кроме пойменных), зарегистрированных в Соколовском районе 30 лет назад учеными, половина превратились в болота, стали негодными ни для пахоты, ни для разведения рыбы.

Большой ущерб озерам нанесен тем, что их сделали отчужденными от человека — называли государственными и запретили свободную ловлю рыбы. Затем опахали под самый урез воды, создав преграду для стока в них талых и дождевых вод. А те траншеи, которые еще в старину люди вручную копали и сохранили для стока воды из соседних болот и низин, затянулись илом, заросли. На озерах воцарилась многолетняя тишина, начались застои воды и обмеление. С берегов исчезли лодки, старики разучились (а молодых не научили) плести верши, вязать вентери. Любимое летнее блюдо сельчан — жареный карась в сметане — у многих стало редкостью на столе.

Такая обстановка никак не устраивала наших сельчан. Немало было жалоб, в которых любители рыбной ловли доказывали, что, не трогая промысловых водоемов, закрепленных за рыбозаводом и другими промышленными предприятиями и торговыми организациями, можно и надо дать возможность людям добывать рыбу в заморных озерах. Все равно ведь она, отжив свои 8—10 лет, погибает.

Наконец советские органы признали, что необходимо разрешить любительский лов ограниченными снастями на заморных озерах. А хозяйствам — и для промыслового разведения, и в целях обеспечения населения свежей рыбой. В решении облисполкома от 26 августа 1984 года было также сказано, что совхозы и колхозы должны содержать приписные озера в улучшенном санитарном состоянии. А это значит, хозяин должен заботиться о необходимом уровне и чистоте воды и берегов, о сохранности и увеличении количества рыбы, предупреждать заморы, ежегодно проводя аэрации.

Что же из этого получилось? Рыбаки-любители стали действовать активнее, на их столах свежая рыба появи-

лась, а вот совхозы и колхозы, имея, по сравнению с другими районами области превосходящее количество озер (если не считать "Виноградовский" и "Налобинский"), до сих пор не берегут, как надо, водоемы на своих угодьях, не используют их в качестве дополнительных резервов в решении Продовольственной программы, чтобы экономить мясопродукты за счет свежей рыбы.

Странную позицию занимает и РАПО, которому уже есть чей опыт распространять во всех хозяйствах — совхоз "Виноградовский", например, в 1985 году добыл для совхозной столовой и реализации населению 1700 центнеров рыбы, а в прошлом, 1986-м — 5660. А если в этом хозяйстве сумали сохранить от замора рыбу в озере Сивково, то могли бы немалое ее количество реализовать на сторону, имея от этого значительный доход.

Хозяйства, которые до сих пор не приступили к освоению приписных озер, обычно ссылаются на отсутствие снастей, кадров, неперспективность водоемов или на незнание правил разведения рыбы. Все это, однако, не более чем отговорки. Почти в каждом селе есть любители рыбной ловли, в первую очередь пенсионеры, которых можно объединить, выделить им лошадей с необходимой упряжью, приобрести и рыболовные снасти. Условия — самокупаемость, задание — конечный результат.

По вопросу перспективности водоемов Соколовский район выглядит намного выгоднее других еще и тем, что из тридцати изученных, как утверждает председатель областного отдела географического общества АН Казахской ССР Н. П. Побелянский, 20 (кроме пойменных стариц) вполне пригодны для рыборазведения. Есть эти озера на угодьях совхозов "Лесной", "Налобинский", "Виноградовский", райспецхозобъединения, на территории всех трех колхозов — только используют!

А сколько, стариц, богатых рыбой, в пойме Ишима!

В наших озерах много карася, на разведение которого не надо тратить денег, а прибавку к столу он может давать значительную. Но если водоем, у которого нет хорошего хозяина, постепенно заболачивается, карась в нем становится непригодным к употреблению в пищу. А зимой, так же, как и "белая", рыба, погибает от недостатка кислорода.

В марте—апреле под толщей льда и снега чрезвычайно трудно выжить рыбе в любом водоеме. Поэтому необходимо повседневное наблюдение за озерами и проведение аэрации любыми средствами, хотя бы даже такими примитивными, как ледорубы собственного изготовления. Это — дело и администраций хозяйств, и Общества охраны природы, и рыбаков-любителей, и школьников старших классов.

Если к водоемам мы будем относиться по-хозяйски, то на наших столах непременно появится свежая рыба.

1987 г.

ОХОТНИКИ И ИСТРЕБИТЕЛИ

Попробуйте заставить человека от зари и до глубоких сумерек бесцельно, просто так, ходить по кочковатому болоту или в осеннюю стужу, посилавшего, стоять в пожухлых камышах... Но вложите в его руки двустволку — и вы убедитесь, как тут же все его недуги исчезнут и в нем проснется молодецкая удаль, обострятся зрение и слух, появится неиссякаемое терпение... Ведь недаром с незапамятных времен в народе говорят: "Охота пуще неволи". Да, что ни говори, а охота с ружьем — это спорт, да еще какой! В нашей области число ее любителей постоянно растет. За прошедший год в объединяющем их обществе прибавилось около пятисот и теперь насчитывается свыше восьми тысяч. Но рост в данном случае нельзя рассматривать однозначно, он может привести к снижению численности животных и птицы в нашей области.

Как быть? Запретить охоту вообще? Спорный вопрос. На отстрел боровой птицы до определенного времени наложен запрет. А вот пролетной водоплавающей птицы при строгом и добросовестном соблюдении правил всем хватит и равновесие в фауне, по определению специалистов, от этого не нарушится. Надо только, чтобы каждый понял: любительская охота — это не средство наживы, а особый вид спорта, когда человек сам, без тренера, вырабатывает в себе выносливость, переносит порой адскую усталость,

активно отдыхает после трудовой недели и попутно, в пределах установленной нормы, добывает себе дополнительную пищу.

Минувший год характерен неплохими результатами деятельности охотколлективов. Выполнены намеченные мероприятия по ремонту и оборудованию баз, домиков (гостиниц). Проводится закрепление озер за коллективами, которые строже стали контролировать соблюдение правил и сроков охоты, норм отстрела, точнее учитывать водоплавающую птицу. Проводятся воспитательная работа по охране фауны и биотехнические мероприятия.

И все же немало еще у нас и любителей бесшабашной стрельбы, которым нельзя доверять оружие. Они палят где попало и в кого попало — в сову, дятла, чайку, чибиса, цаплю. Главное, стреляют бесцельно, ведь от этих птиц не получишь ни мяса, ни пера, ни пуха, они дороги для нас сами по себе, потому что украшают озера и леса. К сожалению, численность их постоянно сокращается.

Каждому известно, что разорение гнезд и разрушение жилищ диких животных и птиц, их ловля и содержание в неволе запрещены. Но вот в семи дворах совхоза "Целинный" оказались дикие гусята, у В. И. Лимонова — девять, у К. Эльхана — одиннадцать. А у члена колхоза "Колос" Булаевского района В. В. Синько — аж 17! Каждый уплатил штраф.

Не думал о последствиях и браконьер из села Алка Ленинского района Шайзарип Тельтаев, который с двумя подростками прорник в заказник на озеро Балакты и с лодки уничтожил свыше девяноста ондатровых хаток. Добыл всего-то двух зверьков, а иск ему был предъявлен за весь ущерб.

В правилах охоты сказано: "Шкурки пушных зверей, добытых охотником-любителем по путевке, подлежат обязательной сдаче заготовительным органам в десятидневный срок после окончания охоты". А как дело обстоит на практике? Только по данным охотколлективов, было отстреляно зайцев свыше трех тысяч, а шкурок сдано только 390, или 13 процентов. Если судить по сданным в заготпушнину шкуркам лисиц, то получается, что их отстреляно за год... три — на всю область!

Большие недостатки есть в работе егерской службы.

Контрольные проверки осуществляются чаще всего кампанейски, наскоками. Оказывается, большинство егерей живут не по месту работы, а в городе. Много ли браконьеров поймаешь на асфальте?

Запомнились мне слова ветерана труда, ныне пенсионера из Полудинского лесхоза, Георгия Федоровича Ковалева, сказал он их с большой грустью:

— Еще десяток лет назад косули табунами бродили даже вокруг нашей Сосновки. Умножалось поголовье лося. Всюду видны были заячьи тропы. Потом повадились охотники-истребители. На грузовиках, вездеходах, человек по 20—30, в маскировочных костюмах, с загонщиками. Следов лесного зверя давно уже нет, а охотники в наших лесах все еще палят. В кого стреляют — трудно понять. Запретить бы все это годика на три. Иначе совсем обеднеют наши леса, ни зверя, ни птицы не будет.

Что возразить Георгию Федосеевичу? Много проблем у охотничьего хозяйства нашей области и не последняя — воспитание у охотников бережного отношения к природе.

НА ЧИСТУЮ ВОДУ

Слава о высокой культуре садового участка Силантия Бузулукова дачниками передавалась из уст в уста еще с позапрошлого года. И мы с другом решили познакомиться с этим участком и с самим его хозяином. Пришли — не могли налюбоваться на отличную планировку, высокосортные растения, чудесный домик-термок, а главное — на идеальную чистоту. На всей усадьбе — ни соринки. Довольный нашими похвалами, Бузулков ходил по даче вальжной походкой. И вдруг спутник толкнул меня в бок и прошептал:

— Ты только посмотри, куда этот "знаменитый" садовод весь хлам с дачи сваливает... В нашу старицу!

И тут-то я увидел на склоне водоема отходы "культурной" деятельности Бузулукова — яичную скорлупу, банки из-под консервов, красок и химикатов, ненужные вещи. Мы к нему: "Как же так? А еще образцовая дача называется!" Тут он взмолился:

— Зачем авторитет мой из-за какого-то пустяка подрывать? Да вы пройдите по берегу, посмотрите, какие свалки другие устраивают!

— А что, и пойдем!

И мы направились вдоль берега старицы. Когда обошли дачи общества "Тихая заводь" (завода имени Калинина), "Восход" (СМУ-4 УНГС), телестудии, облпотребсоюза, горсанэпидстанции, задумались: что же будет с нашим еще недавно прозрачным и богатым рыбой, но теперь помутневшим и почти обезрыбленным водоемом, если и дальше так будут вести себя дачники?

Забываясь об охране окружающей среды, садоводческое общество "Тихая заводь" (председатель Л. А. Князев) приняло постановление, в котором категорически запрещено захламлять берег отходами, и призвало сделать старицу зоной отдыха. Постановление повесили на видное место. Но оказывается, не до всех дошло оно. Дачник Иван Михайлович Курста по пути к своему участку всякий раз проходит возле щита с выпиской из постановления, которое, конечно, читал, а вот полюбуйтесь: все, что мешает ему (сучки, обрывки толя, сгнивший сорняк) он сталкивает прямо под откос к водоему. А инженер по оборудованию завода имени Калинина Н. Кривошеева вот уже десять лет на отведенной ей земле выращивает преимущественно сорняки и в то же время преуспевает в захламлении берега.

Домик председателя общества садоводов "Восход" Ивана Дмитриевича Хадасевича находится рядом с водоемом. Только удивляешься, насколько спокойно он относится к тому, что Владимир Сальников (работник кирпичного завода) захламляет берег прямо перед его окнами. Битое стекло, бумага, стружки, банки — все здесь. Отсюда свалка тянется десятки метров — это на высоком берегу. А сколько хлама на дне водоема?

В загрязнении старицы преуспевают и садоводы общества СМУ-4 УНГС — бухгалтеры Л. И. Мудрова и Т. И. Делецкая, например.

— Это что же, здесь специально отведено место для свалки? — спрашиваем одного из нарушителей.

— Вообще-то нет... Но я же не в воду бросаю, а на берег... Если нельзя, то пожалуйста, я сожгу, — рассуждает он так, будто это сущий пустяк.

А ведь все, что сбрасывают дачники на берег, в том числе зола от костров, смывается дождями в старицу. Сколько такого "добра" наши водоемы поглощают во время весеннего подъема уровня воды! Куда же смотрят члены садоводческих правлений, их председатели? Почему не требуют выполнения тех постановлений, которые сами приняли? Оказывается, некоторые боятся обострять отношения.

Сказывается отсутствие работы Ишимской бассейновой инспекции с садоводами по охране водоемов. А ведь у нее большие права на этот счет. Например, в положении "О водоохраных зонах малых рек и водоемов Казахской ССР", разработанном Советом Министров республики, сказано: "Лица, виновные в нарушении установленного режима использования территорий водоохраных полос, несут ответственность в соответствии с действующим законодательством".

Нарушители есть, но наказанных пока нет.

Справедливости ради надо оговориться, что мы встретили немало садоводов, у которых не только участки, но и их окрестности содержатся в чистоте и которые много делают для обогащения природы — на берегах водоемов выращивают юргу, тополь, яблоню-дичку, красную рябину, ветлу, оборудуют скамейки, столики. В общем, стремятся превратить берега старицы, которая питает водой многие сотни садов, в зону отдыха и здоровья. Но жаль, что приютились здесь Бузулуков и ему подобные. Это они, создавая собственное благополучие, уже нанесли немалый ущерб тому, что создала природа. И если не остановить их теперь же, не вывести, как говорится, на чистую воду, то потом будет поздно.

ДОЖИЛИ РЫБАКИ-ЛЮБИТЕЛИ...

Климат нашего края достаточно суров. Не менее шести месяцев ежегодно Ишим, его притоки, множество озер и стариц зажаты в ледяных тисках ма-тушки-зимы. Природа в это время как бы замирает. Но только на первый взгляд. Под снежным покровом и панцирем льда жизнь продолжается. Тысячи рыбаков-любителей с лета

запасаются крючками, мормышками, прочей рыболовной снастью. И что за благо — в погожий зимний день с раннего утра обосноваться у таинственной лунки, напроочь забыть суету жизни и хотя бы на время избавиться от городской копоти!..

Надо сказать, что природа позаботилась о нас, северянах: щедро разбросала по нашей небольшой по размерам области более двух тысяч водоемов, дала нам реку Ишим, которая еще на моей памяти кишела щуками, налимами, язями; бывали здесь и нельмы. Теперь же, по вине человека, многие рыбы исчезли. Однако пока не весь Ишим опустел, неплохой клев — за Красногоркой, у Трех сосен, у Волчьего мыса (с. Долматово), а также на Целинном море, в озерах Малый и Большой Тарангулы, Кендекты, Глубокое, Лебяжье. В Пресновском и Мамлютском районах есть места, богатые окунем. Но рыбак-любитель пользовался этими дарами природы только до нынешнего года. Почему? Все объясняется просто.

Если до архибешеного повышения цен на транспорт можно было запросто сесть в автобус и “махнуть” на любой водоем нашей области, чтобы добыть рыбки себе и — при удачном улове — поделиться с людьми, то теперь и здесь тупик! Чтобы проехать до озера Лебяжьего и обратно, надо уплатить 140 рублей, до Большого Тарангула — 474 рубля, а до Малого — еще дороже. До Сергеевского водохранилища — 650 рублей.

Сколько же надо наудить рыбы, чтобы оправдать чудовищные расходы? А вдруг день подвернется неклевый? Тут не только заплачешь, но и взвоешь.

Если бы такая дороговизна возникла 2—3 года назад, то она не очень-то отразилась бы на делах городских рыбаков — у нас под боком озеро Пестрое. В прошлом редкий рыбак возвращался домой без добычи — до двухсот окуней за день вылавливал. Горожане помнят время, когда никем не тронутое озеро кишело карасем и удильщики успешно ловили его с берега и с лодок. Уж очень сподручен этот водоем для стариков и подростков: сел в троллейбус — и он тебя доставит к самой лунке. И как приятно было смотреть на порозовевшие, довольнехонькие лица ребят, приобщавшихся к природе, учившихся ценить ее, а главное — не прожигавших попусту свободное от учебы время!

Но вот уже третью зиму Пестрое, по существу, является мертвым озером. Рыба в нем пока еще есть и даже несколько видов — окунь, щука, лещ, карп, карась... Но клева нет! В чем причина? Одни говорят: в озере достаточно естественного корма; другие утверждают: оно большое, а значит, и рыба пассивная. В силу неоднократных, причем безграмотных, вторжений человека здесь нарушено экологическое равновесие — вот в чем главная причина, по мнению третьих, с чем нельзя не согласиться.

Первое грубейшее нарушение природного равновесия, о котором неоднократно писалось, произошло в результате сооружения пресловутой гранитной стены — весьма неदेशового, кстати, сооружения. В свое время никто не соизволил выслушать мнение специалистов, которых предостаточно в области, и в результате было совершено преступление против природы, ибо эта “изгородь” с первых же дней стала приносить большой вред: исчезли нерестилища, прекратился сток в озеро осадочных вод, что привело к зловонному заболачиванию берегов.

Водоем оказался лишенным природного механизма самоочищения. Волны несут к берегам нечистоты, гниющие водоросли и отбросы, но гранитная стена и искусственно завышенный берег встают непреодолимой преградой на пути выброса. По этой причине почти исчез карась, дважды гибла рыба, бурно разрастается, ранее в нашем крае невиданная трава — канадская злодея, которая ежегодно увеличивает слой загрязнения дна: ухудшился состав воды.

Ко всем этим бедам добавилась новая — в июне 1991 года горкомхоз, не без ведома горсовета, решил совершить доброе дело — сбросить часть воды и подкачать из Ишима свежей. Все как надо... по принципу домашнего аквариума. Не посоветовавшись со специалистами Общества охотников и рыболовов, за которым это озеро закреплено, искоренив одно из бывших нерестилищ, прорыв в нем траншею, сбросили воду, снизили ее уровень на целый метр — и все... А кто теперь пополнит этот “аквариум” площадью, превышающей 200 гектаров? Уже пошел второй год, как этот вопрос увяз в противоречиях. Воду должен залить горводопровод. Его начальник А. М. Бабошко говорит:

— Пожалуйста, залью, но заплатите.

Начальник горкомхоза В. В. Пак отвечает:

— А у нас денег нет. Хозяин озера — Общество охотников и рыболовов, оно пусть и раскошеляется.

В Обществе же разъясняют:

— Во-первых, мы не просили горкомхоз производить сброс. Мы даже не знали о такой акции. Во-вторых, у нас тоже нет денег. К тому же, наш бюджет, в основном, складывается из членских взносов, которые мы не вправе тратить из-за горкомхозовских грехов. Мы предусматриваем расход на очистку закрепленных озера, а их у нас 75, на проведение аэрационных работ, на зарыбление водоемов, на содержание двух охотничье-рыболовных баз.

Спросил я главного рыбнадзора области А. А. Белокопытова, как он-то смотрит на всю эту неразбериху, ведь уже второй год идут словесные и письменные перепалки, принимаются решения, а озеро...

— Озеро Пестрое, — говорит он без обиняков, — перед катастрофой, 12 видов рыб — под непосредственной угрозой полного замора.

— А кто будет отвечать? Ведь это сотни тонн рыбы!

— Суд разберется.

— Печально. Но как быть рыбакам-любителям? Им ведь до слез обидно. Сезон, а поудить негде.

— Советую руководителям предприятий, профсоюзным комитетам в выходные дни все же выделять транспорт для коллективных выездов на близлежащие озера, где есть поклевка, например, на Белое, Бабаши, Лебяжье, искать удачные места на Ишиме и старицах...

А как же быть с Пестрым? Суд, конечно, разберется. Но неужели так и будем сидеть сложа руки в ожидании "судного дня"?

А ЧТО ДАЛЬШЕ-ТО?

Девятый десяток живу, многое повидал. И ничего мне так не жаль, как матушку-землю. Сколько терпит она от нас, неразумных! До двенадцати лет я жил на самом берегу реки Ишим, в станице Новопавловке. Помню, какой глубокой, широкой и благодатной была река круглый год — и поилицей, и кормилицей нашей. В про-

шлом не пили сырую воду только в дни паводка, когда бурлящий, необъятный поток поднимал с полей всякий мусор, ил; но достаточно было Ишиму войти в берега, как вода устаивалась, снова делалась чистой, прозрачной. Люди не боялись, пили ее ковшом некипяченую и не ботели.

Теперь вот уже много лет ни зимой, ни летом люди не решаются рисковать. Пьют только кипяченую.

В реке исчезли многие виды рыбы. При мне еще, хоть и не часто, но заядлые рыбаки добывали красную рыбу нельму; теперь же не стало и пескаря. Вывелся рак — излюбленная закуска к пиву.

Помню, еще в годы НЭПа, когда оживилось предпринимательство, в городе, как грибы, вырастали пивные. И вот примчится, бывало, в фаэтоне к нам в Новопавловку предприниматель, а мы, босяки — за ним. И он бросает клич: "Ребята! Плачу по копейке за рака!" Мы всей оравой — в воду. Нашариваем уже знакомые нам норы в обрывах, выбрасываем на берег раков, купец собирает их в корзины, а сам громко ведет счет.

Были удачи — "зашибали" по два гривенника, а это немало — фунт пряников в нашей кооперативной лавке.

А с рыбой было так.

Отец с вечера закажет испечь рыбный пирог. Рыбы еще нет. Но мама знает, что будет. Моя забота — с вечера наловить в солдатский котелок живца (чебаков) и поставить в погреб на лед. А утром, еще потемну, по еле заметным тропам, через капустники, морковники, обильно окрапленные росой травы, спешим с отцом за Чагловский, вечно заросший, пугающий своей тихой мрачностью овраг — к белому песчаному берегу.

— Щучье место, — говорит отец.

Над водой — густой туман, слышны сплошные шлепки, плескание, а когда взглядишься, увидишь, как щуки в пого-не за добычей выскакивают на поверхность.

— Жор идет! — шепчет мне отец на ухо, а сам, ловко зацепив на крючок чебака, забрасывает туда, где только что, гоняясь за мальками, щука коромыслом выбросилась на поверхность воды. Поплавок сразу же с шумом исчезает, леска из волос конского хвоста натягивается струной. Взмах отца — и щука уже прыгает на песке.

Я не успеваю размотать свою удочку, как на песке уже "танцуют" две щуки.

— Ну вот и хватит. Идем домой. Мать пирог раскатала, ждет.

В те годы новопавловцы и зимой не знали нужды в рыбе. Бывало, с высокого берега видишь, где чьи стоят на льду жорлики: ушаковские — с красными тряпочками, журавлевские — с черными, колоколовские — с синими... Каждая семья на всю зиму ставила их по 10—20 штук. И стоило хозяину только взглянуть с берега на свои, как ему становилось ясно, есть улов или нет его.

На соседних старицах рыбаки-любители ставили кацы из таловых палок и круглый год сачком добывали в них свежую рыбу.

В наше время подобные снасти непременно украдут или разгромят. Страшное время переживаем — даже сельская молодежь еще недавно заметно отличалась от городской — скромностью, порядочностью, а теперь немалая часть ее становится безрассудной, пакостной.

Сейчас Ишим, пойменные старицы, озера по вине человека значительно обмелели и оскудели, это наша боль. Но рыба все же есть и если бы не было воров, погромщиков, забулдыг, люди, как в прошлые времена, когда торжествовала совесть, вполне могли бы обеспечить себя рыбой. Почему бы горожанам не ставить жорлики и кацы на озерах Каменном, Калачике или на Ишиме?

— У нас не Германия, — сказал мне как-то рыбак-любитель.

И я его понял. Два моих сына и зять отслужили действительную службу в рядах Советской Армии на территории ГДР. Они рассказывали, что озера там не опахивают, как у нас на притоках запруд, плотин не делают, берега содержат в чистоте. И в результате экологическая среда не нарушается, уровень вод в озерах сохраняется и рыбные запасы богаты. Но главное — человек может поставить любые снасти, сутками не появляться и быть уверенным в том, что никто к ним не прикоснется.

Почему и до каких пор у нас будет такое нетерпимое, беспечное к природе и к трудовому человеку отношение? Ведь были же мы лучше, были у нас совесть, милосердие, не поднималась рука на Природу, на чужое добро. На по-

лях год стояли стога сена, скирды необмолоченного хлеба, у земледельцев на пашнях имелись дерновые и жердяные избушки, в которых зимовали бороны, плуги и другая оснастка, а двери на замок не запирались, но весной хозяин обнаруживал все в целости. Теперь такое исключено.

Как дальше-то будем жить? Ведь никогда экономически не окрепнем, если и впредь из-за своего безрассудства будем наносить ущерб природе, губить ее и обворовывать тех, кто трудится, что-то производит.

Когда сопоставляешь прошлое с настоящим, становится страшновато. Слишком удалились мы от всего хорошего.

А что дальше-то нас ждет?

1993 г.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

На карте нашей области вы не найдете этого озера. Оно маломерное (поверхность воды — не более трех гектаров), с держащимися на плаву лабзами и густо заросшими камышом, осокой и разноцветьем берегами, удобное для гнездования косатых, хохлатой черныти, лысух и беспокойных куличков.

Находится оно между селами Воскресеновкой и Афонькино Мамлютского района. Лет пятнадцать прошло, как я познакомился с ним, проверяя работу сельских киноустановок. Когда проезжали мимо озера, мой спутник, воскре-сеновский киномеханик, попросил остановить машину:

— Лучшего местечка для отдыха и ущицы у вечернего костра вы не найдете, — сказал он и добавил: — золотистого и наивкуснейшего карася в этом озерце — тьма-тьмущая. Ловится в снасти и дуром на крючок. А красота-то... Райский уголок!

И вот, как-то весной, Общество рыболовов и охотников объявило выдачу разрешений на любительский лов рыбы. Я, вспомнив о Доронино, попросил разрешение на себя и на брата. Тогда дозволялся любительский лов только на бесхозных озерах, имея не более двух сетей или двух вентерей.

В первой же поездке нам воистину понравился этот райский уголок. За южным берегом на возвышенности — дивная березовая роща, от которой к воде тянется пологий скат, покрытый сочными травами и полевыми цветами. Нетрудно догадаться, что это — естественный водозабор, питающий весной озеро. На северной стороне — совхозный выпас скота. У берега расположен котлован, в котором в вечерней тишине заманчиво плещется рыба.

— Может, не в озере, а в котловане добудем рыбки? Вон как резвится, — сказал брат.

Я возразил:

— В котловане карась уже не тот, не золотистый, а серебристый, с темным оттенком и хуже на вкус. Кормовая база котлована несравнима с озерной.

Выплыв на плесо, с помощью шеста определили, что дно песчаное. Вода, что слеза — чиста и прозрачна. Глубина — полтора метра, но просматривается хорошо. Мне удалось даже увидеть промчавшийся косячок карасей. А когда я стал распускать сети, то улов начался сразу же. Попавшие караси дергали поводки, а берестяные поплавки ныряли. Так что вкусной ухой мы уже вечером были обеспечены. Домой вернулись с хорошим уловом.

С тех пор каждое лето 2—3 раза навещали это озеро. Не то из Мамлютки, не то из Воскресеновки приезжали рыбаки с удочками и оказалось, что этот способ улова был гораздо успешнее. Сидят под камышом в резиновой лодке два паренька и бойко таскают добычу.

Не могу забыть, как часто появлялся на этом озере архигрозный районный рыбинспектор. Словно сидел в соседнем лесу, и не сводя бдительное око, следил за "расхитителями рыбных запасов страны". В сколькой уже раз он появлялся на своем потрепанном "бобике", сколько раз читал и перечитывал нашу лицензию, заплывал на нашей же лодке и проверял, действительно ли у нас четыре сети, а не больше! И все-равно находил, к чему придраться. То сеть на два метра длиннее, то ячея мелкая — не даете, дескать, карасям вырасти, уже вылавливаете. Не оставлял он в покое и тех, кто появлялся с удилицем.

Однажды, когда мы поставили снасти и варили уху, к нам на самодельном ходочке, с железными колесиками от каретки однолемешного плуга, а вместо короба — лодка-

плоскодонка, подъехал подслеповатый старичок. На лацканах его обшарпанного пиджака — колодки наград, по которым легко было определить, что бился мужик за Сталинград, освобождал Будапешт, Вену, имеет орден Отечественной войны.

Лошадь у него была такая же старенькая, как и он сам. Подвезла она хозяина вразвалочку, от усталости глубоко вздохнула и до земли свесила голову. Старичок, не вылезая из лодки, переводя дух, спросил:

— Рыбачите?

— Рыбачим.

— Значит, зря я примчался.

— Почему зря?

— Так ведь озерцо-то маленькое. Тесновато будет.

— У нас только четыре сети. Мы их поставили справа, а вы ставьте слева.

— Ну и у меня три сети, — ответил он.

Мы помогли старику снять и поставить на берег лодку, распрягли и оприкоили вожжами клячу, а через полчаса втроем, приняв по стаканчику, занялись свежей ухой и оживленным разговором.

— На угодьях нашей Воскресеновки это озерцо для меня лично с самого детства любимое. Такого вкусного карася вы нигде не найдете. Корм здесь, стало быть, питательный, — разговорился дед. — И еще скажу я вам, удобства и красота здесь самые подходящие для ночевки. Всю войну вспоминал я это озеро, тосковал о нем.

— Что-то мы ни разу не встречали вас, — заметил брат.

— Болел я. Четыре года не рыбачил, а вот сейчас поправился чуток. Дай, думаю, испытаю счастье. Лошадку у свата позаимствовал. Рыбой, говорю ему, заброшу тебя.

И надо же: в этот момент на своем "бобике" точно вынырнул грозный инспектор. Нас с братом как бы не заметил, а к старцу прилип:

— Откуда ты, рыбак?

— Да из Воскресеновки я.

— Покажи рыболовный билет и путевку общества.

— Нет у меня. Ведь я же не на промысловом озере. Испокон веков на нем...

— Лодка ваша? — спросил инспектор.

— Моя.

- Поехали.
- Вы бы уж дали старику возможность ужин закончить,
- вмешался я, — да и сами присаживайтесь.
- Я при своей службе. Сколько сетей поставили?
- Да три сетешки только.
- Ясно. Поехали.

Старик покорно пошел за инспектором. Уплыли, оставив в наших душах тяжкий осадок и жалость к старику. Воротились с тремя сетями, в которых инспектор насчитал 25 трехперстных карасей.

На капоте "бобика" составил акт и сказал:

— Подписывай.

Старик заколебался:

— А что потом-то будет? — робко спросил.

— А ты подписывай. Я ведь ничего лишнего не делаю. Все как оно есть, по инструкции.

У старика тряслась рука, когда он подписывал. Видно было, как он оглушен жестокой несправедливостью.

— А теперь вот что будет: сети и браконьерскую добычу я, согласно инструкции, забираю. Копию акта, вот, получи. В нем указан размер штрафа и куда перевести эту сумму. После уплаты решим: вернуть тебе снасти или подождать.

Мы с братом возмутились и пошли на выручку старика. Стали доказывать, что озерцо-то не промысловое, бесхозное, по размерам — обыкновенная лужа, а потом кого наказывать-то? Он же Родину защищал! Но куда там!

— Я свой служебный долг выполняю, у меня инструкция. Так что не встравайте, а то могу и вас права на ловлю лишить. Защитники браконьера нашлись!

Он сел в свой "бобик" и умчался.

Старик молча запряг свою клячу. Мы поставили на ходок лодку, в которую он с трудом вскарабкался, да так молча, не сказав ни слова и не попрощавшись, уехал в свою Воскресеновку.

Случилось так, что после этого мы долгое время на рыбалку вообще не ездили. А вот в 1991 году, в погожий майский денек, решили снова махнуть на доронинскую уху.

На озере как-будто ничего не изменилось. Но когда я пробился на лодке через заросший заплыв, то сразу же почувствовал атмосферу какой-то безжизненности. На

плесе — ни одной лысухи; не вылетали, как прежде, из камыша испуганные утки, чирки, чернеди. Вода стала непрозрачная, растительность — не зеленая, как раньше, а коричневая. Поколебавшись, все-таки решил поставить сети. Напрасно. Вечер провели без ухи. И утром — ни единой рыбки! К нам подъехал воскресеновский пастух. Улыбается.

— Чего вы улыбаетесь? — спросил я.

— Над вами смеюсь. Вот уже четвертый год, как наше Доронино называют мертвым озером, а вы, горожане, напрасно мутите и без того мутную и отравленную воду.

— Что же произошло?

— А вон тот берег беду принес. Четыре года прошло, как этот склон от леса до самой воды совхоз вспахал и засеял, к тому же, химикатами вдоволь "накормил". Теперь снеговой и дождевой водой все смывается в озеро. Вот катастрофа и произошла. Озеро обезрыбилось, а птица, словно чувствует отраву, не садится на воду-то. Да и мы табун наш не пригоняем на водопой к котловану.

Странно. Какой-то гектар земли, который веками служил водозабором и экологическим регулятором водоема, вдруг понадобился совхозу "Искра". Вопреки неоднократным правительственным постановлениям, инструкциям и решениям облисполкома, категорически запрещающим близко опахивать леса и водоемы, все же вспахали и насытили химикатами. Вот ведь где реальная гибель рыбных запасов!

Невольно думаешь: а куда же смотрит рыбоохрана? Вот где у нее работы непочатый край — защищать озера от настоящих губителей рыбных запасов, отравителей наших водоемов и их обитателей, а не гоняться за теми, кто выехал на природу, да еще к бесхозному озерку, чтобы побаловаться, как в былые времена, свежей ущицей.

О ЧЕМ ПОЮТ ПТИЦЫ

Без научных приборов и анализа мы видим, как из года в год меняется лик земли нашей, к великому сожалению, в худшую сторону. Но как бы ни скудела природа, все же в отдельных уголках нашей области, порой на удивление, встречаешь дивные первозданные мес-

течки. И нет в этом никакой тайны. Просто, хорошо все там, где нас нет, нас — людей, да еще с техникой... Там природа — сама себе хозяйин, ее никто не уродует. Такие места встречаются и у нас — на угодьях долматовцев, налобинцев, чириковцев, аралагашцев, токушинцев, полудинцев и особенно в наших заповедниках. Здесь нередко попадаешь в сферу изумительного очарования. Разве можно быть равнодушным, увидев на опушке леса, совсем рядом, спокойного и важного косача?

А зайдите в лес, остановитесь на две минуты — и вы непременно услышите звонкий переклич иволги, голос зяблика, стрекотание дроздов, тонкий свисточек синицы, воркование дикого голубя. Если углубитесь дальше в лес и притаитесь, обязательно услышите гулкую, как пулеметная очередь, дробь. Это дятел. На высоком дереве нашел он сучок, примостился рядом — и вот уже раздается почти слитая в одну строчку гулкая дробь... На вешних лугах приозерья, по-соседству с болотами, кувыркается чибис с нехитрой, однообразной и милой песней: "Чи вы, чи вы?" На свой лад поет неутомимая громкоголосая автошка. Где-то за дальним лесом периодически громко рассеивает свое "как-гага" куropат, с озера доносится басистое "прумб" выпи.

В особенно глухих, малодоступных местах можно услышать тревожные трубные звуки. Остановитесь, запомните эту минуту — вы слышали журавлей... Таким же подарком можно считать косачиную песню. Журавлей слышно издали, а к косачу, наостряя по песне ухо, нужно подойти близко. Надо знать потаенные места токов, ночью идти по весеннему топкому лесу, с замиранием сердца слушать, а потом короткими перебежками двигаться в направлении песни.

Сколько птиц — столько и песен. Немного людей знают все их и по голосу смогут назвать певца. Весь гомон лесной мелюзги мы принимаем за единый хор радости. Кое-что, однако, из него нетрудно и выделить. Вот на опушке, на самой вершине березы, торжествует ворона... Кстати, к ней, я с юных лет отношусь с большим презрением, за то что она беспощадно опустошает гнезда других птиц и этим наносит неизмеримо большой ущерб. Недаром знающие люди говорят: если бы не было на свете ворон, ко-

личество водоплавающих, особенно уток, удвоилось бы.

Песня вороны груба и предельно проста. Но присмотритесь, как она старательно каркает и в лад бьет поклоны земле. Несомненно, тот, для кого предназначены эти звуки, наверняка ценит их, как самую дорогую из песен.

Для нас же главный певец — соловей. Он и в самом деле непревзойденный искусник. И если, скажем, вороний крик, данный птице в наследство, не очень меняется, то соловей не только свое пение постоянно шлифует — учится у собратьев, но и бережно и не как попало собирает в свои рулады все звуки, которые могут пригодиться для песен. Он певец и композитор одновременно.

И все же почему и зачем птицы поют?... Однозначного ответа на этот вопрос я не слышал. Некоторые, особенно люди верующие, считают, что это пение предназначено улаживать человека. В доказательство говорят: вот, мол, спрашивается, для чего многие животные живут с человеком, во всем помогают ему, а вернее — на себе возят, собой кормят, собой одевают; вот и вольные певчие птицы созданы для улаживания человека. Другие доказывают, что разнообразная жизнь существует независимо от людей и могла бы продолжаться и без них. Третьи утверждают: все животные — живые автоматы. Во всем их поведении, в том числе и в пении, преобладают рефлексy, инстинкт.

Однако годы идут, а пенье птиц остается загадкой.

Один авторитетный биолог писал: "Соловьиная песня не означает ни страданий, ни радостей, ни экстаза — это всего лишь предупреждение другим соловьям, что данный соловей утверждает право на данный участок. Он предупреждает своих противников, чтобы они держались поодаль от его личных владений. Сегодня многие скажут на это: верно, но лишь отчасти. В последние годы было накоплено множество наблюдений, сделанных не в клетках лабораторий, а прямо в природе, где животные ведут себя естественным образом. Понятие "живой автомат" нынче так же неверно, как и очеловечивание природы. Сегодня уже немногие отказывают высшим животным в способности мыслить, накапливать жизненный опыт, проявлять гибкость в изменяющейся обстановке. В последние годы говорили даже об эстетическом чувстве в природе..."

Птицы стоят не в первом ряду высокоразвитых орга-

низмов. Многие в их поведении запрограммировано. Но посмотрите, как точно отличает ворона идущего с ружьем охотника от старика с палкой. Как ловко две вороны обманывают собаку: одна клюнула в хвост, а другая в момент, когда собака метнулась, схватила кость из кормушки. Значит, и в пернатом мире не все глупы так же, как курица. И даже "наследственная программа инстинктов" не так проста, как кажется вначале.

Так почему же поет в клетке зяблик? Почему над полем звенит жаворонок, самозабвенно бормочут тетерева и барабанят дятлы? Да, в этих звуках есть и "заявка на жизненное пространство". Но не только. Тетерева слетаются попеть сообща. Территория тут не при чем. Они собираются на турнир и песня тут — демонстрация жизнеспособности: "Вот я какой, полюбуйте — красивый, сильный, горластый". Сидящая невдалеке самка выбирает себе лучшего певца-драчуна. Наверняка и для многих птиц песня есть способ заявить о себе, о своей силе и способности продолжать жизнь. Для многих же служит способом найти, обнаружить себе подобных. Голос маленькой птахи в лесу — это призыв: "Приди, я здесь!.." Но вот влюбленные встретились. Начинается песня в два голоса. Один из супругов поет несколько нот, затем их подхватывает другой, и оба исполнителя чередуются с такой удивительной точностью, что пока их обоих не увидишь, нельзя понять, поют две птицы или одна. Эту песню можно назвать радостным единением двух влюбленных существ.

Точные наблюдения с помощью звукозаписи обнаружили тончайшие оттенки в пении птиц. Один только дрозд исполняет пятьдесят разных песен. Пение птиц — это своеобразный "разговорный язык", способ не потеряться в лесу, сигнал о занятой территории, демонстрация жизненных сил, это радость любви. Наверняка, в пении есть и еще какой-нибудь, пока что скрытый для человека смысл.

... На самой верхушке березы сидит крошка-певец. Раннее утро. Вот-вот из-за гребня туманного леса выглянет солнце. Птичка повернула голову на восток, и лес услышал первую трель. Очень возможно, что этой песне не надо искать мудреного объяснения. Это просто крик жизни: "Я вижу солнце, я радуюсь, что живу!" А человек, оглушенный "симфонией" городов, вырвавшись на природу, уми-

ляется этим звукам, они умиротворяют, возвращают душевный покой, помогают взглянуть на окружающее другими глазами. И он, пораженный их красотой, говорит: "Какая тишина!" Но тишины-то нет. Вслушайся: тревожно шумит сорока, заперекликались иволги, зазвенели нежные голоса синичек, раскаркались вороны, раздался вибрирующий пулеметный стук дятла, ворчливый голос лесного голубя. Так что, к нашему счастью, тишины на природе пока еще нет.

А ДРУЗЬЯ ЛИ МЫ ВАМ?..

На телеэкране мы часто видим площади европейских городов — непременно с сонмищем голубей, снующих между людьми, которые подбрасывают им что-то съедобное. Птицы же в знак благодарности доверчиво садятся им на плечи, головы и ладони. Смотрим, и любимся, и радуемся естественной дружбе людей с животным миром. Но это там, опять-таки за рубежом, а не у нас. У нас в двадцатые годы голубей перевели дотла. Люди, спасаясь от голода, охотились за ними, остальная часть погибла от бескормицы. На это были веские причины: гражданская война, а следом — страшная засуха 1921 года. И только после Великой Отечественной, с экономическим улучшением жизни людей, опять появились и быстро размножились наши душевно почитаемые крылатые друзья.

Но вот в наши дни снова все пошло на круги своя. Вглядитесь, люди добрые, голубей-то нет! Еще недавно они облепляли бачки с пищевыми отходами, крыши мельниц и складов, на рынках путались под ногами. Но как только наступили морозы и полная бескормица, голуби исчезли. Их можно увидеть мертвыми на чердаках домов, и просто упавшими от бессилья на улице. И вся эта "тихая трагедия" никого из нас совершенно не тревожит, мы думаем только о себе. Не ждет ли нас самих та же участь? Если проявлять милосердие к животным, есть еще возможность в наступившие суровые морозы помочь выжить пернатым. Они молча вылетают с чердаков, до изнеможения ищут

что-либо из еды, но не находят и возвращаются на свой чердак, чтобы, прижавшись к теплой трубе, уснуть и никогда уже не проснуться.

А ведь каждый из нас мог бы с ними поделиться — недоеденной кашей, лапшой, засохшей коркой хлеба. Зачем же все пищевые отходы вываливать в мусор, когда вокруг нас бедствуют и гибнут от голода друзья человека?

ПОД ПОЛОГОМ ЛЕСА

Это только кажется, что лес бескраен, а запасы его богатств все еще велики. Наши рощи и дубравы делаются год от года все доступнее, незащищенней. Даже в самых потаенных уголках чащобы можно теперь увидеть туристов, любителей “тихой охоты”,

В последние дни прошедшего лета мне довелось побывать в дальних березовых рощах Соколовского района. Порой выпадал неблизкий путь, часто по бездорожью. В поисках грибных мест чем только не пожертвуешь. От пригорка к пригорку, от колка к колку, где заросшей травой проселочной дорожкой, где неприветливой израненой вдоль и поперек тракторным плугом межой.

Через рытвины, низины вела нас дорога, если так ее можно назвать, к богатым грибным местам на угодьях Новогеоргиевского совхоза.

Едем и едем, а по обочинам все тянется сплошь тихий, чистый, богатый грибами лес. Местами прямо с краю полыхают ярко-желтые гребешки лисичек, в траве виднеются шляпы рослых подосиновиков, пестреет веселая разноцветная смесь — сыроежки, волнушки, обабки... Остановись да собирай себе на здоровье. Однако провожатые словно и не замечают всей этой лесной благодати.

— Скоро финиш, братцы! До Самодуровских лесов рукой подать, — сказал один из них.

— А может, до Малиновских. Вот где грибные места, — ответил другой.

Но все же решили стратегического плана не менять.

...Как они их определили, по каким приметам — трудно сказать. Просто подъехали к большой веренице березо-

вых колков, остановились и объявили: “Вот это и есть Самодуровка”. И сходу, ни о каких сигналах и сроках не уговорившись, группой подались в лес и быстро растворились в нем. Каждый остался с березами один на один. Было свежо, светло, просторно и тихо. Дыши вволю, набирайся сил!

Не на промысел идет сюда издалека “смиранный” охотник. Мало-мальски уважающий себя грибник нигде чего попадая в кузов свой не гребет. Дышит, слушает, оглядывается. Неспешно распутывает не такую уж простую грибную игру. Если белые ищет — они и есть самые бесхитростные. Стоят, открытые взору. Неброские, внушительные. Шапочка бежевая, донце едва тронута изумрудным налетом. Окуни руку в мягкие мхи — ощутишь мощную округлую плодоножку. Иное белый груздь — мастер маскироваться. Со стороны, вроде, на месте топчется тот, кто за ним охотится. Рассматривает, трогает приподнятый настил. Меж тем корзинка незаметно полнится. Берет гриб осторожно, грибницу не потревожит — ему же здесь не раз бывать...

Жалким кажется при виде такого буйства листьев наш пригородный, придорожный лес. Опалины костров, следы автомобильных шин, порушенные кусты, клочки бумаги, битые бутылки, консервные банки...

Неужто и здесь, в сбереженных самодуровцами дивных лесах произойдет такое же, хотя и далеко они от городских любителей “тихой охоты”? Да хитрого тут ничего нет, ведь саму Самодуровку хотели под корень! Как “неперспективную”... А ведь какие здесь дивные места! Зеленеющие и цветущие поля, богатые лесные кладовые. Рассказывают, что в этих лесах еще в послевоенные годы областной потребсоюз многие сотни тонн грибов заготавливал, здесь же засаливали в бочках и, оставив часть для местного населения, вагонами отправляли в Алма-Ату, Джезказган, на Мангышлак и в другие безлесные регионы республики.

И все же тогда еще предполагалось: биологический запас лесных деликатесов использовался в пределах не более десяти процентов, а ведь дело-то настолько доходное, что так и соблазняет предпринимателей заняться “тихой охотой”. Ведь в прошлом Россия поставляла сушеные,

соленые, маринованные грузди и грибы на экспорт, особенно во Францию, где они котировались по высокой цене за валюту.

Конечно, год на год не приходится. Грибной урожай случается не каждое лето. Но лес хранит и другие богатства, они всегда, в любой год есть, особенно лечебные растения — березовые чага и почки, корни солодки, зверобой, мята, адонис, валерьяна, мать-и-мачеха, подорожник, чистотел и многие другие, закупаемые аптеками.

...Вот так отозвалась, растревожила сердце коротенькая прогулка в лесах бывшей Самодуровки. И все же: почему село было названо Самодуровкой? Я пытался разузнать у бывшего жителя соседнего, тоже бывшего, села Шелегино, у обитателей Бугрового, но точного ответа не нашел. Говорят, что такое название было дано в шутку, когда появились в этих местах первожители. Но потом эта шутка приклеилась навсегда. Села давно уже нет, а дивные леса и доли так и называются — Самодуровские.

Об одном теперь пекусь: сохранить бы их в таком же почти первоизданном состоянии.

ЛЕС — ЛЕГКИЕ ЗЕМЛИ

(Для беседы)

Лес — хранитель почвы и воды, очиститель воздуха от разных загрязнений, и кормилец, и доктор, и убежище для животных, дающий Земному шару кислород (два дерева круглогодично обеспечивают им одного человека), лес — это ценнейший строительный материал и энергоноситель. Лес — это земная красота, имеющая непревзойденную эстетическую ценность, огромное психологическое значение. Дни и недели, проведенные в лесу, оставляют глубокий след в душе человека, успокаивают нервную систему, облагораживают чувства, увеличивают энергию жизни. Чарующие красоты служат источником вдохновения писателей, поэтов и художников. Существует вполне верное мнение, что в лесу человек проходит школу эстетического воспитания.

Однако, как только в руках человека появились топор и

огонь, он стал бездумно уничтожать лесные запасы нашей планеты. И продолжает делать это до сего времени.

По подсчетам ученых, к концу нынешнего столетия на Земном шаре осталось только 25 процентов лесов, чего крайне недостаточно для нормального обеспечения планеты кислородом. Основной ущерб лесам наносят войны, начиная от походов Александра Македонского, Чингис Хана, Батые и Мамае. Люди так и говорили: “Впереди похода лес — позади пустыня”. Когда Батый заболел, то всем несметным его войскам была дана команда: жечь костры и леса, чтобы согреть Вселенную, отчего Великому хану полегчает.

Неизмеримое множество лесов нашей Родины было уничтожено во время Великой Отечественной войны.

По вине нерадивых людей и сегодня огромные массивы лесов уничтожаются пожарами, активным выпасом скота, кислотными дождями, предприятиями, особенно входящими в военно-промышленный комплекс. Помогают лесу гибнуть и природные явления, разного рода болезни, сибирский шелкопряд, который за последние годы, в связи с исчезновением боровой дичи, резко увеличился, а также беспорядочная вырубка и небрежное использование химикатов.

Наша страна (ныне СНГ) — самая богатая лесами. Ее лесной фонд составляет 1.230 млн. га (в основном, в России).

Канада	769 млн. га
США	250 млн. га
Швеция	23 млн. га
Финляндия	22 млн. га
Франция	13 млн. га

Наша Северо-Казахстанская область располагает лесным фондом на площади 379,153 га,

в том числе:

березы	330,000 га
осины	27,000 га
сосны	6,000 га
лиственницы	203 га
карагач	1,100 га

За последние годы были выращены леса руками людей на 27,000 га. Большинство целинных сел ныне утопа-

ют в зелени. Большое значение имеет выращенное в пятидесятые годы "Зеленое кольцо" вокруг Петропавловска, изменившее в лучшую сторону микроклимат областного центра. Значительно озеленился и сам город.

Каждому из нас следует неукоснительно выполнять заветное великое писателя А. П. Чехова, который сказал, что каждый человек должен вырастить хотя бы одно дерево. Кстати, и в Коране сказано: "Человек, вырастивший дерево или написавший книгу, не умрет до конца".

Если мы не сохраним то, что осталось первозданного, не увеличим насаждений новых рощ и посадку обремененных лесов, не прекратим лесные пожары, браконьерство, активные выпасы в лесах и их захламливание отходами, нас неизбежно ожидает плачевный конец.

Оставшиеся леса уже сейчас не в состоянии полностью восполнять баланс кислорода. По данным ЮНЕСКО:

1. От безлесья и других причин в мире 6 миллионов гектаров в год превращаются в пустыни. Мелеют и исчезают водоемы.

2. В мире 700 миллионов автомашин. Каждая за 900 километров пробега пожирает годовую норму кислорода на одного человека или животное.

3. Из общей загрязненности атмосферы земли токсическими веществами 65 процентов приходится на автотранспорт.

4. Реактивный самолет за одну тысячу километров перелета пожирает кислорода столько, сколько дает за год большой колонок.

5. Запасы кислорода с каждым годом беднеют, а пополнения нет. Все это отрицательно сказывается на животном и растительном мире, на здоровье человека.

А население на Земле растет — ежегодно рождается 75—80 миллионов человек, соответственно увеличивается и потребность в древесине. Приведу одно из высказываний академика В. Виноградова: "В 1955 году в мире было использовано 1,5 миллиарда кубометров древесины, в 1970 году — уже 2,2 миллиарда, а по прогнозам — каждые десять лет древесины будет расходоваться почти в два раза больше каждого предыдущего десятилетия".

Чтобы не уменьшались лесные запасы, борьба за сохранность лесов должна, соответственно, усиливаться.

В ЗАЩИТУ ПОЛЕВЫХ ЦВЕТОВ

Чтобы отдохнуть после трудовой недели на лоне природы, я в погожие дни садился на мотоцикл и уезжал к брату — леснику Пригородного лесхоза Владимиру Михайловичу. За тридцать два года работы в этой должности где он только не жил! То в Березовке, то в Пеньково, то в Мещанской роще.

Мне очень нравилось завалиться в короб ходка и целый день ездить по родным с детства лесам его обхода, который он называл "моя ипархия".

Вот и сегодня возил он меня по своей солнечной "ипархии", больше всего бездорожьем, шажком, с остановками, с прислушиванием, не рубят ли. Водил по колкам, рассказывал разные истории, показывал места, где когда-то "прихлопнул" лесного браконьера, рассказывал, как однажды его самого за несговорчивость стащили с седла... Старший скомандовал: "Гришка, неси пилу".

— Растянули они меня на матушке-планете и говорят: "Из тебя одного за минуту мы сделаем два лесника". И пилу-то острыми зубцами притулили к моему животу. Невыносимая боль! На глазах пробились слезы. Стал упрашивать, умолять. Ради моих малолетних детей просил не убивать. Убрали пилу, но приказали лежать и не шевелиться, пока не погрузят лес и не уедут. Я тогда вернулся домой, и слег в постель, через три дня еле акклимался!

За весь этот день никто не попался, только и "прихлопнул" Владимир одну молодую женщину — да и то не с лесом, а... с цветами.

— Зачем же вы целое беремья цветов загубили? — спросил он женщину.

— А вам что, жалко?

— Да, вам пора тоже пожалеть. Ведь все поля обесцветили.

— Фи, еще нарастут.

— Но ведь сорванные вами цветы семена уже на землю не сбросят. А у вас через два дня беремья мусору будет. Сорвали бы маленький букетик — и довольно. Глядишь — на семена что-то оставили бы.

— Учту ваше замечание, товарищ лесник, — засмеялась и ушла.

После этого эпизода я спрашиваю:

— Что, это входит в обязанность лесника?

— А ты что, мимо прошел бы такого факта? — спросил Владимир. — По-моему, все мы должны пресекать произвол на природе. Разве ты не помнишь прежней красоты в этих местах? А теперь — все вытоптали да выдрали. Я помню некоторые лесные опушки были, как цветники, а теперь голым-голо на них, а отсюда — ни пчел, ни бабочек, ни певчих птиц.

— Но ты ведь лесник, а не цветник.

— А какой же это лесник, если он в своем обходе только деревья видит? Кто будет беречь красоту вокруг своих лесов, животных в них? Нет. Я с первых дней работы лесником — в ответе за все, что находится в моей ипархии, хотя наше руководство не очень-то спрашивает с нас за лесную живность, не очень-то печется о том, чем питается она в зимние морозы, особенно лоси и козы, что за охотники бродят в лесах, а уж за судьбу полевых цветов говорить не приходится. Этот вопрос как бы ничейный. Посмотрел бы ты, что творится в выходные дни. Семьями грабят природу. Каждый норовит нарвать цветов не букет, а охапку. На семена для будущего урожая не оставляют. А ведь люди-то в большинстве интеллигентные. Лет пять назад был у меня такой случай. Еду по своему обходу и вижу: на цветущей опушке леса семейка старательно пластает цветы. У папочки, мамочки и двух сыночков по беремю, а они еще и еще рвут. Подвернул к ним, смотрю, а папочка-то — районный прокурор. Он меня не знает, а я его — как облупленного. Поздоровались. Я говорю:

— Что же вы, гражданин, с цветами так расправляетесь?

— Как я понял, вы лесник, но плохо воспитан. Мы ведь не в заключении, чтобы величать меня "гражданином". А затем — леснику надо леса охранять, а не отдыхающих на природе травмировать.

— Ну а кто же по вашему полевые цветы должен защищать? — спрашиваю его.

— А это уже не ваша забота, — отвечает.

— А я думаю, моя и ваша и всех нас забота. Вы вот оголили опушку...

— Я не желаю с вами разговаривать по пустякам, — сказал он.

— Ладно, — говорю, — номер вашей машины я засек. Завтра же разговор этот продолжим у районного прокурора.

Стеганул я своего Карьку и помчался. А он сначала остолбенел, а потом спохватился и кричит:

— Лесник, поговорить надо.

— Мне не о чем говорить с вами, хорошо воспитанный гражданин, — крикнул я ему. А сам объехал колок, привязал коня и от березы к березе бегом — к опушке. И смотрю, как мой прокурор с прокуроршею и прокурорятами бегом в машину и помчались к дороге, меня, конечно, догонять. Но дудки, не догнал и не дождался меня.

Посмеялся я и спросил брата:

— А ты забыл, как мы в детстве тоже пластали цветы и здоровенные букеты домой приносили?

— Было, — говорит. — Это была детская глупость.

Что греха таить, ведь только после ухода на пенсию и устройства на работу в областное общество охраны природы, когда мне пришлось вплотную встретиться лицом к лицу с природой, я понял: сорвать несколько цветов — это, конечно, еще не очень большая беда; но когда собирают целые охапки и это делают многие, — надо бить тревогу. Массовый сбор цветов приводит к быстрому исчезновению растений. В лесу становится уныло, скучно и пусто. Мы не видим уже ярких красок лесных цветов, их изящных форм, так радующих глаз. Флора скудеет, становится бедной, однообразной.

Впрочем, могут быть и такие случаи, когда даже единственный цветок сорвать в лесу нельзя. Представьте себе, что это очень редкое растение и в данной местности встречается только в одной точке. Конечно, узнать, что это большая редкость, может только специалист. А как быть всем остальным? Здесь уже лучше "перестраховаться". Если встретите в лесу какое-то растение с красивыми цветками и в одном экземпляре, оставьте его в покое, не рвите. Вдруг это как раз и есть большая редкость! Уж если хочется нарвать цветов, найдите такие, которых достаточно в лесу. Но и их ни в коем случае не рвите помногу. Возможно, это тоже редкие растения и даже охраняемые, находящиеся под угрозой уничтожения. Они занесены в общесоюзную Красную книгу или в местные ее аналоги (для

некоторых территорий есть свои Красные книги). Будучи в лесу, надо проявлять максимум бережливости к природе, к растениям. Если каждый из нас будет так поступать, все красивые цветы нашей флоры сохранятся, не исчезнут. И они будут нас радовать многие годы. Лес без цветов — это скучный лес. Сохранить его богатым, красивым, привлекательным — вполне в наших силах.

ГДЕ ВЫ, ГЛУХАРИ?

В прошлую весну решил я встретить рассвет у озера Пеньково. Замысел был такой: на заре, когда еще все село спит, уйти в предозерную рощу, сесть там на пенёк, помечтать, вспомнить прошлое на этих пашнях, а главное — на общем просыпе животного мира послушать родной мне с детства птичий гомон.

Желаемый пенёк нашёлся сразу. Уселся я на него лицом к озеру, от которого тянуло влажной прохладой и знакомым запахом мха. По ту сторону, за темной полоской лесов, медленно начала в небе пробиваться зорька, отчего за моей спиной под пологом сплошных лесов еще больше сгустилась таинственная темень, из которой донесся осторожный шелест сухих листьев, а затем, словно щелчок оружейного затвора, — треснувшей сухой ветки. Признаюсь, мне стало как-то жутковато. Я прекрасно понимал, что это никакой не соловей-разбойник. И, конечно, не хищный зверь, а скорее — еж, заяц, глухарь. И все-таки, когда такое за твоей спиной, в лесной загадочной тьме, где ни зги не видно, становится как-то не по себе. Я встал и пошел к озеру, где легко просматриваются камыши и плесики. Но не успел пройти десяток шагов, как поблизости панически раскрякалась утка. С этого и встревожилось все озеро. Как-то щедро-разливно зазвенели серебром голоса чаек, раздался строгий гогот гусака, а где-то на противоположном берегу мартын, напоминавший мне дядю Данилу Захарова, страстного любителя природы, расстрелянного в числе восьми пеньковцев в 1938 году “за участие в троцкистско-зиновьевском блоке”, а затем реабилитированных; он, бывало, любил вот так, по-мартыньи, раскати́сто имитировать крики кряковой, выпи, перепела.

“Что-то все-таки из водоплавающей дичи осталось”, — подумал я и переключил свой слух в лесную сторону. Помню, как, бывало, еще до появления зорьки косачи на своих токах шумно, с каким-то особым ликованием вершили свое таинство любви. Из далеких и близких лесов доносились до села эти таинственные шумы токующих косачей: “Тю-лю-лю, тю-лю-лю”. Тетервы было в двадцатых и тридцатых годах в Пеньковских, Софонковских и Татарских лесах очень много, они то и дело сполохами вылетали из-под ног, а осенью, куда ни поедешь — непременно увидишь их табуны гирляндами на березах.

А какая дивная была охота по осени на глухарей с чу-челами тетерок! Тетерочку одну-две сошьешь, бывало, из мешковины, набьешь опилками, подрисуешь глазки да на шесте поднимешь к вершине берез, а сам — в скрадок. Можно вздремнуть — глухарь своей шумной посадкой, протяжным “скжиги-скжик” все равно разбудит. Зато сам он в это время ничего не слышит. Вероятно, отсюда птица и получила свое название — “глухарь”, он ничего не слышит, когда токует.

Вспомнил я, как мой “корешок” Саня Вележанский пригласил меня на косачинный ток. Из его рассказов я представлял, что это за охота, но бывать на косачинных токах до тех пор не приходилось.

Поздно вечером мы с берданками наперевес, в стареньких телогрейках на случай утренней прохлады пошли напрямик через лесные трупцы, за Рыднинскую пашню в лесную глухомань, откуда каждое утро доносились косачины напевы.

Темень быстро сгущалась. Саня, раздвигая на пути ветки и огибая безмолвные березы, спешил так, что я еле успевал за ним. Путь показался мне долгим, я спросил:

— Саня, а мы не заблудились?

Он блеснул белыми зубами, хихикнул:

— Да ты что! Я тут каждый пенек, каждый муравейник знаю. Еще немного — и мы у цели. Давай покурим. На току курить — ни-ни, иначе токование не состоится.

Присели мы на опушке леса, смачно, по-мужичьи закурили “Дубинушку” и он в порядке инструктажа сказал:

— Косачи — хотя и глухари, а когда надо, все слышат и все видят. Так что на току води себя тихо, как рыба. Этот

точок я знаю как свои пять пальцев. Я его на пузе облазил и добычу имел не одну. Там у меня два скрадка. Один твой. Заляжешь и сопи в две дырочки до зорьки. А когда у них начнется любовь и глухари забегают да запрыгают, вот тут ты не плошай. Стреляй, но без моей команды не вставай. И еще: стреляй только самцов. Каждая тетерка за лето вырастит целый табунок, а самцов хоть пруд пруди — бить не перебить. А если охотники будут стрелять в самок, то у нас вся птица переведется. Так что греха на душу не бери.

В моем представлении косачиный ток — это голая площадка, а скрадок — это балагашик. Но все оказалось не так. Ток — обыкновенная опушка леса, заросшая мелким разнотравьем, а скрадок — подстилка, вокруг утыканная березовыми ветками.

— Вот и скрадок, ложись и жди, — шепотом сказал Саня и добавил, — мой скрадок вон там, так ты в ту сторону не стреляй, а то меня подвалишь.

Помню, как от томительного ожидания и глухой тишины меня клонило в сон. Я засыпал, но тут же просыпался, растирал виски, делал глубокие вздохи; ворочался до тех пор, пока не услышал, как будто из соседнего леса кто-то отрывисто, громко произнес какое-то непонятное слово, словно старый ворчун.

После мне Саня сказал: “Это была команда старого глухаря — пора, дескать, приступать к любовному спектаклю”.

...И в воздухе, словно сполохи, обдавая ветерком, “повалили” на уже слегка освещенную зарею землю взъерошенные глухари. Вытянув шеи, распутив в стороны крылья, хвосты — веером, усиленно цокая попеременно с легкими прыжками, ликующие, забегали они по полю. Очарованный этим сказочным зрелищем, я забыл, за чем пришел.

И странно: Саня по глухарям уже палит — и небезрезультатно, а они все бесятся, не улетают. “Вот когда они действительно глухие!” — подумал я. И только, затаив дыхание, взялся за ружье, как увидел тетерку. Подошла она к моему скрадку совершенно спокойно и так мило, как-то по-домашнему смотрит на меня. Я на нее, она на меня — любимся. Она как бы спрашивает: кто ты и чего тебе тут надо?

Саня не стерпел тогда мое молчание и гневно рявкнул: — Стреляй же!

От этого выкрика глухари начали взлетать, а тетерки — разбегаться.

Одного глухаря мне все же удалось сбить на взлете, а Саня, как он выразился, — “пяток снял”.

— Я мог бы больше, если бы ты не довел меня до белой горячки.

Его упрек я тогда принял как должное. Правда милости не ищет.

С тех пор прошло шесть десятков лет, а как-будто бы это было недавно. Помню, как на следующее утро до села доносились те же глухариные напевы со всех токов, в том числе и с того, что за Рындиной пашней. Оказывается, глухарям даже оружейная пальба, да и угроза гибели в сезон любовных встреч не имеет значения. Жизнь продолжается!

...Все это — в прошлом. А где же теперь в наши дни глухариные свадьбы?

На этот вопрос мой приятель, бывший учитель Пенковской школы Николай Каллистратович, с горечью ответил:

— Все погубили мы сами. Неграмотно обращаемся с химикатами. В лесах редко встретим дятла, иволгу. Травим шелкопряда и птиц этим уничтожаем.

Не стало прежней тетервы.

ПРИРОДА И ДЕТИ

Парторг совхоза “Лесной” Галина Михайловна Рябцева увлеченно рассказывала о планах озеленения и благоустройства сел двух отделений совхоза. Но потом вдруг призадумалась:

— А давайте я Вас лучше познакомлю со страстным любителем природы, который вкладывает в дело озеленения, пожалуй, больше всех и труда, и организационной энергии. Это председатель сельсовета Петр Григорьевич Гриб, вот он-то Вам обо всем подробно расскажет.

Но в тот день с Петром Григорьевичем нам не удалось

встретиться — было горячее время уборки последних гектаров совхозного картофеля и он пропадал где-то в поле. Встретились мы позже, когда деревья сбрасывали последние листья, завяли цветы, готовились к отлету птицы. И эта картина увядающей природы придавала какую-то лирическую окраску облику села Пресновка Соколовского района.

— Во всей Пресновке раньше только в двух дворах красовалось по два тополя, — вспоминает Петр Григорьевич. — Деревенька стояла, что называется, на семи ветрах.

Сам он родом с Украины, хорошо помнит родное село, утопающее в тенистой зелени, и потому никак не мог мириться с тем, что человек живет на голом месте. Куда бы ни забрасывала его судьба, обязательно начинал обустройство на новом месте с того, что сажал деревья. И когда его назначили на должность управляющего отделением совхоза "Петропавловский" в село Пресновку, находил время для изучения положения дел с озеленением села. Обнаружив, что кроме четырех тополей, полыни да лебеды на новом месте — никакой растительности, поднял общественность на благоустройство села. Когда вспоминает об этом, на его смуглом лице появляется грустная улыбка.

— Мы тогда первым делом озеленили центральную улицу. Но к осени от всех наших посадок остались рожки да ножки. Надо было сначала научить людей не только правильно садить деревья, беречь насаждения, но и ухаживать за ними, особенно в первый год, когда требуется обильный полив. Надо не только наслаждаться природой, но и ценить и хранить эту красоту.

Десять лет назад село Пресновка стало центральной усадьбой вновь созданного совхоза "Лесной". Многие иронизировали: дескать, не "Лесным", а "Степным" надо бы назвать.

На этот раз, прежде чем начать озеленение, решено было создать в совхозе первичную организацию Общества охраны природы. В то время Петр Григорьевич работал в школе учителем. Зная его любовь к природе и незаурядные организаторские способности, пресновчане избрали его тогда председателем этого общества, членами которого стала почти половина взрослого населения "Лесно-

го". Создали пять секций — охраны леса и фауны, озер, почв, садоводства и цветоводства.

Петр Григорьевич сколотил вокруг себя крепкий актив. Хорошим его помощником стал учитель Валерий Николаевич Нужных, он проводил большую воспитательную природоохранную работу среди школьников, создал в школе уголок природы. Из старшеклассников был организован "Зеленый патруль". Для ребят сшили специальные костюмы, отштамповали нагрудные значки. Отряд возглавил Саша Шейкин, хорошо владеющий техникой, — это умение пригодилось ему при механизированной обработке плодово-ягодного сада. Анатолий Дмитриевич Круглов, шофер, возглавил две секции — охраны леса и фауны и охраны озер. За короткое время в совхозе добились значительных успехов в приумножении богатств природы.

Горячо откликнулись в "Лесном" на призыв тимирязевцев озеленить села области. Особенно оживилась эта работа с избранием Гриба председателем Лесного сельского Совета. Хорошие начинания местного органа власти поддерживаются руководством, партийной и профсоюзной организациями совхоза.

Общество охраны природы "Лесного" сельского Совета взяло на себя большую долю забот о садоводах-любителях: помогает им в приобретении семян и саженцев, консультирует по агротехническим вопросам, организует соревнования за лучший сад, лучший цветник, активно содействует их участию в различных выставках. В минувшем году на районной выставке от совхоза участвовало пять лучших садоводов, трое из них — С. Сорокина, Р. Ольховая, Г. Абашева — были награждены Почетными грамотами и ценными подарками.

На центральной усадьбе совхоза теперь есть плодово-ягодный сад. А в 1981 году Петр Григорьевич предложил заложить второй совхозный плодово-ягодный сад. Его поддержали руководство хозяйства и школа. В трех километрах от Пресновки, в живописном междулесье отвели площадку, построили лагерь труда и отдыха для учащихся. Вот уже два лета подряд школьники под руководством В. Н. Нужных и П. Г. Гриба проводят посадки и организуют уход за ними на 15 гектарах. Здесь растут различные сорта яблонь, слив, малины, смородины. К концу пятилетки

площадь сада планируется расширить до 25 гектаров.

Юные любители природы под руководством общественного егеря Анатолия Дмитриевича Круглова заготовили грубые корма на зиму для диких животных, смастерили и установили в лесах кормушки, домики для птиц. Ребята активно участвуют в природоохранительной работе. В школе установилась традиция проводить праздники под девизами "Друг леса", "День цветов", "День птиц".

Не все, конечно, у любителей природы совхоза "Лесной" идет гладко, немало еще проблем, одна из них — трудности с водой для полива. Затягивается также строительство водопровода и в саму Пресновку. Решение этой основной проблемы, несомненно, даст толчок дальнейшему озеленению сел и их окрестностей. Но уже сейчас совхоз, центральная усадьба которого выросла на безлесном месте, соответствует своему названию — "Лесной".

Пройдут годы и сегодняшние дети станут взрослыми, семейными людьми, и как хорошо, что им, оглядывая родное село, погруженное в зелень, сельский сад в несколько гектаров, озелененный двор своей школы, будет чего вспомнить. И передать свою любовь к природе новому поколению.

Отрадно сознавать, что охрана природы в наше время становится делом не только взрослых, но и детей, вступивших в школьные лесничества, отряды зеленых и голубых патрулей и юношеские секции общества охраны природы.

Школьные лесничества — это годами проверенная и оправдавшая себя на деле форма объединения учащихся общеобразовательных школ для осуществления природоохранной деятельности в свободное от учебы время.

При создании школьных лесничеств ребята получают в свое распоряжение материальную базу, а взрослые — воспитатели и наставники — имеют теперь реальную возможность целенаправленно повышать уровень, совершенствовать формы и методы эстетико-нравственного и трудового воспитания подрастающего поколения. Найдена интересная, увлекательная форма работы с учащимися в неурочное время. Это сравнительно новый, еще до конца не исчерпавший себя путь приобщения школьников к природе.

* СОХРАНИТЬ ДЛЯ ПОТОМКОВ

Прекрасна наша приишимская земля в любое время года. Привлекательность ее создают густые березовые леса вперемежку с сосновыми рощами, полезащитными полосами, тихие, богатые рыбой и дичью озера, петляющая среди степи река Ишим с ее заросшими черемухой, боярышником и рябиной таинственными оврагами и многочисленными поймами и старицами.

Но главное место в этой чарующей красоте занимают все же леса. В нашей небольшой по размерам области разместилось 379150 гектаров лесов, в том числе 330 тысяч — березы, 27 тысяч — осины, 6900 — сосны, множество кустарных зарослей. За послевоенные годы посажено и выращено 27 тысяч гектаров различных пород деревьев.

Дни, проведенные в лесу, оставляют глубокий след у человека, успокаивают нервную систему, облагораживают чувства, поднимают общую энергию жизни. Ведь недаром леса служили источником вдохновения для всех поколений писателей, поэтов и художников. Существует верное мнение, что в лесу человек проходит школу эстетического воспитания.

Лес испокон веков был и остается верным другом и защитником человека. Лес кормит, лечит, греет и одевает нас. Дарит лекарственные растения, ягоды, грибы, плоды, очищает воздух от загрязнения, дает нам кислород, которым дышим, обеспечивает строительным материалом, а взамен требует только одного — бережного отношения к себе. Но как сохранить и сберечь его в наше трудное время?

Три лета подряд наши березовые рощи атакуют полчища непарного шелкопряда, пожирающего зеленую листву деревьев. Имеет место массовая вымочка многих лесных массивов. Природа мстит! Теперь, куда бы ни поехал, всюду встретишь оголенные березовые колки, вызывающие душевную скорбь. Вот уже сколько лет ученые предсказывают: быть беде! На земле всюду дым, чад, копоть, разливы нефти; загрязненные леса и горят, и вырубаются масштабно.

По официальным данным нашего областного лесохозяйственного объединения, по состоянию на 1 сентября 1995 года в области было обнаружено свыше двухсот грубых нарушений лесного законодательства (в основном — самовольная вырубка), произошло 38 лесных пожаров, унесших безвозвратно десятки гектаров березы и сосны. Я говорю “безвозвратно” потому, что сейчас наши леса переполнены валежником, и пожар не проносится по лесу, а задерживается, горит костром, дает высокую температуру, глубоко выжигает торф, и если на этом месте что-то вырастает, то нескоро.

За каждым пожаром — конкретный человек, но выявлено только 6 виновных, остальные 32 поджигателя остались безнаказанными. Это, конечно, не какие-то преднамеренные, злостные вредители природы. Поручили такому пал пустить, чтобы избавить поле от пожухлой травы, или сжечь бросовую солому, чтобы не мешала вспашке, вот он, не взвесив ситуацию, и пускает “красного петуха” по ветру, да прямо в лесок. А когда от маленького огонька возникает ненасытное пламя и превращается в стихию, тут-то нашему “герою” ничего не остается, как скрыться в тени. Подобных фактов, а также браконьерства много в Бишкульском, Соколовском, Пресновском, Сергеевском и Ленинском районах. Причем, все это не снижается, а идет по нарастающей.

В связи с резким подорожанием угля (да и дров) число самовольных порубок в области возрастает. Особенно активно орудуют те, кто имеет и транспорт, и мхпилу. А чтобы вылавливать их, чтобы осуществлять полноценные практические меры по охране леса, у его хозяев нет достаточных средств передвижения, нет горючего. Да и кадровый вопрос доведен до крайности: численность работников уменьшена, зарплата низка, многие специалисты покинули лесничество.

Что касается каменного угля, то ясно видно; мы почти уже возвратились в двадцатые, тридцатые годы, когда жители города и сел в глаза его не видели. Сейчас покажется странным, но в те годы даже, утопая в лесах, заготавливали на зиму кизяк, усиленно охотились за сухостоем и валежником, но здоровый лес ревностно берегли, держали в чистоте.

Теперь же леса наши до непроходимости забиты валежником, который годами гниет, разлагается, но по-хозяйски не используется. А все потому, что если в двадцатые и тридцатые годы люди брали валежник бесплатно, держали леса в чистоте, то затем по инструкции свыше была установлена изрядная плата за кубометр этого гнилья (инструкция-то написана в предгорьях Алатау чиновниками, не знающими специфики нашего края). Знаменательно, что на днях решением главы областной администрации запрет на бесплатный сбор валежника отменен.

В области много березовых колков, крайне нуждающихся в прореживании, они гибнут от загущенности, но никто этим всерьез не занимается, да и некому заниматься: штаты работников леса не позволяют справляться и с этим. Так что в современных условиях основная забота по сохранению окружающей среды и, в частности, наших лесов, лежит на совести каждого жителя области.

*** ПОСКОРБИМ НАД ОСИНУШКОЙ...**

Помню, как в вечернюю пору дед Тимошарушка “философствовал” соседям об осиновом дереве. — В сути чудное оно, — говорил он. — Вот, к примеру, без березы осина сирота, жить не может, так и гоняется за березой, как собачонка за хозяином. Чуть не в каждом березовом колке осина. Она как бы квартирантка, да еще с хитринкой, все норовит поселиться в срединку колка, в самую что ни на есть тишину. А пошто? Да чтобы в тишине-то поменьше дрожать. Но ведь и в тишине она все равно трепещет без конца своими листьями, шелестит, шепчется с соседками, а трусливому-то человеку, да в глухомань-то, да еще под вечер, как вроде бы жутковато. За то, видно, это дерево и называют осина — чертова древесина, а плохому человеку всегда завещают не крест, а осинового кол в могилку вбить, чтобы душа его в небесном раю не появлялась.

Сам Тимошарушка осину любил, расхваливал на все лады — и что она в хозяйстве сподручна, легка в весе, податлива в обработке — расщепляй ее пополам и пол настилай в бане, нары, скамейки, полки мастера, а вот из березы этого не сделать.

А уж как восхвалял собственную лодку-долбленку. Ей полста лет, а она все еще без задоринки. Бери ее на плечо и переноси с одного озера на другое. Легка, словно из бумаги склеена. А на плаву — что змей — через любые заросли камыша без шороху пролезет.

Хвалил осину и за то, что она своей горегорькой корой хину перещеголяла, многих спасла от малярийной смерти. Да и зверье осинový молодой грызет — небось тоже кора-то им лекарство от какой-нибудь заразы.

Кажется, совсем недавно в крестьянских подворьях красноярцев, бугровчан, пеньковцев встречались и корыта, и колоды-долбленки из крупных осин. А вот сегодня мы оказались живыми свидетелями сплошной гибели осины. Ей еще только 5—10 лет, а она уже навсегда прощается с миром. Если присмотреться к валежнику в наших лесах, а его теперь как никогда много, то основная масса — это осина. Странно, что загнивает она с сердцевины ствола, и никто не может толком объяснить такое явление. Например, с березой все ясно и понятно: береза гибнет от вымочки, от химикатов, от активного выпаса скота в колках, от нападения парного шелкопряда, поедающего начисто листву, а вот что происходит с осиной, однозначного заключения нет. Но есть различные предположения.

— Все это результат неграмотной химической обработки почвы, — говорят одни.

— Нет, — возражают другие, и утверждают, что это инфекционное заболевание, подобное бруцеллезу или туберкулезу животных.

А третьи считают, что это результат шквального загрязнения атмосферы нашей матушки-земли. Миллион тонн зловещей грязи выбрасывается в воздушный океан, а дождями смывается в почву.

Кто тут прав? Когда-то ученые уточнят. А пока, если мир понимать во взаимосвязи, то нетрудно догадаться: исчезнет осина — никогда уже не появятся грибы-подосинники.

* ЗОВ ПРЕДКОВ

Зашел я к другу, а тот с досадой жалуется: три года жил у него ежик Филька и вдруг сбежал.

— Ну чего ему не хватало, — сокрушенно говорит он, — сам недоедал, молоко недопивал — все ему, а он, колючий аспид, такую неблагодарность выкинул. Ведь три года дружили, друг друга понимали. Крикнешь, "Филя!", а он как солдат — у твоих ног — топотун несчастный. Надо же — сбежал!

— А раньше были попытки бегства? — спрашиваю.

— Были, но соседи перехватывали его на лестнице. За три года трижды пытался сбежать. И еще: брали мы однажды проказника на природу, отпустили на зеленую травку, а он пошвыркал, пошвыркал носиком в траве, да как чесанул от нас — еле догнали. Оказывается, ежик за один час способен пробежать десять километров, во как!.. Но спрашивается, как он выберется из города на природу, чем питаться будет, после цивилизованной пищи? Да мне его до слез жаль — погибнет!

— Жалеть поздно. Жалеть надо было тогда, когда ты "вырвал" его из природы, из собственной стихии. Он ведь не нуждался в твоей "цивилизации". Ну, а теперь как ему выбраться из города, чем питаться — его проблема. Он-то знает, что ему делать, как жить.

— Хотел по телеку, или в газете объявить розыск, так меня осмеяли, дескать, милиции и без ежейков дел под завязку.

— И правильно осмеяли... Ежик не беглец, он просто освободил себя от плена и теперь где-то усиленно ищет свой приют и своих сородичей.

— Но ведь зима не за горами, а он привык к теплу, — возражал хозяин.

— Да, теперь нелегко будет ему, но разве легче было привыкать ему к твоему теплу, к комнатной духоте, но привык, а уж к приволью-то своих предков привыкнет и возрадуются.

Кстати, во что и как одеваются ежи на зиму, мне доведется увидеть.

Года три тому назад мы с внуком Кирюхой неподалеку

от села Пеньково собирали грузди. Была уже осень, в целом-то груздяной сезон прошел, но нам подсказали: побольше рыться в сухой листве и там, дескать, найдете сухие груздочки. Вот и приступили мы разыскивать бугорки листьев. Разгребешь их, а там беленькие ароматные притаились. Срезай их и в корзинку.

— Так вот гребанул мой Кирюха своей пятерней один бугорок и взвыл от боли своих пальчиков — наколол колючками. Очевидно, еж катался на пожухлых листьях, наприкалывал их целую копну и улегся в ямочку, возле березы.

— Чего он здесь? — спросил, прослезившись от испуга и боли Кирюха.

— К зиме подготовился, утеплился, — сказал я ему, а сам тут же наскреб еще много листьев и насыпал на ежа.

— Деда, возьмем его к себе. У нас ему теплее будет, — настоятельно запросил внук.

Пришлось долго разъяснять о том, что все дикие животные любят жить свободно: как им природа нарекла, а взять к себе — значит, в неволю, отчего дикие животные часто погибают.

На другой день мы снова приехали в этот груздяной лес. Кирюха мне ни слова, крадучись, разыскал ежовую “берлогу”, но тут же прибежал ко мне и сообщил: “Ежа там нет”.

— И не будет, — ответил я.

— Да почему?

— Да потому что разгадал он твои замыслы. Дикие животные не любят, если кто-либо нарушит их покой. Он еще вчера понял, что ты не оставишь его в покое. Вот он и сбежал из этого колка.

* А ТРУС ЛИ ЗАЯЦ?

Трусливых людей мы часто сравниваем с зайцами, говорим: “Труслив, как заяц”. А спрашивается: какое животное в мире не проявляет трусости, когда перед ним возникает смертельная опасность? Да нет таких животных! Волк, дикий кабан, тигр, медведь могут сами дерзко нападать на свою жертву, но если на любого

из них свершится нападение более сильного или коварного существа, например, вооруженного человека — тут у них трусости хоть отбавляй.

Я был очевидцем, как к прирученному, но бесстрашному медведю подпустили небольшую змею, и он от страха заорал во всю медвежью глотку и пустился в паническое бегство. Здесь, очевидно, инстинкт предков подсказал ему, что это маленькое существо смертельно опасно.

А вот случай с зайцем. Для нас с дружкой юности — Сашей Велижанским самым лучшим видом отдыха в выходные дни была охота и рыбалка. Все пеньковские ребята, а то и “женатики-усатики”, бывало, играют на улице в лапту, в городки, а мы — берданки за спины, с набитыми патронташами на зорьке спешили к озерам — перелетные места, а то углубимся в глухие сафонковские леса — в царство первозданной, никем не тронутой природы.

Замечательные времена были тогда для охотников и рыболовов: обилие рыбы в озерах, водоплавающей и боровой птицы, всякого зверья, особенно зайцев.

И все-таки не так просто было встретиться с зайчишкой с глазу на глаз. Слух у него востер, и он заблаговременно улепетывает от приближающегося к нему охотника.

Но самое страшное для зайца — внезапное исчезновение снега осенью и длительное время еще царствующего “бабьего лета”. А заяц-то загодя подготовил себя к зиме: сбросил с себя серую шубу и вырядился в белую. Ляжет белый зайчишка на белый снег, и попробуй его заметить! Рядом пройдешь и не увидишь, а растаял снег — беда ему.

Вот в такое-то “голое” время мы с Сашей однажды на обусловленном интервале прочесывали сафонковские леса. Болтуны-сороки, сопровождая нас своим тревожным стрекотанием, предупреждали все живое об опасности. В такой момент всякое зверье спасается, кто как может.

Но Саша все же сделал выстрел, а вскоре приблизился ко мне с подвешенным сбоку зайцем и полусшепотом говорит:

— Вон видишь — береза на земле валяется? Там заяц ждет тебя.

Зная его шуточки-хохотушечки, я обиделся, отмахнулся и продолжал свой путь.

— Да вот те крест! — и он перекрестился. — Я мимо него прошел, а стрелять не стал — тебе оставил.

— Спасибо, — говорю, а сам иду дальше. Тогда мой Саша рассердился, отстегнул своего зайца и бросил к моим ногам:

— На, — говорит, — а твоего косого я себе возьму. А сам с берданкой наперевес поспешил к березе. Не прошло и минуты, как раздался выстрел. Он действительно возвратился с добычей.

— Понял, как надо добывать косых? И громко расхохотался.

Тогда он впервые раскрыл мне заячий "секрет". Оказывается, когда заяц уже побелел, а снега нет, он начинает усиленно искать упавшую березу и до самого снегопада неразлучно "дружит" с ней. Чуть какая опасность, он тут же растягивается вдоль нее, крепко обнимает, прижимается, и попробуй заметить. Рядом пройдешь, а он и ухом не поведет.

Это для меня было новостью. С тех пор я такую "голую" осень, будучи на охоте, искал не зайца, а лежачую березу, издали улавливал утолщенное место на ней, которое брал на мушку и был непременно успех.

ПОДЗАТЫЛЬНИК ЗА ПТАШКУ

Тогда мне шел седьмой, а Ванюшке — пятый год. Отец знал, что не было у нас большего желания, чем поездка с ним на пашню, да на целую неделю!

Нам нравилось часами "колесить" за ним, когда он ходит за плугом, посвистывает да покрикивает на коней: "Эй вы, залетные!" А сам кнутом щелкнет, да так, словно выстрелил из ружья. Впрочем, такие же насвистывания да покрикивание на "залетных" доносились до нас чуть ли не из-за каждого колка, особенно в дни сева. Все старались не упустить погожие дни.

Вспахав поле, отец спешит засеять его, пока земля еще влажная. Ловко ударяя зерном об лукошко, он удивительно равномерно разбрасывает их, а посеяв, садится верхом на коренного и заборанивает.

Все это для нас с Ванюшкой было любопытно. Мы во все вглядывались, мотали на ус, и все это в будущем нам пригодилось. Через пять лет отец в дни сева спокойно с топориком прогуливался по лесу и оттуда украдкой подглядывал, как его "мужики", то есть мы, справляются с севом. Но это потом. А сейчас на каждом шагу нам встречались чудеса, одно за другим. Нас переполняла ликующая радость и безудержное стремление все увидеть, пощупать, познать, перепробовать на вкус, на нюх, например, дикий лук, кислянку (щавель), пучки, поддержать ошкуренный таловый прутик в муравьиной кочке, а потом, смакуя, обливать его или накопать солодки и насладиться ею.

Окружающая среда тогда была не иначе как первозданной — в могучем всевластии матушки Природы, стойко сохраняющей эту свою первозданность. А сколько было в лесах живности! Куда ни пойдешь — везде приключения: то заяц от испуга драпанет — дай Бог ноги, то шумно, словно сполох, взлетит глухарь. А тут новая находка: на тоненькой ветке развесистой березы, стоящей в десяти саженьях от нашей избушки, мы увидели серую варежку и рядышком с ней — маленькую пташку. Белая шапочка, черные брови, короткий, тонкий, острый-острый клювик. Увидела она нас, запищала и поспешно улетела.

Вот мы и решили достать эту варежку. Швырнули в нее палку, а оттуда — другая пташка. Мы загорелись любопытством и продолжали бросать. Попробовали длинной палкой. Но ветка болталась, а варежка никак на землю не падала. Тогда я взял косу и с табуретки достал и срезал ее вместе с веткой. Варежка упала, а в ней — два яйца величиной чуть побольше горошины.

Мы долго рассматривали и ощупывали эту мягкую и теплую варежку и удивлялись: кто этим пичугам связал и так крепко привязал к ветке такое гнездо? Решили, что вечером отец да и другие мужики расскажут нам, что это за чудо-юдо.

И вот все съехались с пашен, привязали уставших коней к колодам с вкусной мешанкой и сами расселись у костра готовить ужин. Тут-то мы и решили удивить всех. Я поднял гнездо и воскликнул:

— А мы вот что нашли. В этой варежке птички два маленьких-маленьких яичка снесли.

Вот тут-то я и схлопотал увесистый подзатыльник отцовской ладони. Из моих глаз брызнули слезы. Но не от боли, а от обиды и стыда.

— Шалопай, — крикнул он гневно, отчего Ванюшка тут же испарился. — Вы чего наделали? Да ведь это резиновое гнездо. Я его с детства помню. Мы его много лет берегли на счастье, а вы, разбойники?.. Все, сидите теперь дома. Не возьму вас на пашню, душегубов.

Чувствовалось: все мужики были на стороне отца. В этот вечер мы с Ванюшкой рано забились под тулуп, даже не поужинав, уснули.

На другой день попытались разыскать гнездо, но так и не нашли. А дня через два увидели его: оно висело там же. Значит, отец вернул его ремезам. После этого мы много лет поглядывали на него, но птички так и не вернулись в свой родной дом, который им когда-то стоило немалых трудов и загадочного умения так искусно связать из пушинок неизвестного происхождения.

С тех пор прошло 75 лет, а я до сих пор, как увижу резиновое гнездо, так вспоминаю отцовский подзатыльник.

МЫ САМИ ЖЕ ГУБИТЕЛИ!

I.

Город Омск. Время к вечеру. Пошли мы со сватом к Иртышу подышать свежим воздухом, полюбоваться на великую реку. На берегу много удобных скамеек. Чистота. По воде снуют моторные лодки, катера на труженно тянут баржи с грузом. От всей этой сутолоки к берегу неустанно спешат и выбрасываются на песок волны, а когда откатываются обратно, то, как я заметил, оставляют неподвижных мальков. Я подобрал двух и спросил свата: много ли рыбы в Иртыше? Он криво улыбнулся:

— О чем ты? Откуда ей быть, если мы, люди, сами губим ее в зародыше? Куда ни взглянешь, всюду на воде нефтяная пленка, а появившиеся на свет мальки вначале, по законам природы, плавают табунками только близко к берегу, в верхних теплых слоях воды. А наглотаются нефти — и тут же и гибнут!

II.

В 1990 году на нашем городском озере Пестром была неплохая зимняя поклевка, но хуже, чем в предыдущую зиму. Однако рыбаков было много. Подхожу к одному. По виду, опытный любитель, а вокруг него не столько окуньков, сколько окурков, клочков бумаги. Спрашиваю:

— Ну как добыча?

— Какая к черту добыча! Год от года все хуже и хуже. Погубили природу.

— Кто погубил?

— Как кто... Руководители наши.

— Но ведь и вы не отстаете.

Рыбак удивленно посмотрел на меня, сказал:

— Чего это вы тут придумали?

— А посмотрите, вокруг вас столько мусору. Все ведь это "добро" на дно ляжет, гнить будет. А знаете ли вы, как вреден никотин для рыбы?

— Да, брось ты лапшу-то вешать на уши, — возмутился рыбак. — Развелось вас, охранников природы. Подумаешь, листок газетки, ну окурки, спички, что это — химикаты?

Я понял, что его, как и многих других, словами не убедишь, поэтому все же решил в назидание всем рыбакам-любителям сделать выписку из научного труда известного ученого-ихтиолога Михаила Михайловича Матвеева. Он пишет:

"Как часто можно услышать подобные разговоры! Мы сетуем на "нынешнее безрыбье", на чем свет стоит ругаем нерадивых хозяйственников, допускающих отравление рыбы неочищенными и сточными водами промышленных предприятий, и не задумываемся над тем, что и мы сами — рыболовы-спортсмены бездумными своими действиями прикладываем руку к этому черному делу.

Оседая на дно, металл ржавеет, бумага и пищевые отходы разлагаются и отравляют природные слои воды и грунт на дне. Гибнут, не селятся здесь личинки, рачки — корм для рыб. Так нарушается одно из звеньев природного равновесия. Рыбе нечем кормиться, трудно дышать в протухшей воде.

Казалось бы, безобидный лист бумаги — не такое уж

это зло для большого водоема. Ну а если взглянуть на него с точки зрения закона больших чисел? Пусть газетный обрывок, оседая на дно, займет площадь в 1/10 квадратного метра. В выходные дни на водоемах в окрестностях больших городов бывают десятки, а то и сотни тысяч рыболовов. Что получится, если каждый из них оставит на льду такой клочок бумаги или немного другого мусора? Сколько мусора попадет на дно за два дня, две недели, год?!

Самый страшный враг обитателей подводного мира — никотин, невзрачный папиросный окурочек, попадая в воду, отравляет не менее одного кубического метра воды, в котором гибнет все живое! Если заняться арифметикой и прикинуть: что получится, если четвертая часть рыболовов — курящие и каждый из них оставит в воде всего 10 окурочков за день?

Результат получится весьма печальный!"

1994 г.

БАБАШ-ШАБАШ

Наш город славен тем, что вокруг него много водоемов: река Ишим, озера Большое и Малое Белое, Карабелка, Широкое, Черепково, Воровское, два Кешкебиша, Пеньково, Горькое, Пестрое, Соленое, старицы — Каменка, Бабаш и многие другие, названия которых мы подрастеряли. Все они в прошлом были богаты рыбой, вдосталь кормили и горожан и сельчан. Рыбалка была, что называется, под руками. Почти до каждого водоема горожане, вооруженные оснасткой, свободно могли дойти пешком, провести там у костра ночку, побаловаться свежей ушницей с дымком, а после зорьки, непременно с добычей, вернуться домой.

Особенно высоко котиновалась рыбными запасами старица Бабаш. "Окунем да щукой, — говорили люди, — кишмя кишит Бабаш".

Помню, как жители моей станицы Новопавловки, готовясь к Великому посту, когда в течение шести недель запрещено было употреблять скоромное — мясо и молоко,

запасались рыбой в основном из старицы Бабаш. Ездили туда на санях-розвальнях, по бездорожью, через Ишим и напрямик.

Однажды отправились и мы с отцом. Для меня это был первый подледный лов, и он запомнился мне на всю мою жизнь. Запомнились крупные икринистые красноперые с розовым оттенком окуни. Запомнилась и досада, когда в момент активной поклевки у меня дважды рыба порвала и утащила леску. Хорошо, что предусмотрительный отец имел запас снастей.

Славилась рыбой старица Бабаш и в послевоенные годы. В 1957-м я был свидетелем, как попавшая на крючок крупная щука таскала из стороны в сторону лодку вместе с рыбаком, пока не порвалась леска.

Три года назад, на стихийной сходке рыбаков в охотничьем магазине, когда мужики, накупив бармаша и мотыля, стали выяснять, где все-таки есть поклевка, кто-то сказал:

— На Бабаш надо попробовать...

Другой возразил:

— Бабаш теперь не Бабаш, а Шабаш...

После того, как из "Поганки" подпустили городскую погань, омертвела знаменитая старица. Скоро вообще вокруг города негде будет рыбачить. Гибнут озера. Старицы дачники в помойки превращают — валят в них все свои отходы, которые гниют в воде. Вон, с Зареченской раньше без рыбы домой не возвращались, а как только "почтовый ящик" начал сталкивать в нее опилки да мусор, так и исчезла рыба, а водоем превратился в вонючую помойку.

В Большом Белом доживает тощенький пещ. На дне уже не растительность, а толстый слой золы...

Малое Белое под урез воды опухло, хмудобрения дождями смываются в озеро. Рыбы в нем, по существу, не стало.

Широкое пустили под золоотвал ТЭЦ-2.

Прославленное вкусным карасем озеро Кешкебиш теперь заражено глистом от свиноводческого комплекса, для которого более подходящего места не нашлось...

Богатое карасем Горькое стало местом слива городских нечистот. Рыбу ловить в нем санэпидстанцией запрещено.

Пестрое — жемчужина нашего города — также доведе-

но до хронической болезни, становится обезрыбленным и уже непригодным для питья.

Таким образом, кольцо гибнущих водоемов вокруг областного центра благодаря беспечности местных властей смыкается. Человеку попить воды в них действительно уже небезопасно. Так что шабаш. Окружающая среда нашего города, по прямой вине его жителей, его руководства, стоит и ждет пощады!

* ПРОСТИТ ЛИ НАС ПРИРОДА?

“Природа не признает шуток, она всегда правдива, всегда серьезна, всегда строга, она всегда права, ошибки же и заблуждения исходят от людей”.

В. И. Гете.

Девятый десяток лет живу я на белом свете и, скорбя о нынешнем состоянии животного и растительного мира в Приишимье, я радуюсь, что мне есть с чем сравнивать то, что мы видим и имеем сегодня. Хорошо помню, какими были 6—7 десятилетий назад наши леса, озера, река Ишим, пересекающая всю нашу область.

Кажется, нет в области села, где бы я ни побывал в разные годы. Помню, как много лет назад некоторые села стояли, что называется, “на семи ветрах” — без скверов и рощ, иные совсем без зелени, а сейчас буквально утопают в ней. И наоборот — в некоторых, некогда озелененных, селах зелень в последние годы совсем исчезла, и это, естественно, не радует ни приезжих, ни коренных жителей этих населенных пунктов. Прекрасно и своевременно в степных районах. Теперь это настоящие оазисы среди бескрайних просторов пшеничных полей.

Но больше всего меня все-таки привлекает природа нашего Соколовского района, в котором я провел детские и юношеские годы. Мои близкие родственники жили в Со-

коловке и Ольшанке, а наша семья много лет прожила в Новопавловке, а затем в Пеньково.

Такие места, как озера Кешкебиш, Черенково, Сафоновко, Гайдуково, Никульское, Лебяжье, вагулинские старицы, незабываемые местечки на Ишине возле Красноярки, Желяково, Долматово — это для меня лично самые излюбленные места отдыха, рыбалки и охоты. А какие прекрасные, поистине очаровательные уголки для сбора грибов и ягод в бугровских, новогеоргиевских и малиновских лесах!

К слову говоря, и охота на боровую и водоплавающую дичь в районе вплоть до 30-х годов была превосходной.

На сегодня в районе, по имеющимся у меня сведениям, насчитывается 52,4 тысячи гектаров лесов. Это, разумеется, немало. В не столь уж отдаленном прошлом бугровские, малиновские да некоторые другие леса были, по существу, естественными, природными заповедниками, в них годами царила первозданная тишина. Животный мир здесь просто блаженствовал и активно приумножал свою численность.

Да и вокруг нашего, близкого к городу, села Пеньково живности было так много, что в 1926 году сельчане, помню, через областную газету приглашали городских охотников для отстрела зайцев, поскольку они вовсю вытаскивали да и поедали созревшие хлеба. Отстреляли зайцев много, но снижения их поголовья так и не почувствовали. Зимой, по крайней мере, все березовские колки были испещрены заячьими тропами. Поставишь, бывало, десяток петель и к утру обязательно двух—трех зайцев возьмешь.

К тому же леса района были очень богаты боровой птицей — тетеревами, рябчиками, куропатками, а озера — водоплавающей дичью. Характерно, кстати, что охотники в те годы, как правило, пренебрегали и лысухами, и красноголовыми гагарами, и даже чирками, поскольку вдоволь было уток, чернеди, гусей.

А вот сегодня, если удастся встретить чибиса, который, бывало, сплошной массой гнезвился по берегам озер, то радуешься от души. И когда начнешь сопоставлять бывшее положение нашей природы с ее сегодняшним состоянием, то, поверьте, становится очень грустно. Из года в год

окружающая среда по вине людей скудеет, все заметней утрачивается то, что было. Но она же, природа, по-своему и мстит людям за неразумное хозяйствование, за большие и малые ошибки в использовании ее богатств.

Помню я времена, когда у нас не было никаких экологических подразделений, инспекций по охране природных ресурсов, обществ охраны природы, рыбаков и охотников и т. п. А животный, растительный, водный мир, между тем, сохранялись по собственным "законам" самой природы, гармонизируя и между собой и существуя на радость людям.

По сводкам районного общества рыбаков и охотников (председатель А. А. Пантелеев, старший егерь Д. М. Лавриненко) они вроде бы все делают, чтобы сохранить в целости фауну соколовских лесов: устанавливают кормушки, зимой завозят в них сено, веники, зерноотходы. Но животный мир, между тем, неуклонно и неизбежно скудеет, уменьшается в количественном отношении.

К примеру, на начало 1994 года в соколовских лесах насчитывалось 16 лосей, а к концу года их осталось только три. Косуль было около 600 — осталось 445, лис — 136 из 300, насчитывающихся на начало года. Увеличилась только популяция зайцев, которых было 357, стало же, по подсчетам охотоведов, — 736. В районе впервые появилось небольшое стадо кабанов в количестве 13 животных.

Очень пострадала в последнее время боровая птица: тетеревов, к примеру, в начале прошлого года насчитывалось более 700 (и то мизер по сравнению с 1920-40 годами), а сейчас осталось 130. Еще меньше насчитывается куропаток — немногим более сотни из 400, водившихся в наших лесах в прошлом году. Возникает естественный и тревожный вопрос: куда идем? К полному уничтожению местной фауны?

Года два назад резкое уменьшение животного мира свалили бы на химикаты, гербициды да пестициды, но сейчас-то их почти не применяют. На что же и на кого же валить? Ответ один: на безудержное браконьерство, полный беспредел в охотничьих делах и на очень слабый контроль со стороны экологических, природоохранных органов, их крайне скудное техническое оснащение.

И пора бы местным властям задуматься над тем, что

если так будет продолжаться и дальше, то дети и внуки наши будут видеть лесную да и водную живность лишь на картинках да по телевидению. Разве это не противоестественно?

* **ВАСЬКИН ОМУТ**

Быль

Среди нас, второклассников Новопавловской школы, Васька Колоколов был "пуп земли" — так в шутку называли его и взрослые, и мы. И только за то, что он, "ну как есть все знает и все умеет".

И во всяком деле, куда с ним ни пойдешь: за ягодами, за грибами или солодку копать — у него всегда удача, а у нас все кругом курам на смех.

— Ты колдун, Васька, — как-то не в себе сказал ему Мишка Журавлев. — И еще ты хитрюга и скряга.

— Чего?! — возмутился Васька. — В чем это я хитрюга и скряга?

— А во всем! Так ты с нами, а как рыбу удить, так один, украдкой. Вон каких окуней фунтовых домой-то приносишь, а мы чебачков да пескарей ловим...

— А тебе-то кто не велит? Найди свой омут, да прикорми и таскай хоть пудовых.

После этого пререкания мы в отсутствие Васьки договорились разыскать место, где он так удачно удит. Нелегко и не скоро нам все же удалось пронюхать это место. Тогда оно называлось Чеглово-Новопавловка, в сторону села Ольшанка — версты полторы будет.

Идти туда, а вернее, украдкой преследовать Ваську, пришлось по бездорожью, по межам капустников да случайным тропкам, а ближе к Ишиму — по страшноватым, наполненным влагой овражкам, буйно заросшим густым ежевишником да колючим шиповником.

Затаив дыхание, мы втроем из таловых зарослей высунились к тихому, но стремительному Ишиму с последними "волокушами" ночного тумана.

Кстати сказать, сейчас трудно поверить, каким глубоким, широким и стремительным в те годы был Ишим. Тогда в купальные сезоны (июнь-июль) нередко даже взрослые по неосторожности, попав в воронки, тонули. Теперь же в эти месяцы новопавловцы переходят на ту сторону, не обмочив коленок.

Итак, мы увидели Васькин затылок под развесистым деревом. Он сидел у небольшого заливчика. Значит, это и есть его тихий омут, которым он хвастался и держал в тайне.

В тот же день мы проворно стали готовиться к добыче крупных окуней. Лески из простых швейных ниток заменили на волосяные из лошадиных хвостов, закалили крючки, нарыли в достатке красных червяков, и на другой же день, зная, что Васька на омут не пойдет, прихватили корзинки под добычу и, чуть брызнул рассвет, помчались на Васькин омут.

И что же? С размахом позабрасывали мы свои удочки и с нетерпением стали ждать поклевки. Но ее нет и нет! А когда стали вытаскивать их, то оказалось, что все крючки зацепились за коряги. И как мы ни пытались выволить их, ничего не вышло. Пришлось рвать лески. А запасных лесок и крючков у нас не было.

Потом мы обо всем решили в открытую рассказать Ваське о случившемся и поставили вопрос: или возьми нас на свой омут, который мы уже знаем, и научи, как ловить крупных окуней, или нашей дружбе конец.

— Ладно, черт с вами — завтра пойдем.

По дороге он рассказал нам, как надо вытаскивать окуня из-под коряг, где он таится и набрасывается на мелких рыбешек и разных подводных насекомых.

До сих пор вспоминается, что это была, как никогда, радостная рыбалка. Она была на всю жизнь хорошим началом окуневой рыбалки.

В итоге хочу дать краткий совет тем, кто любит окуневую уху, но пока не умеет по-настоящему удить.

Первое: ищите глухой, желательнее затемненный омут с корягами, где водится именно крупный окунь.

Второе: крючок на прочной леске с наживкой не забрасывайте, как обычно, а опускайте в воду отвесно, в одну и ту же точку.

Третье: как только поплавок “пошел” вглубь, тут уж не зевай, Фомка, иначе окунь заведет леску за корягу, запутает.

В летний сезон рыбалки наилучшая насадка для окуня — это червяк-выползень из рыхлой земли.

Сезон летней рыбалки не за горами, любители вкусной ухи. Так что будьте на вооружении.

* КУДА ДЕВАЛИСЬ ЛАСТОЧКИ?

Такой вопрос нередко задают те, кто в прошлом видел их, когда эти, очень юркие существа, заполняли крестьянские дворы.

Помню, как каждую весну, прямо в день прилета, как-то по-хозяйски, старательно ласточки приступали к реставрации старых и поделке новых гнезд под крышами сараев. Лепили их к маткам, к жердям собственной слюной. И такие прочные гнезда делали, что без молотка их не порушишь.

Ласточки полезны для человека тем, что они, питаясь на лету, истребляют мух, комаров и других вредных насекомых. Так что чем больше их прилетает во двор, тем чище, свежее атмосфера хозяйского двора, спокойнее и людям, и животным, особенно в жаркую погоду. К сожалению, в наши дни их почти нет.

Некоторые любители природы высказывают разные предложения о причинах исчезновения ласточек. Например, упрекают резкое изменение климатических условий. Писалось как-то в прессе, что в Юго-Восточной Азии ласточек люди употребляют в пищу как деликатес ресторанных блюд. Все это, конечно, отрицательно сказывается, но то, что сельские дворы теперь без теплых сараев, обносятся только штакетником, лишает ласточек привычного и удобного гнездования.

И последнее, пожалуй, самое важное — это ежегодные тысячекилометровые перелеты с юга на север и обратно. Миграция — это величайшее событие в жизни птицы и величайший риск, избежать которого она не может. Об-

щеизвестно, что великое множество пернатых путешественников гибнет в пути, не достигая цели. У птиц вовсе нет органов чувств, обеспечивающих прогноз погоды. Птицы, к сожалению, не знают заранее, какая будет погода впереди: ждут ли их бури, туманы, ветры или еще что-то. Сильный ветер, дующий, например, под углом к направлению их полета, может за ночь отнести их так далеко в море, что выбраться оттуда им потом бывает очень трудно. Ущербно сказывается ориентировка в туманную погоду — летят на любой сильный свет, разбиваются о маяки, высотные здания, телеграфные провода, а то и о самолеты, которых так много теперь в мире. Так что для птиц в наше время жизнь не улыбается. Постоянно пополняется "Красная книга". Как ни печально, но в этом веке свыше 50 видов диких животных совсем исчезли. Много ли мы встречаем жаворонков, перепелок, чибисов, иволг, удонов, куропаток, кроншнепов, рябчиков, фазанов? Многие особи птиц резко уменьшились по прямой вине человека.

Наступившая весна — время прилета птиц. Наш край — это их родной дом. Здесь вершатся все таинства их размножения. Юг для птиц — это только место для выживания в тепле. Так что встретим же их с достоинством, благожелательно, встретим и сохраним от всяких химикатов и браконьеров. Птицы так же радуют нас, как радуют цветы, песни, музыка.

* НА ХИТРОЙ ОХОТЕ

Рассказ-быль

Дело-то было еще в 1922 году. Жили мы тогда в Новопавловке, а пашня наша находилась среди березовых колков, по соседству с озером Пеньково. Пашен здесь было много. Весной за каждым колком слышишь покрикивание да посвистывание пахаря на своих лошадей: "Эй, вы, залетные! Давай, давай, милые!".

Но людно и шумно было недолго — дней пятнадцать весной и столько же в осеннюю страду. Остальное же лето было почти безлюдно, зато дичи всякой было целое царство.

Идешь, бывало, по лесу, а из-под ног то и дело сполохом вылетают косачи, а то зайчишки стрекача дают; всюду слышен раскатистый гогот куропаток и целое сонмище разноголосых певчих птиц.

Охотников в те годы было мало. Во всей нашей станице имели одноствольные берданки не более пяти человек, да и те сидели без дробин, в лучшем случае сами катили ее на сковородках, если подвернется свинец. Городские охотники дальше озера Кешкебиша, что было за Мещанской рощей, почти не появлялись.

А какие идеальные условия для дичи были тогда с кормами. Ведь повсюду в лесах были заимки хлебобобов, а это значит дерновая избушка с общими нарами на пяток пахарей, навесик с колодой для мешанки лошадям, и у каждого пахаря свой точок для обмолота своего урожая. Вот эти тока и были изобильной кормушкой для всякой дичи. После обмолота на токах оставались кучи зерновых отходов — сечки, сурепки, куколя, овсюга.

Вообще на заимках, да и в поле, в те годы люди оставляли в зиму скирды и стога сена или необмолоченного хлеба. Теперь это как сон. Приходится удивляться, ведь не было же раньше краж и безрассудного озорства, как это процветает теперь. Был грех, была совесть, взаимное уважение людей. Так что животному миру жилось сытно и вольготно.

И все же охота на дичатинку у сельчан была не ружьем, так хитростью: кто-то зайчишек ловил с помощью ямки, накрытой колосьями хлеба или проволоочными петлями на зимних тропках, а на токах ухитрялись ловить косачей да куропаток петельками из волос конского хвоста, накрывали коробом или сеткой.

Нам, с братом Ванюшкой, больше всего понравился способ лова рябчиков, которых на нашем току мы неоднократно видели табунками, коробом. Теперь такая "охота" называется браконьерством, но тогда такого слова люди не слышали и не знали. Больших трудов нам с Ванюхой стоило уговорить отца с матерью самостоятельно поехать на заимку и на току наловить рябчиков. "Уж больно вкусные они", — говорили люди.

День выдался лучше и не надо: тихий, теплый. Свежий ночной снежок слепил глаза. Гнедко нас хорошо понял:

как только мы выехали на гору, он без понукания пустился своей традиционной рысцей прямо на заимку. Мы ликovali, мы предвкушали богатую добычу, а потом и славу среди своих дружков.

Еще издали мы увидели, как разлетается и разбегается вся дикая живность с нашего тока.

— Ничего. Далеко не разлетитесь! — воскликнул Ванюшка.

Мы все сделали так, как подсказали нам люди с опытом: лошадь спрятали за избушкой, короб поставили на "бойком" месте тока, на ребро, склонив его на подпорку, за которую привязали длинные две бельевые веревки и протянули их через оконце в избушку, на то место, где короб должен был прихлопнуть дичь. Подсыпали пшеницы, а сами, затаив дыхание, притаились в избушке у конца веревок. Ждать пришлось долго.

И вот прискакали с разных сторон сразу два зайчишки, но к коробу не спешили, а рылись в охвостях. Затем, словно с неба, шлепнулся косач, но тоже в стороне от короба. Мы досадуем, а время тянется, тянется, и вдруг: стремительно и шумно, плотной ватажкой, прямо к коробу, на нашу пшеничку плюхнулся табунок рябчиков! Я так резко рванул веревку, что локтем сбил Ванюшку. Он было заплакал, но я закричал: "Накрыл, накрыл! Весь табун в коробе!!!".

Но, когда мы подбежали к коробу и услышали, как отчаянно мечутся рябчики, мы опешили. Как теперь взять эту большую и мятежную добычу?.. Мы поняли, что нам надо было прихватить из дома половик, с помощью его пробраться под короб и там собрать добычу в мешок прямо живьем! Думали, думали и решили: я подниму быстро угол короба, а Ванюшка стремительно, с мешком, шмыгнет под короб, который я мигом закрою, а он там выловит добычу, и в мешок ее. Но только я приподнял угол короба, только Ванюшка шмыгнул, в этот момент все до единого рябчика вышмыгнули на волю. А я в растерянности резко бросил короб, да на Ванюшкины ноги. От досады и боли он разревелся.

А рябчики, словно в насмешку, слетелись на крышу избушки и любовались на нас, незадачливых хитрецов-охотников.

Домой мы поехали молча. В семье рассказали все, как было, а дружкам на вопросы отвечали уклончиво.

Потом мне часто приходилось наблюдать за поведением рябчиков и я знаю: их мир очень любопытен. Летают они монолитными табунками, очень быстро, а маневрируют так слаженно, что невольно думаешь, что у всего табунка один ум на всех.

За всю многолетнюю жизнь мне так и не удалось покусать рябчика. А теперь уж и не придется. Говорят, что рябчик почти исчез. А жаль.

*** ПОДАРИТЕ НАМ ПЕСНЮ, СКВОРЦЫ**

Весна! Она нынче хоть и запоздалая, но во всем чувствуешь ее дыхание. Вот-вот из далеких тропиков и субтропиков появятся милые нашему сердцу скворцы. Ждать-то мы их ждем, поглядывая в небеса и на верхушки деревьев, а вот как готовимся к их встрече? Однозначно — плохо. Вглядитесь в облик любого села — скворечников-то не стало. А ведь бывало, в каждом дворе они возвышались над крышей.

Истари повелось, что в это время хозяин тщательно проверяет птичьи хоромы, заделывает щели — иначе скворец не приживется, или просто меняет на новые. Обязательное условие — свежие березовые ветки: садись, скворушка, радуй нас своими чарующими напевами.

Прилет скворцов всегда бывает дружным, почти внезапным. И сразу же начинается "приватизация" квартир. И не дай Бог, если какой-то парочке скворечника не достанется. Гнезда они сами, как и кукушки, не мастерят, поэтому неудачникам приходится лететь в лес, находить дупло, а это совсем не то, что скворечник — крыши-то нет. Отлучись самка, а тут тебе самая ненавистная всем птицам нашего края — ворона! Да, если б ее не было, в наших краях других пернатых было бы гораздо больше. Даже коршуны, копчики, хитрые чибисы, куропатки боятся появления в своих владениях этой пакостной разбойницы, что безжалостно опусто-

шает их гнезда — выпивает яйца, пожирает цыплят. Есть даже такая пословица: “В своем гнезде и ворона коршуну глаза выклюет”. Куда уж там скворушке...

Вот потому-то и прибиваются скворцы к человеку, к его жилью. И так щедро дарят своему покровителю свои чудесные и на редкость разнообразные напевы.

В их песнях мы слышим набор голосов заморских птиц. Скворец, как попугай, умеет имитировать иволгу, авдошку, чибиса, жаворонка, перепелку и многих других нам неведомых заморских птиц.

Наш город в прошлом тоже неплохо готовился к прилету скворцов. Почти в каждом подворье окраин был скворечник. Они красовались на деревьях в городском парке. В наши же дни, они если и сохранились, то уж в очень плачевном состоянии. Раньше благородную роль — размещение и привлечение в порядок птичьего жилья — брали на себя школы. Сейчас же об этом забыли. А жаль. Нельзя терять то, о чем помнят веками. Давайте же сделаем возле каждого дома скворечник.

* КЕШКЕБИШ

Рассказ

Мало кто из горожан не знает озера Кешкебиш. Оно расположено в восьми километрах от города — за Мещанской рощей. Теперь это озеро людное. По соседству с ним много дач, огородов, а у самого берега — свинокомплекс.

До 60-х годов в этих местах была тишь да гладь и Божья благодать. Только в выходные дни постреливали городские охотники. Теперь же едва кто-то поверит в то, что мы с годьшой Санькой Вележанским в пятнадцатилетнем возрасте два лета — 1926—27 года — были официальными хозяевами этого, богатого в то время золотистым карасем, озера. Вкуснее кешкебишского карася в округе не было.

Произошло это так. Жили мы тогда на хуторе Пеньково. В зимнее время работы было — кот наплакал. Утром скотину на водопой сгоняешь, стайку почистишь, сенца в ясли подвалишь — и гуляй себе. Тогда у нас не было еще ни школы, ни библиотеки.

И вот мы, подростки, не на шутку пристрастились к картежной игре. Вначале “в дурака”, а потом — “в очко”, по пятничку на кон. Это были деньги эпмановского времени, когда фунт чесночной колбасы стоил 20—25 копеек, десяток карасей — 10 копеек, сайка широко известного в городе хлебопека Якушева — 5 копеек.

Играли у простодушного весельчака, бессменного пастуха общественного скота Мукатая Измаиловича. Рассядемся, бывало, за круглым, приземистым столом за дастарханом, устланным кошмами, ноги кто калачиком, кто под стол, и режемся, пока его женушка Розия не сварит да не подаст нам свою огромную тарелку, наполненную доверху свежей бараниной. Мы же, втихаря, прихватывали с собой “для аппетита” бутылек самогоночки, что и дошло до наших отцов. Естественно, начался распад нашего “казино”.

Приехал как-то мой отец из города и велит мне пригласить вечером Саньку. Когда мы собрались, отец и говорит нам:

— Вот что, братцы-кролики, хватит вам лоботрясничать, пора за умишко браться. В городе мой знакомый организовал артель под названием “Красный рыбак”. У вас, конечно, лет маловато. Но я с ним все же договорился вписать вас в члены этой артели и закрепить за вами озеро Кешкебиш. Если твой отец, Санька, не будет возражать, то засучайте рукава и беритесь за вязку сетей, а весной, как только отсеемся, езжайте на озеро, стройте балаган и до сенокосения кормите нас и город желтым карасем.

Мы с Санькой не могли скрыть своей радости: все-таки самостоятельность!

— А по сколько нам иметь сетей? — спросил Санька.

— Я зарегистрировал — по десять, а если навяжете больше, то вам и хвала. С весны вы законные хозяева Кешкебиша. Сколько поставите сетей, сколько наловите рыбы — все ваше. Но как только рыба начнет свой икромет, так сразу же “палки на барабан” — ловлю прерываете.

Все так по отцовской думке и получилось. Балаган, крытый дерном, мы с Санькой соорудили на противоположном берегу аула аксакала Исмаша. На длинном древке воздвигли флаг с надписью: “Арт. “Красный рыбак” (о, гордость-то какая!).

Увидев балаган, да еще с флагом, к нам первыми прибегали аульные ребятишки, а за ними и взрослые. Мы друг друга знали, все они — пеньковские, но летом, как правило,

выезжали на приволье, в западной части пасли скотину новопавловцев, а в восточной — пеньковцев. Кешкебишское урочище в те годы славилось богатым растительным покровом, чистым, с песочными берегами и дном озером.

... С тех пор прошло 70 лет, а в моей памяти ясно сохранилась кешкебишская благодать, неукротимый птичий гомон. Каких только голосов не слушаешься за световой день! Бывало, думаешь-гадаешь, чего от зари до зари кричат авдотки, кроншпиль, чибисы, над чем ухохатываются мартины, которые чуть свет обкрадывают наши сети? Похоже, смеются над нами: спим долго. Серебряным звоном с утра до ночи катится по всему озеру неугомонный крик чаек. И только кулички, словно обиженные, тихо лепечут и бегают у самого лезвия воды. Выплывают и нами невидимые плоды озерные. О, сколько оно, благодатное, кормило живности, в том числе и людей!

Карася в нем было так много, что мы с Санькой без особых забот за 3—4 дня доверху заполняли свои "тыновые" садки, и кто-то из нас по уговору бежал домой и сообщал, чтобы приезжали за готовой добычей. А утром, чуть свет, от нас обычно "отчаливали" две подводы с наполненными рыбой коробами. Вначале родители сдавали ее в артельный ларек на рынке, но потом руководство артели, ссылаясь на жару и спад покупателей, разрешило продавать самим — прямо из короба.

Так вот два лета сряду мы с Санькой хозяйничали на озере Кешкебиш.

В позапрошлом лето мне довелось побывать на нем. И кроме тяжелой печали, я ничего нового не приобрел. Вдоль южного и восточного берегов, непонятно кем и для чего, нарыты бесформенные ямы, земля разбросана по всем сторонам. Что это? Миникотлованы? Но кому, по какому праву пришло в голову изуродовать природу?!

Встретил пожилого рыбака. На мой вопрос: велика ли добыча? — он ответил:

— Рыбы в озере совсем мало. Да и та наполовину глистоватая, от загрязнения, которое исходило много лет от соседнего свиного комплекса.

Выяснилось, что и птицы стало мало. Даже лысух, чибисов и тех разогнали да уничтожили дачники...

СОДЕРЖАНИЕ

О чем курлычат журавли...	3
Хозяин природы	9
Озеро Кендыкты	11
Хорошее начало	12
Сказки леса	14
Беды лесные	18
Долматовский омут	21
Когда озеро свое	23
Отзвенели листья на березе	25
Или жить на семи ветрах	27
Дуршлагом рыбы не наловишь	29
Стон на озере Якуш	31
На бывшем озере Широком	34
Там, где была голубая Вязель	40
Черный ворон	42
Почему погибла рыба	46
Заступник природы	48
Клочок сена для косули	50
Гроза в лесу	52
Теплый колок	52
"Возродим озера"	65
Избежать замора рыбы	68
Забота о родном крае	69
Первая охота	72
Приишимские соловьи	76
В саду Полукарова	77
Сын Приишимья	79
Хитрый чибис	82
Волчья месть	84
Тимошарушкины рассказы	91
Собачья любовь	92
Берта	94
Урядница	98
Береза святая	103
* Музыка и животным мила	105
* Кто самый сильный?	107
Кто рявкнул?	110
* Умная птица	111
Прозрачные березы	113
С природой шутки плохи	116
Западня	120
Ванька — Куян	123
Моя родная деревенька	125
Что мы оставим?	130
Посади и вырасти дерево	133
Судьба жемчужины города	136
26 мурашей!	141
Простите нас, журавушки!	143
Облагораживай и защищай, человек	146
Кто нам очистит песа?	147
Живой памятник себе создали	150
К водоемам — по-хозяйски	152
Охотники и истребители	155
На чистую воду	157
Дожили рыбаки-любители	159
А что дальше-то?	162
Экологические преступления	165
О чем поют птицы	169
А друзья ли мы вам?	173

Под пологом леса	174
Лес— легкие земли	176
В защиту полевых цветов	179
Где вы, глухари?	182
Природа и дети	185
* Сохранить для потомков	189
* Поскорбим над осинушкой..	191
* Зов предков	193
* А трус ли заяц?	194
Подзатыльник за пташку	196
Мы сами же губители!	198
Бабаш-шабаш	200
* Простит ли нас природа?	202
* Васькин омут	205
* Куда девались ласточки?	207
* На хитрой охоте	208
* Подарите нам песню, скворцы	211
* Кешкебиш	212

Михаил АВЕРИН

ПРОСТИТЕ НАС, ЖУРАВУШКИ

Рассказы и очерки о природе Приишимья

Книга выпущена в авторской редакции.

Спонсоры: Государственный Республиканский трест
Союзцелинвод, Северо-Казахстанское
областное управление экологии и биоресурсов.

Сдано в набор 23.03.98 г. Подписано к печати 12.05.98 г.
Формат 84x108 1/32. Объем 6,75 физ. п. л. Печать офсетная.
Тираж 2000. Заказ 1573.

Государственное издательско-полиграфическое предприятие
"Зауралье". 640627, г. Курган, ул. Карла Маркса, 106.

